

Казахстанский институт
стратегических исследований
при Президенте
Республики Казахстан

Казахстан 1

Спектр НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ 2026

www.kisi.kz

**Сценарная субъектность Казахстана в горизонте 2040.
Молодежь как носитель форсайт мышления**
Айгуль Забирова
Ермек Бурибаев
Наталья Сейтахметова

**Трансформация института парламентаризма
Казахстана в условиях политических реформ**
Елнур Бейсенбаев
Бахытжан Бухарбаев

**Трансформация политической ментальности
казахстанцев: векторы и парадигмы**
Елена Бурова
Гульнара Коянбаева
Алёна Адамиди

**Прикладные аспекты медиации в политическом
процессе Республики Казахстан**
Рустан Бектурмов
Бағыш Габдулина

**Развитие гендерного равенства в Казахстане:
анализ политических документов**
Жазира Искендирирова
Елена Нечаева
Алуа Жолдыбалина
Дина Айкенова

**Этнический фактор и межпоколенческий диалог:
практики женского политического участия в формировании
национальной идентичности в Казахстане**
Асель Ишанова
Алина Калишева

**Международные модели коммерциализации
НИОКР и их адаптация для государственной
политики Республики Казахстан**
Айтанын Шерияздан
Бибигуль Бюлегенова
Нуркан Озгюр

**Афгано-узбекские отношения в период после 2021 года:
стратегический прагматизм в сфере экономического
и политического сотрудничества**
Билал Накиб Джан
Джахан Фарук
Лейла Деловарова

**Культурная дипломатия Турции в XXI веке:
телесериалы как механизм продвижения
неоосманской идеологии**
Адилбек Ермекбаев
Жалдыра Екибасова
Айна Аскероглу Арслан

**Усиление активности международных
террористических организаций в Центральной Азии
в среднесрочной перспективе**
Мурат Тулеев

**Модель системы управления человеческими
ресурсами (HRM) государственных органов
на основе международного опыта экосистемного подхода**
Алия Даушопова
Сауле Искендирирова

ISSN 1562-6318

9 771562 631162

Содержание

ВЗГЛЯДЫ. РАЗМЫШЛЕНИЯ. ДИСКУССИИ

Айгуль Забирова Ермек Бурибаев Наталья Сейтахметова	Сценарная субъектность Казахстана в горизонте 2040. Молодежь как носитель форсайт мышления	7
---	--	---

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

Елнур Бейсенбаев Бахытжан Бухарбаев	Трансформация института парламентаризма Казахстана в условиях политических реформ	22
Елена Бурова Гульнара Коянбаева Алёна Адамиди	Трансформация политической ментальности казахстанцев: векторы и парадигмы	39
Рустем Бектормов Бағыш Габдулина	Прикладные аспекты медиации в политическом процессе Республики Казахстан	53
Жазира Искиндинова Елена Нечаева Алуа Жолдыбалына Дина Айкенова	Развитие гендерного равенства в Казахстане: анализ политических документов	69
Асель Ишанова Алина Калишева	Этнический фактор и межпоколенческий диалог: практики женского политического участия в формировании национальной идентичности в Казахстане.	83
Айганым Шерияздан Бибигуль Бюлегенова Нуркан Озгюр	Международные модели коммерциализации НИОКР и их адаптация для государственной политики Республики Казахстан	102
Билал Накиб Джан Джахан Фарук Лейла Деловарова	Афгано-узбекские отношения в период после 2021 года: стратегический прагматизм в сфере экономического и политического сотрудничества.	116
Адилбек Ермекбаев Жадыра Екибасова Айна Аскероглу Арслан	Культурная дипломатия Турции в XXI веке: телесериалы как механизм продвижения неоосманской идеологии	133
Мурат Тулеев	Усиление активности международных террористических организаций в Центральной Азии в среднесрочной перспективе	148

АКТУАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Алия Дауешова Сауле Искендинова	Модель системы управления человеческими ресурсами (HRM) государственных органов на основе международного опыта экосистемного подхода	167
------------------------------------	--	-----

Казахстанский институт
стратегических исследований
при Президенте
Республики Казахстан

Выходит ежеквартально с октября 1994 г.

Шеф-редактор **Асель Назарбетова**,
Руководитель Представительства КИСИ при
Президенте РК в г. Алматы

Верстка: Меруерт Әсіл
Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000, г. Астана, ул. Бейбитши-
лик 4, тел. 8 (7172) 75 20 20, факс 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.
Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати и
массовой информации РК 8 сентября 1997 г. Регистрационное свидетельство
№644. ISSN 1562-6318

При перепечатке статей ссылка на журнал обязательна. Мнение редакцион-
ной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей.
Отпечатано в.

Тираж:

Мазмұны

КӨЗҚАРАС. ОЙ-ШКІР. ТАЛҚЫЛАУ

Айгүл Забирова Ермек Бурибаев Наталья Сейтахметова	2040 жылдар көкжиегіндегі Қазақстанның жоспарлы субъектілігі. Жастар форсайт ойлаудың иелері ретінде 7
--	--

САЯСАТ ЖӘНЕ ҚОҒАМ

Елнұр Бейсенбаев Бақытжан Бұқарбай	Саяси реформалар жағдайындағы Қазақстан парламентаризм институтының трансформациясы. 22
Елена Бурова Гүлнар Қоянбаева Алёна Адамиди	Қазақстандықтардың саяси менталитетінің трансформациясы: векторлар мен парадигмалар. 39
Рустем Бектрұмов Бағыш Ғабдулина	Қазақстан Республикасының саяси үдерісіндегі медиацияның қолданбалы аспектілері 53
Жазира Искиндиrowa Елена Нечаева Алуа Жолдыbалина Дина Айкенова	Қазақстандағы гендерлік теңдікті дамыту: саяси құжаттарды талдау 69
Әсел Ишанова Алина Калишева	Этникалық фактор және ұрпақаралық диалог: Қазақстанда ұлттық бірегейлікті қалыптастыруға әйелдердің саяси қатысу практикасы 83
Айғаным Шерияздан Бибігүл Бөлегенова Нуркан Озгюр	ҒЗТҚЖ коммерцияландырудың халықаралық үлгілері және оларды Қазақстан Республикасының мемлекеттік саясатына бейімдеу 102
Билал Накиб Джан Джахан Фарук Лейла Деловарова	2021 жылдан кейінгі Ауғанстан – Өзбекстан қатынастары: экономикалық және саяси өзара іс-қимылдағы стратегиялық прагматизм 116
Әділбек Ермеkbасев Жадыра Екібасова Айна Аскероглы Арслан	XXI ғасырдағы Түркияның мәдени дипломатиясы: телесериалдар неоосмандық идеологияны дамыту тетігі ретінде 133
Мұрат Тулеев	Орталық Азиядағы халықаралық террористік ұйымдардың орта мерзімді перспективада белсенділігінің күшеюі 148
Әлия Даушова Сәуле Искендиrowa	Экожүйе тәсілінің халықаралық тәжірибесіне негізделген мемлекеттік органдарға арналған адам ресурстарын басқару (АДР) жүйесінің моделі. 167

ӨЗЕКТІ ЭКОНОМИКА

Қазақстан Республикасы
Президенті жанындағы
Қазақстанның стратегиялық
зерттеулер институты

Бас редактор **Әсел Назарбетова**,
Алматы қаласындағы ҚР Президенті жанындағы
ҚСЗИ өкілдігінің басшысы

Беттеу: Меруерт Әсіп
Редакция мекенжайы: Қазақстан Республикасы, 010000, Аста
на к., Бейбітшілік көшесі 4, тел. 8 (7172) 75 20 20, факс 8 (7172) 75 20 21.
E-mail: office@kisi.kz
Журнал ҚР Баспа ісі және бұқаралық ақпарат жөніндегі ұлттық агенттікте 1997
жылдың 8 қыркүйегінде тіркелген, тіркеу куәлігінің №644. ISSN 1562-6318
Журналда жарияланған материалдарды көшіріп басқан жағдайда журналға
сіптеме жасалынуы міндетті.
Жарияланған мақала авторларының пікірі редакция көзқарасын білдірмеуі
мүмкін. Таралымы: .

1994 жылдың қазанынан тоқсан сайын шығып тұрады.

Contents

VIEWS. THINKING. DISCUSSIONS

Aigul Zabirowa Ermek Buribayev Natalya Seitakhmetova	Envisioning 2040: Youth and Scenario Subjectivity in Kazakhstan 7
---	--

POLITICS AND SOCIETY

Elnur Beisenbayev Bakhytzhan Bukharbayev	Transformation of the Parliamentary Institution in Kazakhstan in the Context of Political Reforms. 22
Elena Burova Gulnara Koyanbayeva Alyona Adamidi	Transformation of the Political Mentality of Kazakhstan's Population: Vectors and Paradigms 39
Rustem Bektrumov Bagysh Gabdullina	Applied Aspects of Mediation in the Political Process of the Republic of Kazakhstan 53
Zhazira Iskandirova Yelena Nechayeva Alua Zholdybalina Dina Aikenova	Development of Gender Equality in Kazakhstan: the Analysis of Policy Documents 69
Assel Ishanova Alina Kalisheva	The Ethnic Factor and Intergenerational Dialogue: Practices of Women's Political Participation in the Formation of National Identity in Kazakhstan 83
Aiganym Sheriyazdan Bibigul Byulegenova Nurcan Özgür	Comparative Analysis of International Models of R&D Commercialisation and their Adaptation for Kazakhstan. 102
Bilal Naqib Jan Jahan Farooq Leila Delovarova	Afghanistan – Uzbekistan Relations after 2021: Strategic Pragmatism in Economic and Political Engagement 116
Adilbek Yermekbayev Zhadyra Yekibassova Ayna Askeroglu Arslan	Turkish Cultural Diplomacy in the 21st Century: TV Series as a tool for Promoting Neo-ottoman Ideology 133
Murat Tuleyev	Increasing Activity of International Terrorist Organizations in Central Asia in the Medium Term 148

ACTUAL PROBLEMS OF ECONOMICS

Aliya Dauyeshova Saule Iskandirova	A Model of Human Resources Management (HRM) System for Government Bodies based on International Experience of the Ecosystem Approach 167
---	--

Quarterly since October 1994

Editor in Chief **Assel Nazarbetova**,
Head of the Representative Office of the KazISS under
the President of the Republic of Kazakhstan in Almaty

Layout: Meruert Asyl
Address: 4 Beibitshilik str., Astana, 010000, Republic of Kazakhstan.
Phone: 8 (7172) 75 20 20. Fax: 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.
The journal was registered by the National Agency of press and information of
the RK on September 8, 1997. Registration certificate №644. ISSN 1562-6318
All copies from this journal should be made with reference. The opinion of the
editorial board may not coincide with that of the authors of articles.
Printed by:
Copies: .

Редакционный совет

- Санат Кушкумбаев** – Председатель Редакционного совета, главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук
- Марлен Ларюэль** – Директор Института европейских, российских и евразийских исследований Школы международных отношений Эллиота Университета Вашингтона, Ph.D. (США)
- Тимур Дадабаев** – Доцент кафедры международных отношений Университета Цукуба, Ph.D. (Япония)
- Адриен Фов** – Ассистент-профессор кафедры политики и международных отношений в Университете Пари-Сюд, Ph.D. (Франция)
- Беате Эшмент** – Научный сотрудник Центра восточноевропейских и международных исследований, Ph.D. (Германия)
- Хорос Йенг** – Ассоциированный профессор коммерческого права Школы права Лестера Лестерского университета, Ph.D. (Великобритания)
- Мартон Краснай** – Научный директор Центра исследований Центральной Азии при Университете Корвинуса, Ph.D. (Венгрия)
- Гульнара Насимова** – Заведующая кафедрой политологии и политтехнологий Казахского национального университета им. аль-Фараби, доктор политических наук, профессор
- Дастан Кошербаев** – Директор Института прикладных исследований Академии госуправления при Президенте РК, кандидат политических наук
- Рахман Алшанов** – Президент образовательной корпорации «Туран», президент Ассоциации высших учебных заведений РК, доктор экономических наук, профессор
- Анар Есенгельдина** – Заведующая отделом профессионального развития Центра исследований, анализа и оценки эффективности при Высшей аудиторской палате РК, кандидат экономических наук, профессор

Редакционная коллегия

- Асель Назарбетова** – Шеф-редактор, руководитель Представительства КИСИ в г. Алматы, Ph.D. по политологии
- Алуа Жолдыбалына** – Заместитель директора КИСИ при Президенте РК, Ph.D. по политологии, ассоциированный профессор
- Айгуль Кошербаева** – Ученый секретарь КИСИ при Президенте РК, доктор экономических наук, профессор
- Асель Абен** – Главный эксперт КИСИ при Президенте РК, Ph.D. по экономике

Редакциялық кеңес

- Санат Көшкімбаев** – Редакциялық кеңес төрағасы, ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ бас ғылыми қызметкері, саяси ғылымдарының докторы
- Марлен Ларюэль** – Вашингтон университеті Эллиот халықаралық қатынастар мектебінің Еуропа, Ресей және Еуразиялық зерттеулер институтының директоры, Ph.D. (АҚШ)
- Тимур Дадабаев** – Цукуба университетінің Халықаралық қатынастар кафедрасының доценті, Ph.D. (Жапония)
- Адриен Фов** – Пари-Сюд университетінің Саясат және халықаралық қатынастар кафедрасының ассистент-профессоры, Ph.D. (Франция)
- Беате Эшмент** – Шығыс Еуропа және халықаралық зерттеулер орталығының ғылыми қызметкері, Ph.D. (Германия)
- Хорос Йенг** – Лестер университетінің Лестер заң мектебінің коммерциялық құқық кафедрасының қауымдастырылған профессоры, Ph.D. (Ұлыбритания)
- Мартон Краснай** – Корвинус университетінің Орталық Азияны зерттеу орталығының ғылыми директоры, Ph.D. (Венгрия)
- Гүлнара Насимова** – Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің саясаттану және саяси технологиялар кафедрасының меңгерушісі, саяси ғылымдарының докторы, профессор
- Дастан Көшербаев** – ҚР Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясының Қолданбалы зерттеулер институтының директоры, саяси ғылымдарының кандидаты
- Рахман Алшанов** – «Тұран» білім беру корпорациясының президенті, Қазақстан Республикасы жоғары оқу орындары қауымдастығының президенті, экономика ғылымдарының докторы, профессор
- Анар Есенгелдина** – ҚР Жоғарғы есеп палатасы жанындағы Ғылыми-зерттеу, талдау және қызметтің тиімділігін бағалау орталығының біліктілікті арттыру бөлімінің меңгерушісі, экономика ғылымдарының кандидаты, профессор

Редакциялық ұжым

- Әсел Назарбетова** – Бас редактор, ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ Алматы қаласындағы Өкілдігінің басшысы, Ph.D.
- Алуа Жолдыбалина** – ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ директорының орынбасары, Ph.D., қауымдастырылған профессор
- Айгүл Көшербаева** – ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ ғалым хатшысы, экономика ғылымдарының докторы, профессор
- Әсел Әбен** – ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ бас сарапшысы, Ph.D.

Editorial board

- Sanat Kushkumbayev** – Chairman of the Editorial Board, Chief Researcher at the Kazakhstan Institute for Strategic Studies (KazISS), Doctor of Political Science
- Marlene Laruelle** – Director of the Institute for European, Russian and Eurasian Studies at the Elliott School of International Affairs, George Washington University, Ph.D. (USA)
- Timur Dadabayev** – Associate Professor of International Relations Department at the University of Tsukuba, Ph.D. (Japan)
- Adrien Fauve** – Assistant Professor of Politics and International Relations at the University of Paris-Sud, Ph.D. (France)
- Beate Eschment** – Research Fellow at the Center for East European and International Studies, Ph.D. (Germany)
- Horace Yeung** – Associate Professor in Commercial Law at Leicester Law School, University of Leicester, Ph.D. (United Kingdom)
- Marton Krasznai** – Scientific Director of the Center for Central Asian Studies at Corvinus University, Ph.D. (Hungary)
- Gulnara Nassimova** – Head of the Department of Political Science and Political Technologies of the Kazakh National University named after Al-Farabi, Doctor of Political Sciences, Professor
- Dastan Kosherbayev** – Director of the Institute of Applied Research of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Political Sciences
- Rakhman Alshanov** – President of the educational corporation "Turan", President of the Association of Higher Educational Institutions of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Economic Sciences, Professor
- Anar Esengeldina** – Head of the Department of Professional Development of the Center for Research, Analysis and Evaluation of Performance under the Supreme Audit Chamber of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Economic Sciences, Professor

Editorial team

- Assel Nazarbetova** – Chief Editor, Head of the Representative Office of KazISS in Almaty, Ph.D. in Political Science
- Alua Zholdybalina** – Deputy Director of KazISS, Ph.D. in Political Science, Associate Professor
- Aigul Kosherbayeva** – Academic Secretary of KazISS, Doctor of Economics, Professor
- Assel Aben** – Chief Expert of KazISS, Ph.D. in Economics

МРНТИ
04.11.91

СЦЕНАРНАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ КАЗАХСТАНА В ГОРИЗОНТЕ 2040. МОЛОДЕЖЬ КАК НОСИТЕЛЬ ФОРСАЙТ МЫШЛЕНИЯ

Айгуль Забирова^{1*}

Ермек Бурибаев²

Наталья Сейтахметова³

^{1*} Главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК, доктор социологических наук, профессор; Астана, Казахстан, e-mail: zabirowa2010@gmail.com. ORCID ID: 0000-0001-9558-187X

² Председатель Правления – Ректор НАО «Жетысуский университет им. Ильяса Жансугурова», доктор юридических наук, профессор; Талдыкорган, Казахстан, ORCID ID: 0000-0003-0433-596X

³ Главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН РК; Алматы, Казахстан, ORCID ID: 0000-0001-6297-7317X

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2026.114.1.001>

Аннотация. Статья предлагает культурно-социологический анализ представлений о будущем среди молодёжи Казахстана в горизонте 2040 года. Опираясь на методологию гуманитарного форсайта и материалы двадцати фокус-групп, проведённых в пяти регионах страны, авторы реконструируют сценарные модели, в которых переплетаются эмоции, идентичность и моральные притязания. В центре внимания находится молодёжь как носитель сценарной субъектности, способный не только вообразить альтернативные траектории будущего, но и проговаривать их как формы культурного участия. Анализ выявляет четыре сценария, каждый из которых репрезентирует определённый эмоциональный тон и символический порядок.

Работа демонстрирует потенциал культурного форсайта как гибридной исследовательской рамки, сочетающей методы нарративного анализа, сценарного моделирования и эмоциональной картографии. Полученные результаты

актуальны не только для социологического и футурологического дискурса, но и для разработки культурной политики, ориентированной на признание молодёжи как соавтора символического порядка будущего.

Ключевые слова: *молодежь, Казахстан, форсайт анализ, сценарная субъектность.*

2040 ЖЫЛДАР КӨКЖИЕГІНДЕГІ ҚАЗАҚСТАННЫҢ ЖОСПАРЛЫ СУБЪЕКТІЛІГІ. ЖАСТАР ФОРСАЙТ ОЙЛАУДЫҢ ИЕЛЕРІ РЕТІНДЕ

Айгүл Забирова^{1*}, Ермек Бурибаев², Наталья Сейтахметова³

^{1*}ҚР Президенті жанындағы Қазақстанның стратегиялық зерттеулер институтының бас ғылыми қызметкері, әлеуметтану ғылымдарының докторы, профессор

²Ілияс Жансүгіров атындағы Жетісу университетінің Басқарма төрағасы – ректор, заң ғылымдарының докторы, профессор

³ ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің Философия, саясаттану және дінтану институтының бас ғылыми қызметкері, философия ғылымдарының докторы, профессор, ҚР Ұлттық ғылым академиясының корреспондент мүшесі

Андатпа. Мақала 2040 жылдар көкжиегіндегі Қазақстан жастары арасындағы болашақ жайлы мәдени-әлеуметтанулық талдауларды ұсынады. Гуманитарлық форсайт әдіснамасы мен елдің бес аймағында жүргізілген жиырмадай фокус-топ материалдарына сүйене отырып эмоциялар, бірегейлік және моральдық талаптар тоғысында авторлар жоспарлы үлгіні құрылымдайды. Жастар болашақтың баламалы траекториясын болжаушы ғана емес, сонымен қатар олар мәдени қатысудың формасы ретінде де айқындалып, субъектілік жоспарды тасымалдаушы ретінде қызығушылық тудырады. Талдау олардың әрқайсысы белгілі бір эмоционалдық реңк пен символдық тәртіпке өкілдік ететін төрт жоспарды анықтайды. Жұмыс жоспарлы модельдеу мен эмоционалды картографияның нарративті талдау әдісін біріктіретін аралас зерттеу аясы ретінде мәдени форсайттың әлеуетін айшықтайды. Алынған нәтижелер тек әлеуметтанулық және футурологиялық дискурстар үшін ғана емес, болашақтың символикалық тәртібін қалыптастыруда жастарды тең серіктес деп танитын мәдени саясатты жасауда өзекті.

Түйін сөздер: *жастар, Қазақстан, форсайт-талдау, жоспарлы субъектілік.*

ENVISIONING 2040: YOUTH AND SCENARIO SUBJECTIVITY IN KAZAKHSTAN

Aigul Zabirova^{1*}, Ermek Buribayev², Natalya Seitakhmetova³

^{1*}Chief Researcher, Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Sociology, Professor

² Chairman of the Board – Rector of Ilyas Zhansugurov Zhetysu University, Doctor of Law, Professor

³ Chief Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies, Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan

Abstract. This paper offers a cultural-sociological examination of the future Kazakhstan's youth envisions for 2040. Drawing on the methodology of social foresight

and the data from twenty focus groups conducted in five regions of the country, the authors develop scenario models in which emotions, identity, and moral aspirations are intertwined. The primary focus is on youth as agents of scenario subjectivity, capable of envisioning alternative future pathways and articulating them as expressions of cultural involvement. The study identifies four scenarios, each reflecting a distinct emotional tone and symbolic framework. The paper illustrates the potential of cultural foresight as a hybrid research framework that integrates story analysis, scenario modeling, and emotional mapping methodologies. The conclusions are significant for sociological and futurological discussions as well as for the development of cultural policy that acknowledges youth as co-creators of the future's symbolic order.

Keywords: *youth, Kazakhstan, foresight analysis, scenario subjectivity.*

Введение

Дискуссии о будущем долгое время оставались прерогативой технических дисциплин и экономической науки. Возможные общественные конфигурации измерялись в графиках роста ВВП, в расчётах потребления ресурсов и в оценках технологических сдвигов. Оно описывалось как то, что поддаётся моделированию, и, следовательно, как то, что можно предвидеть, запланировать, удержать под контролем. Однако в условиях XXI века, с его экологическими, культурными и геополитическими потрясениями, представления о будущем утрачивают идею линейности. Всё чаще долгосрочная перспектива мыслится как множественное, неопределённое и символически насыщенное пространство, где эмоции, мораль и воображение начинают иметь значение. Иначе говоря, в гуманитарных и социальных науках обозначается сдвиг от представления будущего как линейной проекции (Miller, 2018) [1] к его пониманию как культуры, включённой в повседневные практики, моральную рефлексию и социальное воображение (Сардар, 2010; Muraro & Salles-Filho, 2024) [2, 3]. Мы исходим из того, что одним из таких инструментов становится концепт сценарной субъектности как теоретической основы в анализе Казахстана в горизонте 2040. Это понятие вводится нами в настоящей работе как попытка описать форму культурного участия, при которой индивид выстраивает альтернативные траектории, соотнося их с собственными ценностями, идентичностями, чувствами. В отличие от политической субъектности, которая предполагает участие в институтах, сценарная субъектность акцентирует способность формировать возможное, удерживать и артикулировать сценарии, в которых субъект признаёт себя участником.

Особое внимание мы уделяем молодёжи как носителю foresight-мышления. Форсайт мышление представляет собой специфическую форму когнитивной и агентной установки, предполагающей активную работу с альтернативными образами будущего. Таким образом, мы предлагаем рассматривать молодёжный форсайт как форму культурной субъектности, в которой эмоции, идентичность и мораль становятся не фоном, а центральными условиями сценарного мышления.

Казахстан как постсоветское общество находится в уникальной позиции. Страна интегрирована в глобальные процессы модернизации, но при этом сохраняет традиционные культурные матрицы. Эта амбивалентность между цифровым ускорением и культурной инерцией создаёт особую чувствительность к будущему. Такие официальные стратегии как «Казахстан–2050»,

«Цифровой Казахстан» [4], «Рухани Жаңғыру» задают технократические векторы развития. Но как эти векторы воспринимаются снизу? Какие образы и чувства связываются с будущим в повседневном опыте? Что из него кажется достижимым, а что нет? Эти вопросы и стали предметом форсайт анализа.

Методологически форсайт означает направление, соединяющее сценарный анализ с качественными методами гуманитарных и социологических исследований. В гуманитарном форсайте будущее понимается как форма культурного воображения как сплава образов, эмоций, ожиданий и моральных притязаний. Как подчёркивает Риэл Миллер (Miller, 2018), форсайт это способ артикулировать потенциальные сценарии, основанные на коллективном опыте. В этом ключе важны вопросы *«что мы считаем возможным», «что признаём желательным», «какие формы будущего считаем легитимными и справедливыми»?*

В социологических исследованиях последних лет (Sangwa&Mutabazi, 2025) [5] показано, как образовательные ожидания формируют культурные сценарии будущего у студентов в изменяющихся обществах. В культурной социологии активно изучается влияние цифровых образов на идентичность молодёжи (Ataie&Afzaltousi, 2025 [6]). В результате перехода от традиций к инновациям осмысляются и ценностные сдвиги среди молодых людей в Азербайджане (Abbaszadeh и Dokht, 2026) [7]. Приведенные примеры указывают на общее направление сдвига, в котором временной горизонт всё чаще осмысляется как культурное поле, в котором сталкиваются и переплетаются различные формы эмоций, ориентации и социального воображения.

Таким образом, воображение будущего всё чаще мыслится как форма социальной субъектности [8, 9, 10, 11]. Под социальной субъектностью мы понимаем специфический режим мышления, в котором человек становится соавтором возможного (Appadurai, 2013; Miller, 2018) [12, 1]. В этом контексте особенно значимой выступает идея сценарной субъектности, способности индивидов и групп не просто высказывать мнение о будущем, но формулировать альтернативные сценарии, соотносить их с личными и коллективными ценностями, и представлять себя в качестве действующих лиц этих сценариев.

Сценарное позиционирование оказывается способом услышать, как формируются горизонтальные культуры времени. Через этот концепт мы можем уловить формы включённости молодёжи в пространство символического действия, проследить, как оформляются этические ориентиры, и на какой почве строится образ желаемого будущего. В фокус группах нет прямого вопроса, каким будет Казахстан в 2040 году. Фокус группы позволяют вслушиваться в то, как он уже сейчас представлен в речах, чувствах и образах молодых людей? Как страна надежды или апатии, как пространство возможностей или барьеров? Вводимый нами концепт сценарной субъектности означает способность социальных акторов не просто представлять грядущие социальные формы, но формулировать альтернативные траектории в соответствии с эмоциональными, этическими и идентификационными основаниями. Мы используем этот термин как аналитический инструмент для описания того, как молодёжь размещает себя в различных сценарных конструктах, формируя моральные, символические и агентные позиции в отношении будущего.

Важно подчеркнуть, что вводимое нами понятие сценарной субъектности не тождественно таким категориям, как агентность или социальная субъектность. В социологической теории агентность обычно понимается как способ-

ность индивида или группы осуществлять действие и влиять на социальную реальность (Giddens, Emirbayer & Mische). Социальная субъектность, в свою очередь, описывает более широкий процесс формирования субъекта в социальных и культурных структурах. Сценарная субъектность отличается от этих понятий тем, что она фиксирует особую форму работы с будущим, в которой акторы не только действуют или занимают социальные позиции, но и мыслят себя в горизонте альтернативных сценариев. Речь идёт о способности удерживать множественность возможных траекторий и соотносить их с собственными ценностями, эмоциями и идентичностями. Таким образом, сценарная субъектность обозначает специфическую форму субъектной ориентации на будущее, в которой воображение и моральная рефлексия становятся частью социального действия.

Данная форма субъектности приобретает значение аналитического фокуса нашего исследования, позволяя выявлять способы включённости в воображаемое время, формы символического действия и границы культурной автономии. Мы полагаем, что именно эта перспектива даёт возможность рассматривать молодёжь как соавтора образов будущего, с его тревогами, надеждами и потенциальными маршрутами развития.

Таким образом, сценарная субъектность концептуально вписывается в поле культурной социологии (Geertz, Appadurai) [12, 13], где акцент делается на интерпретации символических структур; гуманитарного форсайта (Miller, Ramirez & Wilkinson) [1, 14], подчеркивающего множественность и моральную насыщенность образов будущего; и моральной артикуляции (Boltanski, Thévenot) [15], как способности формулировать ценностные притязания в условиях неопределённости. Её близость к понятию «социального воображения» (Anderson & Taylor, 2004) [16] делает её продуктивной для анализа не только содержательных, но и символических основ общественной трансформации.

Методология сбора и анализа данных

Методологическую основу исследования составляет соединение качественной стратегии анализа фокус-групп с инструментарием сценарного и ценностно-регистрового кодирования. Такой подход позволил реконструировать более глубокие, аффективные и символические структуры, лежащие в основе молодёжного воображения будущего.

Полевой этап проводился в сентябре-ноябре 2025 года в пяти макрорегионах Казахстана¹ (Север, Юг, Центр, Восток и Запад). В каждом регионе было организовано по четыре фокус-группы, всего двадцать фокус-групповых дискуссий. Участниками стали молодые люди в возрасте от 18 до 26 лет. Баланс по полу, типу занятости (студенты, молодые специалисты, временно неработающие) и географическому происхождению соблюден. Отбор участников осуществлялся по принципу целевой выборки. Основной задачей было обеспечить разнообразие социальных позиций и жизненных траекторий молодёжи. При формировании групп учитывались регион проживания, пол, возраст и тип занятости (школьники, студенты, молодые специалисты, временно неработающие).

Сценарий интервью включал темы восприятия настоящего, желаемых и нежелательных образов будущего, ожиданий от государства, личной и кол-

¹ Фокус групповые дискуссии проводились исследовательской кампанией Qogam, г. Талдыкорган, Казахстан.

лективной ответственности, а также вопросов идентичности, языка и символических ориентиров.

Фокус-группы велись в онлайн формате, в видеоформате, что важно для фиксации интонационных и невербальных аспектов, особенно значимых при анализе эмоциональных установок. Полученные стенограммы составили единый корпус, сгруппированный по регионам, тематикам и социодемографическим параметрам участников. Фокус-группы велись на казахском и русском языках.

Задача фокус-групп была в том, чтобы *услышать возможное*. Уловить, как молодые люди в Казахстане представляют себе 2040 год, какими словами, чувствами и образами они наделяют это представление и на каких культурных основаниях строится это воображение. Заметим, что в отличие от индивидуальных интервью или количественных опросов, фокус-группы дают возможность для спонтанного обмена, здесь чувства, сомнения и надежды озвучиваются вслух, резонируют и получают символическое оформление. Именно в таких диалогах начинает проявляться сценарное воображение как коллективный процесс смыслового производства.

На первом этапе анализа было произведено первичное кодирование. В частности, мы извлекли из текстов аутентичные фразы участников, отразившие их базовые интуитивные смыслы. Каждое высказывание кодировалось с указанием региона, пола, возраста и контекста, что позволило уловить не только тематическую, но и географическую и гендерную специфику. Например, «Главное – уехать и выжить» (Запад, юноша, 22), «Ценности? Это в рекламе, не в жизни» (Север, девушка, 19), «Я сам собираю себя из разных частей – это и есть я» (Центр, юноша, 21). Мы сохраняли эти фразы в их оригинальной лексике, чтобы уловить интонационную структуру и эмоциональные регистры.

На втором этапе анализа было осуществлено тематическое группирование. Здесь первичные коды были сгруппированы в более широкие смысловые блоки, повторяющиеся тематические структуры. На этом уровне и проявились основные зоны культурной и символической концентрации:

- Образование как путь к мобильности и успеху,
- Семья как опора и граница,
- Язык и культура как идентичность,
- Институциональное недоверие,
- Самореализация как моральное право,
- Эмоциональная турбулентность и выгорание.

Эти кластеры стали основой для дальнейшей реконструкции сценариев и региональных различий.

На третьем этапе анализа было предпринято сценарное и теоретическое кодирование. Был применён подход культурного форсайта (Ramirez & Wilkinson, 2016; Miller, 2018). В этом подходе сценарии рассматриваются как символические структуры, через которые артикулируются социальные ожидания и аффективные диспозиции. Так были реконструированы четыре сценарные модели будущего Казахстана:

- «Казахстан возможностей» как модель инициативной самореализации,
- «Ценности как якорь» как сценарий моральной преемственности,
- «Гибридное общество» как выражение множественной идентичности,
- «Фрагментированный Казахстан» как символическая утрата общности.

Эти сценарии не были прямо озвучены участниками, но стали результатом теоретической интерпретации их ценностных ориентаций и эмоциональных тональностей.

Эмоциональная тональность как категория анализа. Особое внимание уделялось эмоциональному тону, чувствам, через которые проговаривается опыт настоящего и отношение к будущему. Методологически в анализе мы ориентируемся на реконструкцию механизмов сценарной субъектности, как способ, которыми молодые участники включают себя в сценарии, формируют позиции, отказываются или, напротив, принимают предлагаемые культурой маршруты будущего.

Результаты исследования: культурное воображение будущего

Фокус-групповые дискуссии, проведённые в пяти регионах Казахстана, выявили, что молодые участники не мыслят временной горизонт как результат плана, стратегии или внешней реформы. Для них оно скорее предстаёт в виде эмоционального поля, наполненного символами, суждениями, личными историями и коллективной интуицией. Воображение будущего рассматривается как способ проговорить то, что в настоящем вызывает сомнения и ожидания.

Эмоциональная тональность, или чувства как способ осмысления времени. Будущая траектория в молодёжной речи окрашена в определённые чувства. Эти чувства образуют устойчивые эмоциональные регистры, которые задают интонацию восприятия возможного. Эти тональности мы рассматриваем как формы сценарной субъектности. Через них молодёжь позиционирует себя в возможном будущем, определяет границы участия и дистанции, выбирает способы моральной навигации в условиях неопределённости.

Надежда составляет одну из наиболее устойчивых эмоций. Она особенно проявляется в дискуссиях на тему образования, личного развития и возможности улучшить свои перспективы. Эта тональность особенно характерна для молодёжи из Восточного и Центрального регионов, где наблюдается сильная ориентация на саморазвитие: «Если я буду учиться и развиваться, у меня точно получится» (Восток, девушка, 20 лет), «Мы сами сделаем это. Не через связи, а через знания» (Центр, юноша, 21 год). Надежда здесь проектная установка, связывающая усилия в настоящем с желаемой траекторией в будущем, что согласуется с интерпретацией надежды как «аффективной инфраструктуры будущего» (Anderson, 2006).

Оптимизм как вера в потенциал страны и поколения. Оптимизм отличается от надежды более высокой степенью социальной направленности. Молодёжь связывает возможности будущего с трансформацией страны, Казахстана как государства возможностей, инноваций и свободного самовыражения: «Мы хотим, чтобы Казахстан стал страной стартапов, инноваций и креативности» (Центр, юноша, 22 года) или «Наша страна может быть успешной, если доверять молодёжи» (Юг, девушка, 19 лет). Здесь речь идёт о коллективных установках, в которых возможные общественные конфигурации представляет собой поддающееся изменению при условии участия и признания молодого поколения.

Тревога как неуверенность и чувство неопределённости. Тревожная тональность проявляется в форме личной неуверенности, страха перед будущим, ощущении давления со стороны семьи и социума: «Иногда кажется, что ты

просто не знаешь, как жить дальше» (Север, девушка, 23 года), «Будущее как будто выключено, всё в тумане» (Запад, юноша, 21 год). Эти чувства коррелируют с «аффективным параличом» (O'Mahony et al., 2024), когда неспособность выстроить чёткий образ будущего приводит к стагнации, утрате стратегического мышления и эмоциональному выгоранию.

Скепсис как выражение разочарования в институтах и нормативах. Скепсис характеризуется дистанцированным, критическим отношением к социальным институтам, государственным стратегиям и официальным ценностям: «Какая разница, кто у власти? Нам всё равно ничего не дадут» (Запад, юноша, 22 года), «Ценности? Это то, что показывают в рекламе, но никто не соблюдает» (Север, девушка, 20 лет). Скепсис блокирует механизмы вовлечения и делает сценарное проектирование менее убедительным для этой части молодёжи.

Стремление к балансу как выражение гибридных идентичностей и культурного синтеза. Последний, но особенно важный эмоциональный паттерн, это установка на ценностное равновесие. Молодёжь ищет баланс между уважением к традиции и стремлением к индивидуализации и глобальным ориентирам. Это зрелая установка, в которой проявляется потенциал культурной гибкости: «Я хочу сохранить язык и семью, но жить по-своему» (Восток, девушка, 21 год), «Можно быть казахом и при этом думать глобально» (Центр, юноша, 20 лет). Эти установки формируют основу для гибридных сценариев будущего, где идентичность пластична и разнородна (Сардар, 2010).

Важно отметить, что многие участники демонстрируют смешанные чувства, в которых надежда соседствует с тревогой, а оптимизм со скепсисом, что указывает на переходное состояние самого поколения. В терминах foresight-анализа, мы можем говорить о ценностной множественности (Muraro & Salles-Filho, 2024), когда одна и та же группа способна колебаться между различными траекториями будущего в зависимости от внешнего контекста, ресурсных условий и доверия к возможностям действия.

Символические образы, или как молодёжь кодирует будущее. Казахстан в горизонте 2040 проговаривается и через символические конфигурации, устойчивые фигуры, в которых молодёжь узнаёт себя и своё поколение. Эти образы повторяются как культурные коды:

1. Стартап-государство. Страна как пространство возможностей, инициатив и цифровой мобильности: «Если дашь молодым шанс, то они сделают больше, чем любые госпрограммы» (Восток, девушка, 19 лет).

2. Общество уважения. Это модель, в которой важны моральные границы, язык, преємственность: «Хочется жить там, где тебя уважают за знания, за ценности, за язык» (Юг, юноша, 20 лет).

3. Цифровой кочевник как персонаж, сочетающий казахскую идентичность и глобальную мобильность: «Я онлайн. Я в мире. Но я не теряю, кто я» (Центр, девушка, 21 год, специалист по цифровому дизайну).

4. Индивидуалист в изоляции. Фигура молодого человека, действующего в одиночку, без институциональной поддержки: «Сначала сам выживи, потом думай о стране» (Запад, юноша, 22 года).

В этих образах отражены не просто модели поведения, а символические пространства, в которых ведётся борьба за признание, за участие, за смысл. В них отмечены различия в отношении к будущему. Кто-то надеется, кто-то ожидает, кто-то защищается, кто-то проектирует.

Форсайт-анализ: тренды, слабые сигналы, риски и возможности

Разговор о будущем, зафиксированный в фокус-группах, редко оформлялся в виде последовательных проектов или расчётов. Чаще он представлял собой фоновое мышление, эмоционально насыщенное проговаривание процессов, которые кажутся молодым людям важными, хотя и не всегда поддаются формулировке. Это своего рода символическая атмосфера, в которой отдельные суждения, наблюдения, переживания начинают складываться в контуры возможного. Такого рода мозаика позволяет выявить более хрупкие и такие значимые элементы как слабые сигналы, а также зоны напряжения и потенциального роста. Вместе они образуют картину будущего не как плана, а как пространства чувствительности и символической навигации.

Тренды. Пожалуй, самый отчётливый тренд составляет не просто цифровизация, а её вращение в повседневную субъективность. Молодёжь не мыслит себя вне цифровой среды, она не просто использует технологии, она живет в них. Соцсети, мессенджеры, цифровые профили становятся не только каналами общения, но и способами собирания себя, рефлексии, идентификации: «Если тебя нет в ленте, то тебя как будто вообще нет» (Юг, юноша, 25 лет). Иначе говоря, цифровое пространство задаёт новую норму видимости, где важен не только статус, но и постоянное присутствие. За этим стоит не просто комфорт, но и давление на психику, поскольку быть вне означает быть исключённым.

Другой тренд составила повышенная чувствительность к моральным понятиям. Молодые участники часто возвращаются к темам справедливости, достоинства, уважения. Но уже как к личным вопросам. Что значит быть честным? Что я должен? И кому? Что справедливо, когда у всех разный старт? Это выражается, в том числе, в новом интересе к образованию как к ресурсу саморазвития, выбора, понимания мира. Учёба здесь уже понимается как попытка выйти за пределы заданного сценария, найти своё место в системе, где нет очевидных ориентиров.

На пересечении локального и глобального формируется третий тренд, культурная гибридность. Молодёжь легко переходит от казахских выражений к английскому сленгу, от упоминаний о традициях к обсуждению ментального здоровья, от разговоров о семье к идее цифрового номада. Молодые не видят в этом конфликта. Напротив, это воспринимается как необходимая форма выживания и адаптации. «Я казах, я мусульманин, я глобальный. И это всё я» (Центр, юноша, 26 лет). Такого рода множественность не требует разрыва с традицией, но предполагает новую форму идентичности, в которой принадлежность определяется как многоуровневая и подвижная.

Слабые сигналы. На фоне этих трендов появляются и менее отчётливые, но тревожные маркеры. В некоторых высказываниях слышна усталость от необходимости быть сильным, от постоянной необходимости соответствовать, всегда хорошо учиться, работать, доказывать. Иногда это артикулируется как ощущение заикленности, невозможности выйти за рамки уже прописанного маршрута: «Кажется, что ты просто не знаешь, как жить дальше» (Север, девушка, 23 года). Другой сигнал составляет эмоциональное выгорание от цифрового режима. Участники говорят о том, что алгоритмы начинают формировать их желания, что лайки становятся критерием самооценки. Наконец, молчание языка, особенно казахского. В городских группах, особенно на юге и западе,

звучали такие признания как «я избегаю говорить на казахском», «я стеснялся в университете». Это сопровождается чувством вины, неловкости, ощущением, что язык не встроен в повседневную речь, что он остался в символической нише, семье, праздниках, политике.

Риски. Одним из центральных рисков участники видят усиление фрагментации между поколениями, регионами, языковыми группами, социальными мирами. Город и село, Север и Юг, младшие и старшие: «Мы не понимаем друг друга, каждый в своём пузыре» (Север, девушка, 21 год). За этим стоит тревога, если нет символической ткани, то что удерживает общество? Другой риск составило отношение к государству как внешнему, далёкому, процедурному. Это не значит, что молодёжь аполитична. Но её политичность оформляется через отказ от ритуала, через стремление к равенству. Риски в этом контексте становятся зонами, где сценарная субъектность сталкивается с невозможностью представить себя в будущем.

Возможности. Несмотря на тревоги, в речи участников звучит готовность к участию, оно проживается как реальное, значимое, уважительное. Молодые люди хотят говорить, быть услышанными, участвовать в обсуждении правил. В этом чувствуется этический поворот поколения зуммеров и миллениалов. От послушания к диалогу, от формальной лояльности к внутреннему согласию: «Мы не хотим быть объектами, а партнёрами» (Восток, юноша, 24), «Нам не нужно особое отношение, просто нормальное» (Восток, юноша, 21). Отсюда как потенциальная возможность идея построения такой горизонтальной культуры уважения, в которой молодёжь признаётся не будущим ресурсом, а активным субъектом настоящего. Именно здесь проходит граница между отчуждением и сопричастностью. Не в статусе, а в языке, в пространстве, где возможно быть услышанным.

Анализ данных: сценарные модели будущего Казахстана

Временные горизонты, представленные в нарративах молодёжи, внутренне полифоничны. Молодёжное воображение будущего формируется как выражение того, что возможно, что допустимо, что желательно, а что вызывает отторжение. В этом смысле сценарии стоит понимать больше как формы культурной артикуляции, в которых соединяются эмоции, ценности и опыт. В процессе анализа фокус-групп мы выделили четыре сценарные модели. Каждая из них представляет собой культурную конструкцию, основанную на определённых моральных координатах, символических ожиданиях и эмоциональной тональности. Эти сценарии не замыкаются друг на друге. Они пересекаются, спорят, сосуществуют внутри одного поколения и даже в речи одного человека.

Сценарий 1. Казахстан как страна возможностей. К ключевым ценностям здесь относятся свобода, развитие, образование, предпринимательство. Эмоциональный тон определяется смысловым ядром, включающим оптимизм, мобилизация, вера в усилия. Ключевые образы представлены стартап-государством, открытыми границами, цифровой мобильностью. Предпосылками для реализации служат развитая цифровая инфраструктура, образовательные реформы и поддержка молодёжных инициатив. Среди потенциальных вызовов отмечают усиление неравенства и цифровую сегрегацию. Данный сценарий отражает стремление молодежи к свободной самореализации и превращению Казахстана в общество открытых возможностей. Молодёжь видит в будущем такое государство, в котором личные усилия, знания и инновации являются

главными ресурсами успеха: «Хочу, чтобы Казахстан стал страной возможностей, а не ограничений» (Центр, девушка, 19 лет), «Если дашь молодым стар-тап, то они сделают больше, чем любые программы» (Восток, девушка, 19 лет). Ценности индивидуальной траектории, доступ к качественному образованию, возможность легальной самореализации стали центральными осями этого сценария. Он переключается с оптимистическими траекториями в международных foresight-проектах (O'Mahony et al., 2024), где образ будущего основан на усилении цифровых и креативных индустрий.

Сценарий 2. Ценности как якорь. Ценностное ядро сценария формируют семья, стабильность, моральный порядок, преемственность. В установках уверенности и укорененности отражен эмоциональный настрой участников. Среди доминирующих образов будущего можно назвать общество взаимного уважения, сохранение языка и традиций. Реализация этого сценария возможна при наличии стабильных институтов, поддержки культуры и сохранении локальной идентичности. Угрозами для устойчивости сценария названы культурная закрытость, ограничение свободы и отчуждение молодёжи. В этом сценарии доминирует представление о будущем как о возвращении к норме, в которой ключевыми ориентирами выступают такие традиционные ценности как уважение к старшим, семья, религиозные нормы, национальная культура: «Если потеряем культуру, то не останется ничего» (Юг, юноша, 20 лет), «Нельзя просто брать всё новое, нужно помнить, откуда ты» (Север, девушка, 22 года). Данный сценарий связан с эмоциональной потребностью молодого человека в стабильности и коррелирует с ценностно-консервативными траекториями в foresight-исследованиях, где *сохранение моральных ориентиров рассматривается как ответ на неопределённость* (Murago & Salles-Filho, 2024).

Сценарий 3. Гибридное общество. Символическими якорями для будущего молодёжи выступают гибкость, мультикультурность, баланс и толерантность. Эмоциональный тон нарративов включает в себя зрелость, культурную пластичность и принятия. Символическое воображение включает в себя образы казахского глобалиста, цифрового кочевника, синтез Востока и Запада. Условиями реализации выступают ценностная инклюзия, гибкая образовательная система, поддержка языкового многообразия. Сценарий характерен для общества, в котором молодёжь осознанно совмещает традиционные маркеры идентичности с глобальными кодами и опирается на принятие различий и культурную адаптивность: «Можно быть казашкой и при этом думать глобально» (Центр, девушка, 21 год), «Я говорю на трёх языках и это не стыдно, это норма» (Восток, юноша, 20 лет). Всё это указывает на появление новых форм идентичности в Казахстане, в которых сосуществуют национальное и транснациональное. В целом это переключается с концепцией «adaptive futures» (Wilkinson & Ramirez, 2016), где *ключевую роль играют навыки гибкости и множественности*.

Сценарий 4. Сценарий замкнутых идентичностей. Фрейм будущего строится вокруг выживания, недоверия, апатии и институционального скепсиса. Ядро эмоций составляют тревога и отчуждение. Ключевые образы вобрали в себя общество изолированных индивидуумов, цифровой побег, уход за границу. Предпосылками для реализации сценария названы рост неравенства, культурная атомизация, падение доверия. Риск-факторами в рамках данного сценария выступают социальный раскол, утрата языка и миграция. Этот сценарий отражает тревожные ожидания части молодёжи, связывающей возможные

изменения не столько с государством, а сколько с собственными усилиями и инициативами: «Главное для меня будет уехать и выжить» (Запад, юноша, 23 года), «Каждый сам за себя. Я не верю, что кто-то поможет» (Север, девушка, 22 года). Этот сценарий представляет собой антиутопическую траекторию, в которой снижение доверия и рост индивидуализма ведут к культурной дезинтеграции. Подобные сценарии описываются в foresight-литературе как «critical disruption paths» (Ramirez & Wilkinson, 2016). Заметим, что подобные сценарии важны не в контексте реализации, а для понимания возможных рисков.

Таким образом, каждый из этих сценариев означает возможный режим субъектного позиционирования, в котором молодёжь наделяет себя ролью инициатора (1), хранителя (2), навигатора (3) или отстранённого наблюдателя (4). Полученные нами сценарии могут использоваться в анализе молодёжных стратегий, в мониторинге культурных сдвигов, а также при проектировании программ в области образования и культурной политики.

Интерпретация результатов: молодёжный форсайт как форма культурной субъектности

Форсайт в молодёжных нарративах это попытка услышать настоящее в процессе становления. Пространство, где молодые участники впервые могут услышать самих себя. Для многих из них разговор о будущем является поводом к переосмыслению собственного места в обществе. Не просто «кем я буду», но «что для меня имеет значение», «в каком обществе я хочу жить», «на каких основаниях возможно наше общее». Показательно, что чаще звучали эмоции, сомнения, надежды, желание быть включёнными в культуру как систему смыслов. Это сближает форсайт с тем, что в культурной социологии называют возможностью выразить то, что переживается как важное, но редко находит язык.

Особое значение в этом процессе приобретает эмоциональная работа. Молодёжь говорит о будущем через тревогу, надежду, усталость, вдохновение, и именно эти эмоциональные регистры становятся основой субъектности. Как показали Барбара Адам и другие исследователи времени [17], чувства становятся структурой социального воображения, определяя, какие формы действия и ответственности становятся возможными. Фокус-группы высветили, что даже в условиях усталости от неопределённости молодые люди не отказываются от участия. Но они ищут *другие, горизонтальные, диалогичные формы соучастия, основанные на уважении и признании*. Это иная, этическая избирательность, готовность включаться там, где есть смысл, справедливость, внимание к голосу.

В этом смысле молодёжный форсайт стоило бы обозначить как социальную практику. Потому что он работает как форма включения, даёт пространство, в котором можно быть сложным, непоследовательным, рефлексивным. Важно подчеркнуть, что молодёжь в нашем анализе не предстаёт как исключительно однородная группа, поколение Z с заранее заданными характеристиками. Напротив, перед нами мозаика интонаций, культурных ориентаций, в которой видно, что субъектность формируется в пространстве говорения, участия, символического признания. Такое понимание форсайта требует отказа от инструментального взгляда. Речь идёт о создании культурной оптики, в которой возможно увидеть какие слова исчезают, какие чувства не получают адресата, а какие смыслы требуют нового языка. Молодёжный форсайт, таким образом, означает скорее форму культурной чувствительности. Он показывает, какое бу-

душее становится переживаемым, как оно оформляется в речи, в эмоциях, в образах. И *почему его стоит услышать*.

Заключение

Настоящее исследование показало, что временной горизонт сегодня больше, чем предмет стратегического планирования, это форма культурного воображения, в которой молодёжь артикулирует собственные чувства, ценности и ожидания. Форсайт в этом контексте становится средством понимания того, как молодые люди мыслят о себе, о стране и о мире, в который они входят. Молодёжь в Казахстане говорит о будущем на языке эмоций и образов. Эти интонации указывают на сложный переход от привычных нарративов развития к поиску символических опор, без которых никакое долгосрочное видение не будет признано подлинным. Речь идёт не просто о перемещении по карьерной или образовательной траектории, а о моральном праве на будущее, с уважением, с выбором, с участием.

Сценарии, которые были вычленены в ходе анализа, от страны возможностей до фрагментированного общества, не являются прогнозами в прямом смысле. Это формы артикуляции ценностных конфликтов настоящего, которые проецируются вперёд. Каждый из них несёт в себе потенциал, как конструктивный, так и тревожный. И от того, как общество отзовётся на эти символические сигналы, зависит, какая траектория окажется более жизнеспособной.

С методологической точки зрения предпринятая нами работа демонстрирует потенциал культурного форсайта как эмпирически насыщенной формы анализа. Форсайт, как он применён в данном исследовании, выходит за пределы классического сценарного моделирования. Он соединяет инструменты культурной социологии, нарративного анализа и эмоциональной картографии, позволяя не только вывить устойчивые темы, но и реконструировать аффективные структуры, через которые молодёжь оформляет своё отношение ко времени, обществу и себе.

Такой подход открывает широкие возможности для переосмысления как самой молодёжной политики, так и более широких культурных стратегий. Актуальность полученных результатов для культурной политики в необходимости развернуть институциональное внимание к тем слоям молодёжного опыта, которые обычно остаются за пределами аналитики. Речь идёт о признании молодежи не просто как объекта поддержки, но как соавтора будущего. Это требует такой формы политического слышания, в которой внимание к языку, к чувствам, к региональному и культурному многообразию становится основой доверия. Долгосрочная перспектива становится пространством сценарной субъектности, которую важно поддерживать, через признание, участие и открытые формы символического обмена.

Но, пожалуй, главный вывод представленного исследования состоит в том, что будущее это уже не вопрос о том, что будет? А вопрос о том, что будет признано возможным, справедливым, достойным. Молодёжь предлагает нам язык, в котором эти слова снова обретают силу. И, возможно, задача общества в том, чтобы услышать тех, кто уже его чувствует.

Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан BR24993269 «Эволюция и трансформация ценностных ориентиров казахстанского общества в период Независимости».

Список литературы

1. Миллер, Р. Образы будущего: Как и зачем они создаются // OECD Working Papers on Foresight and Public Governance, 2018, №1.
2. Сардар, З. Открывая будущее: теория постнормальных времён. – Алматы: Фонд «Ценности и воображение», 2010.
3. Muraro, D., Salles-Filho, S. Youth perspectives on futures literacy and foresight practices. // Futures. 2024. Vol. 151. Article 103183.
4. Государственная программа «Цифровой Казахстан» <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000827>
5. Sangwa, J., Mutabazi, E. Educational aspirations and value shifts: A foresight approach. // Education and Futures. 2025. Vol. 8(1). P. 78–95.
6. Ataie, M., Afzaltousi, M. Race, representation, and foresight in digital youth culture. // Journal of Future Studies. 2025. Vol. 30(2). P. 41–59.
7. Abbaszadeh, N., Dokht, R. Values in transition: Foresight perspectives in Azerbaijani youth identity. // Cultural Futures. 2026. Vol. 12(4). P. 115–130.
8. van der Duin, P. Qualitative futures research for innovation: Tools for thinking and talking. // Futures. 2006. Vol. 38(3). P. 267–273.
9. Hadian, K., et al. Foresight in sports innovation ecosystems. // Futures. 2025. Vol. 149. – P. 102984.
10. Gebeil, S., et al. Digital memory and future values in cultural archiving. // Archival Futures. 2025. Vol. 7(3). P. 50–67.
11. Foresight and anticipatory governance. OECD Futures Literacy Series. –Paris: OECD, 2021.
12. Appadurai, A. (2013). The Future as Cultural Fact: Essays on the Global Condition. <https://www.amazon.com/Future-Cultural-Fact-Essays-Condition/dp/1844679829>
13. Гирц, К. Интерпретация культур: Избранные эссе. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004.
14. Wilkinson, A., Ramirez, R. A. Demystifying scenario planning: Towards understanding its logic for strategy and innovation // Technological Forecasting and Social Change. 2016. Vol. 111. P. 12–20.
15. Naccache, Philippe & Leca, Bernard. (2008). Luc Boltanski and Laurent Thévenot: On Justification: Economies of Worth. Administrative Science Quarterly - ADMIN SCI QUART. 53. 762-764. 10.2189/asqu.53.4.762.
16. Anderson, M.L. and Taylor, H.F. (2004) Sociology: Understanding a Diverse Society. Thompson Learning Inc., Canada, 528.
17. Адам, Б. Время и социальная теория. – М.: Канон+, 2008.

References

1. Miller R. Obrazy budushego: kak i zachem oni sozdaytsya [Images of the Future: How and Why They Are Created] // OECD Working Papers on Foresight and Public Governance, 2018, №1.
2. Sardar Z. Otkryvaya budushee: teoriya postnormalnykh vremen [Discovering the Future: The Theory of Postnormal Times]. – Almaty: Fond «Zennosti i voo-brazhenie», 2010.
3. Muraro, D., Salles-Filho, S. Youth perspectives on futures literacy and foresight practices. // Futures. 2024. Vol. 151. Article 103183.
4. Gosudarstvennaya programma «Zifrovoy Kazakhstan» [State program "Digital Kazakhstan"] <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000827>

5. Sangwa, J., Mutabazi, E. Educational aspirations and value shifts: A foresight approach. // *Education and Futures*. 2025. Vol. 8(1). P. 78–95.
6. Ataie, M., Afzaltousi, M. Race, representation, and foresight in digital youth culture. // *Journal of Future Studies*. 2025. Vol. 30(2). P. 41–59.
7. Abbaszadeh, N., Dokht, R. Values in transition: Foresight perspectives in Azerbaijani youth identity. // *Cultural Futures*. 2026. Vol. 12(4). P. 115–130.
8. van der Duin, P. Qualitative futures research for innovation: Tools for thinking and talking. // *Futures*. 2006. Vol. 38(3). P. 267–273.
9. Hadian, K., et al. Foresight in sports innovation ecosystems. // *Futures*. 2025. Vol. 149. – P. 102984.
10. Gebeil, S., et al. Digital memory and future values in cultural archiving. // *Archival Futures*. 2025. Vol. 7(3). P. 50–67.
11. Foresight and anticipatory governance. OECD Futures Literacy Series. –Paris: OECD, 2021.
12. Appadurai, A. (2013). *The Future as Cultural Fact: Essays on the Global Condition*. <https://www.amazon.com/Future-Cultural-Fact-Essays-Condition/dp/1844679829>
13. Girtz K. *Interpretaxiya kultur. Izbrannye esse [Interpretaxy of Cultures: Selected Essays]*. – M.: Rossiskaya politicheskaya enziklopediya, 2004.
14. Wilkinson, A., Ramirez, R. A. Demystifying scenario planning: Towards understanding its logic for strategy and innovation // *Technological Forecasting and Social Change*. 2016. Vol. 111. P. 12–20.
15. Naccache, Philippe & Leca, Bernard. (2008). Luc Boltanski and Laurent Thévenot: On Justification: Economies of Worth. *Administrative Science Quarterly - ADMIN SCI QUART*. 53. 762-764. 10.2189/asqu.53.4.762.
16. Anderson, M.L. and Taylor, H.F. (2004) *Sociology: Understanding a Diverse Society*. Thompson Learning Inc., Canada, 528.
17. Adam B. *Vremya I sozialnaya teoriya [Time and Social Theory]*. – M.: Kanon+, 2008.

Материал поступил в редакцию 11.02.2026

Утвержден к публикации 19.03.2026

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА ПАРЛАМЕНТАРИЗМА КАЗАХСТАНА В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕФОРМ

Елнур Бейсенбаев¹
Бахытжан Бухарбаев^{2*}

¹ Заведующий Отделом внутренней политики Администрации Президента Республики Казахстан, PhD-докторант кафедры «Политология» ЕНУ им. Л.Н.Гумилева; Астана, Казахстан, e-mail: beisenbayev.elnur@gmail.com

^{2*} Руководитель издательства «AmalBooks», PhD-докторант кафедры «Политология» ЕНУ имени Л.Н.Гумилева; Астана, Казахстан, e-mail: teriskakpai@gmail.com

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2026.114.1.002>

Аннотация. В статье проводится анализ институциональных изменений в системе парламентаризма Казахстана в контексте проводимых политических реформ. Целью исследования является оценка эффективности перехода от суперпрезидентской модели управления к более сбалансированной системе с точки зрения неоинституционализма и структурно-функционального анализа.

В результате исследования было выявлено, что, несмотря на изменения, направленные на деконструкцию властной вертикали и внедрение смешанной избирательной системы, сохраняется некоторая институциональная инерция, характеризующая текущую модель как гибридную.

Особое внимание уделяется росту законодательной субъектности депутатов, что подтверждается примером закона о возврате активов. В статье обосновывается, что инициативы 2025 г., направленные на переход к однопалатному Парламенту и усиление бюджетного контроля, являются завершающим этапом отказа от транзитной модели.

В заключение делается вывод о том, что успешная политическая модернизация и преодоление институциональной инерции возможны только при условии формирования сильного однопалатного Парламента, опирающегося на развитую многопартийную систему и обладающего реальными механизмами контроля над исполнительной властью.

Ключевые слова: парламентаризм; политические реформы;

САЯСИ РЕФОРМАЛАР ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ ҚАЗАҚСТАН ПАРЛАМЕНТАРИЗМ ИНСТИТУТЫНЫҢ ТРАНСФОРМАЦИЯСЫ

Елнұр Бейсенбаев¹, Бақытжан Бұқарбай^{2*}

¹ Қазақстан Республикасы Президенті Әкімшілігінің Ішкі саясат бөлімінің меңгерушісі, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің «Саясаттану» кафедрасының PhD докторанты

^{2*} «AmalBooks» баспасының жетекшісі, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің «Саясаттану» кафедрасының PhD докторанты

Аңдатпа. Мақалада жүзеге асырылып жатқан саяси реформалар контекстінде Қазақстандағы парламентаризм жүйесіндегі институционалдық өзгерістерге талдау жасалады. Зерттеудің мақсаты – неоинституционализм және құрылымдық-функционалдық талдау тұрғысынан суперпрезиденттік басқару моделінен неғұрлым теңгерімді жүйеге көшу тиімділігін бағалау.

Зерттеу нәтижесінде билік вертикалін деконструкциялауға және аралас сайлау жүйесін енгізуге бағытталған өзгерістерге қарамастан, ағымдағы модельді гибридті сипаттайтын институционалдық инерцияның сақталатыны анықталды.

Ерекше назар депутаттардың заңнамалық субъектілігінің артуына аударылады, мұны активтерді қайтару туралы заң мысалы дәлелдейді. Мақалада 2025 жылғы бірпалаталы Парламентке көшу және бюджеттік бақылауды күшейтуге бағытталған бастамалар транзиттік модельден бас тартудың қорытынды кезеңі екендігі негізделеді.

Қорытындыда саяси жаңғырудың табысты болуы және институционалдық инерцияны еңсеру дамыған көппартиялық жүйеге сүйенетін және атқарушы билікті бақылаудың нақты тетіктеріне ие, қуатты бірпалаталы Парламент қалыптасқан жағдайда ғана мүмкін болатыны тұжырымдалады.

Түйін сөздер: *парламентаризм; саяси реформалар; Қазақстан; аралас сайлау жүйесі; институционалдық инерция; неоинституционализм; саяси жүйе.*

TRANSFORMATION OF THE PARLIAMENTARY INSTITUTION IN KAZAKHSTAN IN THE CONTEXT OF POLITICAL REFORMS

Elnur Beisenbayev¹, Bakhytzhhan Bukharbayev^{2*}

¹ Head of the Department of Domestic Policy of the Administration

of the President of the Republic of Kazakhstan, PhD Doctoral Candidate, Department of Political Science, L.N. Gumilyov Eurasian National University

^{2*} Head of the «AmalBooks» Publishing House, PhD Doctoral Candidate, Department of Political Science, L.N. Gumilyov Eurasian National University

Abstract. This article analyzes institutional changes in Kazakhstan's system of parliamentarism in the context of political reforms. The study aims to assess the effectiveness of the transition from a super-presidential model of governance to a more balanced system through the lenses of neo-institutionalism and structural-functional analysis.

The findings demonstrate that, despite reforms aimed at deconstructing the power vertical and introducing a mixed electoral system, institutional inertia persists, characterizing the current arrangement as a hybrid model.

Particular attention is paid to the growing legislative agency of deputies, as evidenced by the example of the law on asset recovery. The article argues that the 2025 initiatives focused on a shift to a unicameral parliament and the strengthening of budgetary oversight constitute the final stage of abandoning the transitional model.

It is concluded that successful political modernization and overcoming institutional inertia are possible only with the formation of a strong unicameral Parliament based on a developed multiparty system and possessing real mechanisms for controlling the executive branch.

Keywords: *parliamentarism; political reforms; Kazakhstan; mixed electoral system; institutional inertia; neo-institutionalism; political system.*

Введение

Современный этап государственного строительства в Казахстане характеризуется структурными изменениями в политической системе, ставшими результатом проводимых Президентом страны К.К. Токаевым ряда институциональных политических реформ. Январские события 2022 г. ускорили процесс принятия четвертого политического пакета, объявленного Главой государства в мартовском послании народу Казахстана в том же году. Кризис прежней модели управления, основанной на суперпрезидентской вертикали, вызвал общественный запрос на демонополизацию власти и построение «Справедливого государства». В этой связи Президентом была провозглашена концепция «Справедливый Казахстан» и выдвинута формула «Сильный Президент – влиятельный Парламент – подотчетное Правительство». Указанные изменения и новый магистральный нарратив стимулировали и научную дискуссию о природе и перспективах казахстанского парламентаризма [1].

В данном контексте особое значение приобретает реформирование института парламентаризма как центрального механизма представительной демократии, обеспечивающего диалог между государством и обществом. Конституционная реформа 2022 г. [2; 3] и последующие электоральные циклы 2023 г. определили вектор развития, направленный на перераспределение полномочий и укрепление роли законодательной ветви власти. Од-

нако внедрение новых институтов сталкивается с некоторым сопротивлением системы, вызванным инерцией прежних политических практик. Подобное противодействие определяет необходимость детального анализа противоречий, возникающих в переходный период.

Цель работы – исследовать особенности трансформации института парламентаризма в Казахстане на основе анализа политических реформ 2022–2026 гг. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- раскрыть теоретико-методологические основы трансформации парламентаризма в Казахстане, используя инструментарий неoinституционализма и концепцию path dependence;
- проанализировать этапы деконструкции суперпрезидентской модели управления в ходе конституционной реформы 2022 года и оценить их влияние на баланс ветвей власти;
- оценить эффективность внедрения смешанной избирательной системы и ее роль в повышении политического плюрализма по итогам парламентских выборов 2023 года;
- исследовать динамику роста законодательной субъектности депутатов Мажилиса на примере разработки социально значимых законов и усиления контрольных функций.

Механизмы и проверяемые ожидания. Исследование предполагает, что изменения в таких формальных правилах, как электоральные параметры, контрольные полномочия и роль конституционного контроля, могут повлиять на мотивацию политических акторов и привести к усилению парламентской субъектности. Ожидается, что усиление Парламента выразится не только в росте доли депутатских инициатив, но и в качественном укреплении контрольных функций. Вместе с тем способность законодательной власти формировать политическую повестку по-прежнему будет сталкиваться с рисками институциональной инерции.

Теоретико-методологические основы и методы исследования

Теоретический фундамент исследования базируется на классической традиции разделения властей (Дж. Локк, Ш.Л. Монтескье), рассматривающей законодательный орган как главный инструмент ограничения произвола исполнительной власти через общественный договор [4; 5]. В современной компаративной политологии (Х. Линц, Дж. Сартори, Р. Даль) акцент смещен на анализ системных рисков президентских моделей, где конкурирующая легитимность ветвей власти может провоцировать авторитарные тенденции или нестабильность [6; 7; 8]. Применительно к Казахстану данная проблематика, проявлявшаяся в длительном доминировании исполнительной вертикали, требует переосмысления роли Парламента как самостоятельного политического актора.

Для типологизации трансформационных процессов используется классификация А. Лейпхарта, основанная на дихотомии мажоритарной и консенсусной моделей демократии [9]. Анализ показывает, что внедрение в Казахстане смешанной избирательной системы (70/30) формально сближает страну с моделями Венгрии или Японии. Однако в транзитных обществах

внедрение смешанных конструкций нередко выступает формой «институционального компромисса», призванного обеспечить плавную адаптацию политической системы к условиям многопартийности и избежать рисков резкой политической фрагментации представительных органов [10].

Центральной исследовательской оптикой выступает неоинституциональный подход, позволяющий проводить анализ взаимодействия формальных конституционных норм и неформальных политических практик. Следовательно, в качестве инструмента анализа применяется концепция path dependence («зависимости от предшествующего пути») Д. Норта и П. Пирсона [11]. Она интерпретирует феномен «институциональной ловушки», возникшей после конституционного выбора 1995 г., и объясняет устойчивость инерции, препятствующей демократизации даже в условиях реформ.

Структурно-функциональный анализ применяется для оценки реконфигурации полномочий между Мажилисом и Сенатом, выявляя сдвиги в системе сдержек и противовесов.

В анализе процесса легитимации реформ используются элементы социологического институционализма. В частности, рассматриваются такие практики, как Курултай, и концепция «Слышащего государства», что позволяет увидеть, как универсальные демократические процедуры сочетаются с национальной политической культурой.

Для типологизации институциональных изменений и их сравнения с известными моделями демократии и избирательными системами был проведен компаративный анализ. В частности, была использована типология демократий (мажоритарная/консенсусная) для интерпретации эффектов смешанной избирательной системы и ее политико-институциональных последствий в условиях переходного периода.

Метод кейс-стади позволил более глубоко проанализировать конкретные проявления роста парламентской субъектности. В качестве аналитического примера был рассмотрен процесс подготовки и принятия закона о возвращении активов, который иллюстрирует расширение инициативности депутатов и институциональную валидацию результатов реформ через процедуры публичного обсуждения и конституционного контроля.

С помощью контент-анализа публично-политических концепций были рассмотрены механизмы легитимации таких реформ, как интеграция автохтонных практик и нарратив «Слышащего государства», что дало возможность оценить, как идеологические и культурно-политические конструкции используются в качестве инструмента институционального закрепления реформ.

Данные и ограничения интерпретации. Эмпирическая база включает в себя нормативные акты, агрегированные показатели парламентской деятельности (инициаторы законопроектов, контрольные процедуры), а также публичные программные заявления для проведения контент-анализа.

В работе выделяются описательный, объяснительный и сценарно-прогностический режимы. Нормативные оценки используются преимущественно как объект анализа политической легитимации, а не как основа для выводов.

Результаты исследования и их обсуждение *Историческая эволюция и институциональная ловушка (1991–2021 гг.)*

Ретроспективный анализ развития казахстанского парламентаризма позволяет проследить сложный процесс трансформации от советской модели представительства к формированию профессионального законодательного органа. На начальном этапе становления независимости Верховный Совет XII созыва обладал значительной институциональной самостоятельностью, характерной для парламентской республики. Он имел полномочия по принятию Конституции, утверждению бюджета и реальному контролю над исполнительной властью, которой был подотчетен и Президент [12; 13].

Однако структурный баланс, закрепленный Конституционным актом 1993 г., вступил в противоречие с императивами ускоренной рыночной модернизации и интересами исполнительной вертикали власти. В результате политического кризиса и роспуска Верховного Совета в 1995 г. была утверждена новая конституционная модель, которая характеризуется исследователями как модифицированная президентская республика по образцу Франции. В рамках нее полномочия главы государства были существенно расширены. В указанный период также была институционализована двухпалатная система. Вместе с тем Парламент потерял функцию формирования Правительства, что привело к снижению политического влияния законодательной власти [14].

В период с 1995 по 2021 гг. развитие парламентаризма происходило в условиях сильной исполнительной вертикали, что в политологическом дискурсе часто характеризуется как период ограниченной институциональной конкуренции. Введение в 2007 г. пропорциональной избирательной системы было направлено на стимулирование партийного строительства и развитие представительной демократии. Вместе с тем специфика транзитного периода обусловила формирование партийной системы с ярко выраженным доминированием одной политической силы – партии «Нур Отан». В результате Парламенты IV, V и VI созывов функционировали в условиях высокой политической консолидации вокруг стратегического курса руководства страны, что, с одной стороны, обеспечивало стабильность и оперативность законотворческого процесса, а с другой, объективно сужало пространство для системной парламентской оппозиции [15]. В академическом дискурсе данная ситуация характеризуется как «институциональная ловушка». Глубокая укорененность сложившихся управленческих практик и естественное стремление аппарата к сохранению институционального статус-кво объективно замедляли темпы проведения структурных реформ.

Конституционные изменения, внесенные в 2007 и 2017 гг., перераспределили отдельные полномочия, но не затронули фундаментальных основ системы, продолжив тенденцию к консолидации власти. Сравнительный анализ демонстрирует, что сочетание правовой асимметрии, контролируемого набора кадров и ограниченной конкуренции создали устойчивую институциональную структуру, препятствующую формированию механизмов подотчетности исполнительной власти перед Парламентом.

Конституционная реформа 2022 г.: деконструкция и уход от суперпрезидентской модели

В январе 2022 г. возник кризис, который выявил недостатки в системе обратной связи и стал причиной демонтажа суперпрезидентской вертикали власти. В результате конституционной реформы, одобренной на референдуме 5 июня 2022 г., была проведена структурная перестройка властной системы. Закрепление принципа партийной нейтральности Президента позволило устранить риски, связанные со сращиванием высшего руководства с партийными структурами, которые были характерны для предыдущей модели управления [16].

Кроме того, была оптимизирована структура Сената. Сокращение президентской квоты и изменение формата представительства Ассамблеи народа Казахстана обеспечили соблюдение принципа равенства избирательных прав. Введение законодательного запрета на занятие руководящих должностей близкими родственниками Главы государства стало ответом на общественный запрос о необходимости борьбы с nepотизмом.

Институциональный анализ показывает, что в ходе реформ было проведено четкое разделение полномочий между палатами Парламента. Мажилис получил исключительное право принимать законы, в то время как Сенат сосредоточился на их одобрении, что значительно повысило политическую самостоятельность нижней палаты. Для усиления парламентского контроля была введена обязательная отчетность Высшей аудиторской палаты, что обеспечивает прозрачность бюджетного процесса. В совокупности указанные меры свидетельствуют о стратегическом переходе от персоналистской системы к сбалансированной модели разделения властей.

Одним из центральных элементов правовой модернизации стало восстановление Конституционного Суда, который начал свою работу 1 января 2023 г. Изменение модели конституционного контроля и расширение круга субъектов, имеющих право обращаться в суд, включая граждан, Генерального прокурора и Уполномоченного по правам человека, было высоко оценено Венецианской комиссией. Функционирование обновленного органа служит не только фильтром для неконституционных нормативных актов, но и в рамках неинституциональной теории является механизмом перераспределения интерпретационной власти, необходимым для коррекции структурных дисбалансов, связанных с доминированием исполнительной власти. С точки зрения теории сдержек и противовесов, Конституционный Суд играет роль независимого вето-игрока. Он способен корректировать возможные ошибки в правоприменении, что крайне важно для устойчивости обновленной модели государственного управления.

Парламентские выборы 2023 г. и новая конфигурация законодательной власти

Внеочередные выборы в Мажилис, состоявшиеся 19 марта 2023 г., стали первым практическим применением обновленной институциональной структуры, сформированной в результате политических реформ, проведенных в 2022 г. Избирательная кампания проводилась в соответствии с новой формулой, направленной на усиление плюрализма и политической актив-

ности, а также на расширение круга участников, допущенных к участию в избирательном процессе.

Внедрение смешанной избирательной системы. На выборах 1999 и 2004 гг. применялась смешанная мажоритарно-пропорциональная система. Однако мажоритарный компонент имел существенный перевес. Из 77 депутатов 67 избирались по одномандатным округам, а 10 – по партийным спискам.

Прошедшие в 2023 г. выборы проводились по двум схемам:

- 69 депутатов избирались по партийным спискам в едином общенациональном избирательном округе;
- 29 депутатов избирались в одномандатных территориальных округах.

Такая конфигурация была направлена на повышение степени персонафикации политической конкуренции и создание условий для участия независимых кандидатов. Параллельно были внесены изменения, которые снизили порог прохождения партий в Мажилис до 5% и упростили процедуру регистрации партий, уменьшив минимальное количество членов с 20 тысяч до 5 тысяч. Соответственно, изменения в институциональных параметрах создали предпосылки для расширения партийного пространства и появления новых политических акторов.

По результатам выборов произошли изменения в структуре партийного представительства. Шесть партий получили места в Мажилисе, что привело к расширению разнообразия в составе законодательного органа. Партия «Amanat» набрала 53,9% голосов избирателей и получила 40 мест в Парламенте по партийным спискам. В Парламент также прошли партии «Ауыл», «Respublica», «Ак Жол», Народная партия Казахстана и ОСДП. Партия «Baitak» не смогла преодолеть установленный электоральный порог.

Таблица 1. Результаты выборов в Мажилис Парламента РК (2023 г.) [17]

Политическая партия	Голоса (%)	Места (по спискам)
Amanat (партия власти)	53,90%	40
Ауыл (НДПП)	10,90%	8
Respublica (новая партия)	8,59%	6
Ак Жол (ДПК)	8,41%	6
НПК (Народная партия)	6,80%	5
ОСДП (Оппозиционная)	5,20%	5
Baitak (Партия зеленых)	2,30%	0
Против всех	3,90%	н/д

Результаты выборов в одномандатных округах продемонстрировали доминирование партии «Amanat», представители которой получили двадцать два из двадцати девяти мест. В совокупности партия власти получила шестьдесят два места из девяноста восьми, что обеспечило ей устойчивое

парламентское большинство. Появление новых участников электорального процесса, например, таких как партия «Respublica», ориентированная на предпринимательское сообщество, и ОСДП, впервые получившая парламентское представительство, повысило степень репрезентативности.

Следовательно, состав VIII созыва представляет собой гибридную модель, в которой мажоритарный компонент выступает в качестве канала для выражения гражданской активности и локальной повестки, а пропорциональный сегмент обеспечивает общенациональное единство вокруг стратегического курса «Справедливый Казахстан».

Законодательная активность и институциональная эффективность (2023–2024 гг.)

Работа Парламента восьмого созыва в период с 2023 по 2024 гг. позволяет оценить, насколько успешно конституционные нововведения интегрируются в политическую практику. Анализ изменений в законодательном процессе и контрольной деятельности позволяет оценить степень влияния Парламента в обновленной системе власти.

Динамика законодательного процесса. Статистические данные свидетельствуют о значительном росте законодательной активности. В 2023 г. Мажилис принял и направил в Сенат большое количество нормативных актов, преимущественно социально-экономической направленности. Кроме того, удельный вес депутатов Парламента в реализации внутристрановых, то есть национальных законодательных инициатив превысил долю Правительства, что свидетельствует о значительном усилении Парламента в законодательской работе.

Так, по итогам трехлетней работы Мажилиса VIII созыва, процент законопроектов, разработанных депутатами (без учета ратификаций), демонстрирует уверенный рост. С 2023 по 2025 гг. доля таких инициатив увеличилась с 42,8% (27 из 63) до 50,8% в 2024 г. (31 из 61) и достиг 65,6% в 2025 г. (40 из 61). Под депутатскими законопроектами понимаются проекты, предложенные депутатами (индивидуально или группой) без учета ратификаций. Данный показатель отражает процедурную активность. Для более точной оценки политической субъектности необходимо учитывать следующие факторы: степень доработки проектов в комитетах, наличие публичных слушаний/экспертизы, а также применение контрольных процедур (запросы, слушания, аудит) по тематике инициатив.

Конституционная реформа 2022 г. нормативно закрепила за Парламентом полномочие по применению процедуры немедленного рассмотрения законопроектов, что обусловило институционализацию ускоренного законодательного механизма, ориентированного на правовое реагирование в условиях кризисных, чрезвычайных и иных нестандартных общественно-политических ситуаций.

Реализация концепции «Слышащего государства»: кейс закона о возврате активов. Принятие закона «О возврате государству незаконно приобретенных активов» в июле 2023 г. стало ярким примером повышения уровня законодательной инициативы в Парламенте. Законопроект был разработан группой депутатов Мажилиса, что свидетельствует об изменении механиз-

мов распределения законодательной инициативы. Закон предусматривает механизмы гражданской конфискации и процедуры добровольного возврата капиталов, выведенных олигархическими группами. В ходе работы над законопроектом парламентские структуры проводили общественные обсуждения и корректировали положения с учетом экспертных замечаний. Конституционный Суд подтвердил соответствие закона конституционным нормам, что укрепило его нормативный статус и завершило процесс институциональной валидации. Данный прецедент демонстрирует способность Парламента служить инструментом реализации политического курса, направленного на демонтаж прежних финансово-промышленных монополий и обеспечение принципов экономической справедливости.

Контрольные полномочия и взаимодействие с правительством. Практика реализации формулы подотчетности правительства характеризовалась активным использованием Парламентом таких инструментов, как слушания, правительственные часы и анализ отчетности Высшей аудиторской палаты. Дискуссии вокруг аудиторских заключений стали более содержательными, а взаимодействие между парламентскими комитетами и исполнительной властью приобрело регулярный характер. Однако политическая конструкция сохраняет ограничения, связанные с процедурой формирования Правительства. Степень политической ответственности министров перед парламентскими структурами остается ограниченной.

В целом, анализ деятельности Парламента в период с 2023 по 2025 гг. позволяет сделать вывод о формировании переходного типа институциональной эффективности. В рамках данной модели законодательная ветвь власти усиливает процедурные инструменты воздействия, но не обладает политическим потенциалом для трансформации структуры исполнительной ответственности. Дальнейшее развитие парламентских механизмов будет зависеть от способности законодательного органа сформировать устойчивые практики контроля, минимизировать зависимость от правительственной инициативы и повысить уровень компетенций в области самостоятельного нормотворчества.

Новый этап институциональной трансформации

В 2025 г. в Казахстане был инициирован новый этап трансформации системы государственного управления, направленный на переход от транзитной модели к модели эффективной работы. Обозначенный курс стал возможен благодаря инициативе Президента К.К. Токаева, представленной в его Послании народу Казахстана 8 сентября 2025 г. [18]. В русле программных предложений была актуализирована повестка перехода к однопалатной структуре Парламента, что является логическим продолжением процесса отказа от суперпрезидентской вертикали и ответом на общественный запрос о повышении роли законодательной власти. Историческая роль Сената, выполнявшего функцию институционального стабилизатора и гаранта регионального баланса в период формирования государственности, в данной логике интерпретируется как в значительной степени реализованная. Подобная реорганизация позволяет создать более гибкий и политически ответственный законодательный орган, который

сможет оперативно реагировать на вызовы современной нестабильности без бюрократических задержек, характерных для двухпалатных систем.

В выступлении Президента К.К. Токаева на заседании V Национального курултая 20 января 2026 г. были представлены существенные уточнения и расширения параметров заявленного реформирования. В ходе выступления было отмечено, что парламентская реформа является частью более масштабного конституционного проектирования. Было указано, что изначально обсуждавшиеся изменения порядка «около 40 статей» Конституции недостаточны, и готовящийся пакет поправок имеет более широкий характер, фактически сопоставимый с глубокой конституционной модернизацией.

Для институционализации и общественно-политической легитимации конституционной реформы 21 января 2026 г. Указом Президента была создана Конституционная комиссия. Успешно завершив работу, 11 февраля 2026 г. комиссия представила Главе государства итоговый проект Основного закона. В тот же день Президент К.К. Токаев подписал Указ о вынесении проекта на республиканский референдум, назначенный на 15 марта 2026 г. [20]. Столь высокая интенсивность принятия решений свидетельствует о беспрецедентной динамике и масштабе текущей институциональной модернизации.

В области электорального дизайна наблюдается дифференцированный подход к формированию представительных органов на национальном и региональном уровнях. Ориентация на формирование Парламента на пропорциональной основе подчеркивает важность партийной ответственности и конкуренции программ, что в условиях унитарного государства может способствовать укреплению политических платформ и снижению рисков фрагментации и локального лоббизма. В то же время сохранение мажоритарной модели для маслихатов отражает потребность в персонализированной связи с региональными сообществами, создавая при этом двухконтурный дизайн представительства: партийно-программный на национальном уровне и территориально-персонализированный – на субнациональном.

Следует подчеркнуть, что инициатива перехода к однопалатному Парламенту связывается с идеей «Курултая» как символическим обращением к историко-политической традиции курултаев. Она предполагает изменение правил формирования высшего законодательного органа. Подобное решение не только повысит авторитет партийных платформ, но и, при условии соблюдения прозрачных правил конкуренции, будет способствовать качественному обновлению электорального пространства, стимулируя развитие политико-идеологического многообразия. При этом эффективность однопалатной модели будет зависеть от зрелости партийной системы и политической конкуренции. Для устойчивости института важны дополнительные правовые механизмы. К ним относятся более четкий статус парламентской оппозиции и, к примеру, гарантии для парламентского меньшинства. Существенно и развитие парламентского контроля над исполнительной властью. Опорой обновленного института парламентаризма должны стать сильные партии с ясными и публично проверяемыми электоральными платформами.

Важным инструментом обеспечения парламентского контроля является

новый Бюджетный кодекс. Он предоставляет дополнительные возможности для депутатского корпуса по мониторингу бюджетного процесса, включая финансовые потоки квазигосударственного сектора. Расширение контрольных функций потенциально повышает прозрачность и усиливает подотчетность управленческих решений в сфере публичных финансов. В совокупности указанные меры направлены на поддержку перехода от процедурной роли Парламента к институционально устойчивой модели контроля.

Кроме того, в новой конфигурации именно местные представительные органы могут стать ведущими участниками перераспределения полномочий на региональном уровне. Наделение маслихатов новой политической субъектностью обеспечит им более весомые рычаги влияния на бюджетный процесс и усилит ответственность местной исполнительной власти. Описанная трансформация имеет принципиальное значение для реализации концепции «Слышащего государства», поскольку она сокращает дистанцию между гражданами и центрами принятия решений и повышает чувствительность институциональной системы к локальной повестке.

Состоявшийся 15 марта 2026 г. референдум и последующее активное институциональное строительство станут основой для окончательного закрепления обновленной модели парламентаризма, а также новой системы сдержек и противовесов.

В целом, реформа, инициированная Президентом, представляет собой стратегический план по построению инклюзивной политической системы. В рамках него эффективность законодательного процесса обеспечивается не сложной иерархией палат, а качеством депутатского корпуса, прозрачностью процедур, институционализацией контроля и прямой зависимостью политического мандата от волеизъявления избирателей. Казахстан движется к модели, в которой сильный институт президентства сочетается с усилением и расширением парламентского влияния, а также подотчетности исполнительной власти на центральном и местном уровнях.

Обсуждение результатов

Первое. Результаты исследования подтверждают эвристическую ценность концепции *path dependence* для анализа казахстанского транзита. Несмотря на деконструкцию суперпрезидентской вертикали в 2022 г., политическая практика демонстрирует некоторую устойчивость неформальных институтов. Сохранение доминирующей позиции партии «Amanat» при внедрении смешанной избирательной системы (70/30) коррелирует с тезисом о том, что в условиях транзита смешанные электоральные конструкции часто функционируют не как механизм баланса, а как инструмент «институционального компромисса». В настоящее время мы наблюдаем явление, характерное для постсоветского пространства, когда новые демократические институты, такие как Конституционный суд и смешанная система, накладываются на старую политическую культуру. Подобная институциональная интерференция ведет к формированию гибридной модели. Соответственно, преодоление «институциональной ловушки», возникшей в 1995 г., представляет собой не единовременный акт, а длительный эволюционный процесс, требующий последовательной трансформации сложив-

шейся управленческой культуры и адаптации государственного аппарата к новым условиям. Весьма важным явился и переход к однопалатному Парламенту. Указанный шаг ознаменовал собой фундаментальное изменение в концепции государственного строительства в Казахстане.

Второе. В 1990-х годах и в период суперпрезидентства Сенат выполнял функцию институционального стабилизатора и «фильтра» инициатив нижней палаты. С одной стороны, в условиях перехода к новой политической культуре приоритетом становятся оперативность и прямая политическая ответственность. Теоретически, подобный вектор развития можно рассматривать как завершение фазы «охранительного транзита». С другой, отказ от бикамерализма в унитарном государстве устраняет излишних вето-игроков, но может, в теории, привести к снижению качества законоотворчества, если не будет компенсировано усилением экспертного потенциала депутатов и реальной партийной конкуренции.

Третье. В сравнительной перспективе однопалатная система будет способствовать повышению эффективности работы за счет уменьшения количества участников, обладающих правом вето. Однако влияние на качество законодательства зависит от наличия таких компенсационных механизмов, как развитая система комитетов, публичные слушания, эффективный аудит, конституционный контроль и реальная конкуренция между политическими партиями. В этой связи, при оценке сценария перехода к однопалатной системе необходимо учитывать наличие данных процедурных механизмов.

Четвертое. Рост доли депутатских инициатив до 65,6% к 2025 г. и успешные кейсы, включая, в том числе, закон о возврате активов, свидетельствуют о том, что Парламент перестает быть инструментом исключительно для ратификаций решений исполнительной власти.

Пятое. В контексте проводимых в Казахстане реформ необходимо отметить смещение акцента с центрального на местный уровень. Передача некоторых функций маслихатам может стать стимулом для повышения уровня вовлеченности граждан в процессы государственного управления и принятия решений. Указанная логика согласуется с теорией децентрализации, в соответствии с которой эффективность демократии напрямую зависит от близости центров принятия решений к их бенефициарам.

Шестое. Использование таких публичных нарративов, как идеологемы «Слышащего государства», «Справедливого Казахстана», а также формата Национального курултая, а теперь и Қазақстан халық кеңесі играет важную роль в процессе легитимации проводимых преобразований. Указанные инструменты позволяют перевести процесс перераспределения властных полномочий в плоскость широкого общественного диалога.

Седьмое. Трансформация казахстанского парламентаризма в период политических реформ представляет собой сложный процесс преодоления некоторой институциональной инерции. В этих условиях реализуется стратегия «эволюционной демократизации», которая позволяет купировать риски дестабилизации системы за счет сохранения сильного института президентства. Одновременно с этим стратегия создает легитимное пространство для роста парламентской субъектности и расширения контрольных функций законодательной власти.

Заключение

Исследование динамики институциональной трансформации парламентаризма в Республике Казахстан позволяет сделать ряд обобщающих выводов.

Во-первых, анализ политического процесса в Казахстане показывает, что страна постепенно переходит от суперпрезидентской к гибридной модели, включающей элементы более влиятельного института парламентаризма. Укрепление принципа разделения властей и ориентация на инклюзивные процедуры, характерные для представительной демократии, сочетаются с конкуренцией между реформаторскими и консервативными направлениями. Подобная динамика определяет реальное содержание институциональных изменений. С точки зрения неинституционализма, модернизация институционального дизайна не устраняет автоматически практики предыдущего политического режима. Трансформация носит поэтапный характер.

Во-вторых, в результате конституционной реформы 2022 г. и внеочередных парламентских выборов 2023 г. была сформирована новая институциональная структура, включающая в себя смешанную избирательную систему, перераспределение полномочий между палатами Парламента и функционирование Конституционного суда. Данная конфигурация создает предпосылки для выхода политической системы из состояния, которое описывается концепцией *path dependence*. На текущем этапе могут сохраняться определенные вызовы переходного периода, обуславливающие необходимость дальнейшего расширения политического плюрализма и преодоления инерции отдельных управленческих практик.

В-третьих, реформаторский цикл 2026-2027 гг., следует рассматривать как попытку перестроить систему сдержек и противовесов путем расширения участия Парламента в формировании контрольных и арбитражных органов. Потенциальное усиление роли центрального органа законодательной власти проявляется в двух аспектах: (1) нормотворческом; (2) контрольном/кадровом. В сочетании с ориентацией на пропорциональный принцип формирования Парламента и сохранением мажоритарной модели на уровне маслихатов формируется двухуровневый дизайн представительства, который может одновременно повысить партийную ответственность на национальном уровне и усилить чувствительность к региональным вопросам на субнациональном уровне.

В-четвертых, несмотря на увеличение количества депутатских инициатив и расширение инструментов парламентского контроля, архитектура политической модернизации определяется стратегическим курсом института президентства, который задает магистральные векторы. Подавляющее большинство инициатив, направленных на либерализацию общественно-политической сферы и возрождение гражданской активности, являются результатом реализации президентской политической воли. Такой подход минимизирует риски хаотизации за счет сохранения сильной президентской власти и расширения пространства для парламентской деятельности и контроля.

Наконец, теоретико-методологический анализ позволяет сделать

вывод о том, что процесс трансформации парламентаризма в Казахстане вступил в решающую фазу. Успех институциональных реформ и преодоление эффекта зависимости от предшествующего пути напрямую зависят от эффективности перехода к однопалатной модели, развития партийной конкуренции и расширения контрольно-арбитражных функций законодательного органа. Сильный и функционально независимый Парламент является одним из главных условий обеспечения устойчивого баланса ветвей власти в рамках обновленной политической системы. Успех построения «Справедливого Казахстана» зависит от синхронизации стратегической воли «сверху» (институт президентства и конституционное проектирование) с развитием профессионализма, ответственности и автономности представительных институтов, обеспечивающих реальную подотчетность власти перед обществом.

Список литературы

1. Zhiyenbayev M. Kazakhstan's Staged Reforms: Democracy by Evolution, Not Revolution // The Astana Times. – 2025. – 09 Sept. – URL: <https://astanatimes.com/2025/09/kazakhstans-staged-reforms-democracy-by-evolution-not-revolution/> (дата обращения: 05.12.2025).
2. Токаев К. К. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – 2022. – 16 марта. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1623953> (дата обращения: 05.12.2025).
3. О проведении 5 июня 2022 года республиканского референдума: Указ Президента Республики Казахстан от 5 мая 2022 года № 887 // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – 2022. – 5 мая. – URL: <https://akorda.kz/ru/o-provedenii-5-iyunya-2022-goda-respublikanskogo-referenduma-545131> (дата обращения: 05.12.2025).
4. Локк Дж. Два трактата о правлении / пер. с англ. Е. С. Лагутина [и др.]. – М.: Мысль, 1988. – 560 с.
5. Монтескье Ш. О духе законов / пер. с фр.; под ред. А.В. Михайлова. – М.: Мысль, 1999. – 736 с.
6. Sartori G. Comparative Constitutional Engineering: An Inquiry into Structures, Incentives and Outcomes. – London: Macmillan; New York: NYU Press, 1994. – 219 p.
7. Linz J. J. The Perils of Presidentialism // Journal of Democracy. – 1990. – Vol. 1, No. 1. – P. 51–69.
8. Dahl R. A. On Democracy. – New Haven; London: Yale University Press, 1998. – 217 p.
9. Lijphart A. Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries. – New Haven; London: Yale University Press, 2012. – P. 9–29.
10. Beyond the Case: The Logics and Practices of Comparative Ethnography / ed. by C. M. Abramson, N. Gong. – Oxford; New York: Oxford University Press, 2020. – 320 p.
11. Kominek J. Each Institutionalization Elementary is a Self-Reinforcing Process Increasing Path Dependency. – Hamburg: CLISEC Working Paper, 2009. – No. 4. – 39 p.
12. Абдильдин С.А. Парламент Казахстана: от Союза к государственности. – Алматы: Казахстан, 1993. – 192 с.
13. Абдильдин С.А. Становление парламентаризма в Казахстане. – СПб., 1993. – 96 с.

14. Сапарғалиев Г.С. Парламентское право Республики Казахстан. – Астана, 2009. – 307 с.
15. Diachenko S. Parliamentarism in Kazakhstan: Key to the Country's Democratization // *Central Asia and the Caucasus*. – 2006. – No. 6 (42). – P. 134–144.
16. Қазақстан адам құқықтарын қорғау бағытында нақты қадам жасап жатыр // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – URL: <https://www.akorda.kz/kz/kazakhstan-adam-kukyktaryn-korgau-bagytynda-nakty-kadam-zhasap-zhatyr-1203253> (дата обращения: 05.12.2025).
17. Kazakhstan: Mazhilis (House of Representatives). Election results 19 March 2023 // IPU Parline. – URL: <https://data.ipu.org/parliament/KZ/KZ-LC01/election/KZ-LC01-E20230319/> (дата обращения: 05.12.2025).
18. Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию: Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-kazakhstan-v-epohu-iskusstvennogo-intellekta-aktualnye-zadachi-i-ih-resheniya-cherez-cifrovuyu-transformaciyu-885145> (дата обращения: 05.12.2025).
19. О Рабочей группе по Парламентской реформе: распоряжение Президента Республики Казахстан от 8 октября 2025 года № 250 // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – 2025. – 8 окт. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/o-rabochey-gruppe-po-parlamentskoj-reforme-891659> (дата обращения: 18.01.2026).
20. О проведении 15 марта 2026 года республиканского референдума: Указ Президента Республики Казахстан от 11 февраля 2026 года № 1170 // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – 2026. – 11 февр. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/o-provedenii-15-marta-2026-goda-respublikanskogo-referenduma-111316> (дата обращения: 02.03.2026).
21. O'Donnell G. Transitions from Authoritarian Rule: in 4 vol. / G. O'Donnell, P. C. Schmitter, L. Whitehead. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986.
22. March J. G. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life / J. G. March, J. P. Olsen // *American Political Science Review*. – 1984. – Vol. 78, No. 3. – P. 734–749.

References

1. Zhiyenbayev M. (2025). Kazakhstan's Staged Reforms: Democracy by Evolution, Not Revolution. *The Astana Times*. Available at: <https://astanatimes.com/2025/09/kazakhstans-staged-reforms-democracy-by-evolution-not-revolution/> (accessed 05.12.2025).
2. Tokaev K.K. (2022). Poslanie Glavy gosudarstva Kasym-Zhomarta Tokaeva narodu Kazakhstana [Address of the Head of State Kasym-Jomart Tokayev to the people of Kazakhstan]. Akorda. Available at: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1623953> (accessed 05.12.2025).
3. Ukaz «О проведении 5 iyunya 2022 goda respublikanskogo referenduma» [Decree "On holding a republican referendum on June 5, 2022"]. (2022). Akorda. Available at: <https://akorda.kz/ru/o-provedenii-5-iyunya-2022-goda-respublikanskogo-referenduma-545131> (accessed 05.12.2025).
4. Lokk Dzh. (1988). Dva traktata o pravlenii [Two Treatises of Government]. Moscow: Mysl'. 560 p.
5. Monteske Sh. (1999). O dukhe zakonov [The Spirit of the Laws]. Moscow: Mysl'. 736 p.
6. Sartori G. (1994). Comparative Constitutional Engineering: An Inquiry into Structures, Incentives and Outcomes. London: Macmillan; New York: NYU Press.
7. Linz J.J. (1990). The Perils of Presidentialism. *Journal of Democracy*, vol. 1, no 1, pp. 51–69.
8. Dahl R.A. (1998). On Democracy. New Haven; London: Yale University Press. 217 p.
9. Lijphart A. (2012). Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries. New Haven; London: Yale University Press. pp. 9–29.

10. Abramson C.M., Gong N. (eds.). (2020). *Beyond the Case: The Logics and Practices of Comparative Ethnography*. Oxford; New York: Oxford University Press. 320 p.
11. Kominek J. (2009). Each Institutionalization Elementary is a Self-Reinforcing Process Increasing Path Dependency. Hamburg: CLISEC Working Paper, no 4. 39 p.
12. Abdil'din S. (1993). *Parlament Kazakhstana: ot Soyuza k gosudarstvennosti* [Parliament of Kazakhstan: from the Union to statehood]. Almaty: Kazakhstan. 192 p.
13. Abdil'din S.A. (1993). *Stanovlenie parlamentarizma v Kazakhstane* [Formation of parliamentarism in Kazakhstan]. St. Petersburg. 96 p.
14. Sapargaliev G.S. (2009). *Parlamentskoe pravo Respubliki Kazakhstan* [Parliamentary law of the Republic of Kazakhstan]. Astana. 307 p.
15. Diachenko S. (2006). *Parliamentarism in Kazakhstan: Key to the Country's Democratization*. *Central Asia and the Caucasus*, no 6 (42), pp. 134–144.
16. Akorda. (2025). *Qazaqstan adam kuckyktaryn korgau bagytynda nakty kadam zhasap zhatyr* [Kazakhstan is taking concrete steps to protect human rights]. Akorda. Available at: <https://www.akorda.kz/kz/kazakhstan-adam-kuckyktaryn-korgau-bagytynda-nakty-kadam-zhasap-zhatyr-1203253> (accessed 05.12.2025).
17. IPU Parline. (2023). *Kazakhstan: Mazhilis (House of Representatives). Election results 19 March 2023*. Available at: <https://data.ipu.org/parliament/KZ/KZ-LC01/election/KZ-LC01-E20230319/> (accessed 05.12.2025).
18. *Poslanie Glavy gosudarstva narodu Kazakhstana «Kazakhstan v epokhu iskusstvennogo intellekta: aktual'nye zadachi i ikh resheniya cherez tsifrovuyu transformatsiyu»* [Message of the Head of State to the people of Kazakhstan "Kazakhstan in the era of artificial intelligence: current tasks and their solutions through digital transformation"]. (2025). Akorda. Available at: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazakhstan-kazakhstan-v-epokhu-iskusstvennogo-intellekta-aktualnye-zadachi-i-ih-resheniya-cherez-cifrovuyu-transformatsiyu-885145> (accessed 05.12.2025).
19. *O Rabochei gruppe po Parlamentskoi reforme* [On the Working Group on Parliamentary Reform]. (2025). Akorda. Available at: <https://www.akorda.kz/ru/o-rabochey-gruppe-po-parlamentskoy-reforme-891659> (accessed 18.01.2026).
20. *O provedenii 15 marta 2026 goda respublikanskogo referendum: Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 11 fevralia 2026 goda № 1170* [Elektronnyy resurs] // *Ofitsial'nyi sait Prezidenta Respubliki Kazakhstan*. – 11.02.2026. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/o-provedenii-15-marta-2026-goda-respublikanskogo-referenduma-111316> (data obrashcheniia: 02.03.2026).
21. O'Donnell G., Schmitter P.C., Whitehead L. (1986). *Transitions from Authoritarian Rule*. Vols. I–IV. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
22. March J.G., Olsen J.P. (1984). *The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life*. *American Political Science Review*, vol. 78, no 3, pp. 734–749

Материал поступил в редакцию 29.01.2026

Утвержден к публикации 19.03.2026

TRANSFORMATION OF THE POLITICAL MENTALITY OF KAZAKHSTAN'S POPULATION: VECTORS AND PARADIGMS

Elena Burova¹
Gulnara Koyanbayeva²
Alyona Adamidi^{3*}

¹ Chief Researcher at the Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies, Committee of Science, Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Philosophy, Professor; Almaty, Kazakhstan, e-mail: bee1958@bk.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9404-6066>

² Chief Researcher at the Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies, Committee of Science, Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Philosophical Sciences; Almaty, Kazakhstan, e-mail: grk63@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0942-6692>

^{3*} Master of Philological Sciences in the field of Foreign Philology, Karaganda University named after Academician E.A. Buketov; Karaganda, Kazakhstan, e-mail: minehexfire@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-1903-0917>

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2026.114.1.003>

Abstract. During the period of sovereign development, Kazakhstan has been undergoing an intensive process of transformation of political mentality, encompassing both consciousness and behavior. This process is driven by socio-economic and cultural factors, a targeted state policy aimed at the modernization of public consciousness, and broader global conditions. The article presents selected findings from a Kazakhstani study on value transformations in civic consciousness.

The research methodology, which combines a mass survey, expert assessments, and model-based reconstruction, was developed to evaluate the outcomes achieved through the implementation of state programs for modernization. A multi-dimensional analysis focuses on identifying changes in political mentality and on how these changes are perceived by Kazakhstani citizens. Particular attention

is paid to the formation of a matrix of civic values and to the perception of key state ideological concepts. The effectiveness of initiatives aimed at modernizing public consciousness, assessed in terms of the consolidation of value concepts in both mentality and social practice, correlates with the objectives of constitutional reform.

Keywords: *political mentality, civic culture, values, sovereignty, globalization, constitutional reform.*

ҚАЗАҚСТАНДЫҚТАРДЫҢ САЯСИ МЕНТАЛИТЕТІНІҢ ТРАНСФОРМАЦИЯСЫ: ВЕКТОРЛАР МЕН ПАРАДИГМАЛАР

Елена Бурова¹, Гүлнар Қоянбаева², Алёна Адамиди^{3*}

¹ ҚР ҒЖБМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институтының бас ғылыми қызметкері, философия ғылымдарының докторы, профессор

² ҚР ҒЖБМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институтының бас ғылыми қызметкері, философия ғылымдарының кандидаты

^{3*} «Шетелдік филология» мамандығы бойынша филология ғылымдарының магистрі, академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті

Аңдатпа. Егеменді даму кезеңінде қазақстандықтардың саяси ділі (санасы мен мінез-құлқы) қарқынды трансформация үдерісін бастан кешіруде. Бұл үдеріс әлеуметтік-экономикалық және мәдени факторлардың ықпалымен және қоғамдық сананы жаңғыртуға бағытталған мемлекеттік саясаттың және жаһандық үдерістердің әсерінен қалыптасуда. Мақалада азаматтық сананың құндылықтық трансформацияларына арналған қазақстандық зерттеудің бірқатар нәтижелері ұсынылады. Зерттеу әдіснамасы (жаппай сауалнама жүргізу, сараптамалық пікірлерді талдау және модельдік реконструкция) мемлекеттік сананы жаңғырту бағдарламаларын іске асыру барысында қол жеткізілген нәтижелерді бағалауға арналған. Көпқырлы талдау саяси ділдегі өзгерістерді және олардың қазақстандықтар тарапынан қабылдануы мен түсіндірілу ерекшеліктерін айқындауға мүмкіндік береді. Сонымен қатар, азаматтық құндылықтар матрицасының қалыптасу мәселелері мен мемлекеттік идеологиялар концептілерін қабылдау ерекшеліктері қарастырылады. Қоғамдық сананы жаңғырту міндеттерінің нәтижелілігі құндылықтық концептілердің қоғамдық ділі мен әлеуметтік практикада орнығуы тұрғысынан Конституциялық реформаның мақсат-міндеттерімен тығыз сабақтастықта талданады.

Түйін сөздер: *саяси діл, азаматтық мәдениет, құндылықтар, егемендік, жаһандану, конституциялық реформа.*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ КАЗАХСТАНЦЕВ: ВЕКТОРЫ И ПАРАДИГМЫ

Елена Бурова¹, Гульнара Коянбаева², Алёна Адамиди^{3*}

¹ Главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки МНВО РК, доктор философских наук, профессор

² Главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки МНВО РК, кандидат философских наук

^{3*} Магистр филологических наук специальности «Иностранная филология», Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова

Аннотация. В период суверенного развития происходит интенсивный процесс трансформации политической ментальности (сознания и поведения) казахстанцев. Этому способствуют социально-экономические и культурные факторы, направленная государственная политика модернизации общественного сознания, глобальные условия. В статье представлены некоторые результаты казахстанского исследования ценностных трансформаций гражданского сознания. Методология изучения (массовый опрос и экспертные мнения, модельная реконструкция) разработана для оценивания достигнутых результатов реализации государственных программ модернизации. Многоаспектный анализ фокусируется на рассмотрении изменений в политической ментальности и их понимании казахстанцами. Рассматриваются вопросы формирования матрицы гражданских ценностей, восприятия концептов государственных идеологем. Результативность задач модернизации сознания с позиций утверждения ценностных концептов в менталитете и в практике коррелирует с задачами Конституционной реформы.

Ключевые слова: *политическая ментальность, гражданская культура, ценности, суверенитет, глобализация, конституционная реформа.*

Introduction

The sovereignization of Kazakhstan and other states has contributed to complex processes of re-evaluating values, transforming state and civic identity, and reconfiguring political culture. After a prolonged period under the influence of the former Soviet ideological system, newly sovereign states faced the necessity of constructing national narratives in connection with redefining value orientations and determining their place within the global development context.

A key factor in mental transformation was the emergence of a value and ideological vacuum, which necessitated the search for new paradigms and models [1].

The transformation of values in newly independent states has followed different trajectories. It depends on attitudes toward tradition, the culture of generational continuity, the objectives of state self-identification, and political development strategies. The issue of values in a transitional period is multidimensional. Political values function as markers indicating the vectors of transformation.

The transitional period of political value transformation unfolds unevenly across different states and reveals a significant influence of national contexts and historical traditions. Geopolitical factors have played a decisive role in the evolution of values, which are interpreted within the conceptual frameworks of the pre-Soviet, Soviet, and post-Soviet historical periods [2].

The transition from a communist ideology that prioritized the collective good to a market economy oriented toward individual benefit significantly affected societal values and contributed to the spread of individualistic orientations. A major challenge has been the persistence of characteristics associated with “Homo Sovieticus” among older generations and their influence on contemporary values and development trajectories [3]. Neoliberal reforms further encouraged the prioritization of individual values over collective ones. One of the central themes of this transformation has been the erosion of collective values and the growth of individualism [4].

The influence of global norms and values, transmitted through mass media and migration processes, shapes and at times conflicts with existing value systems. Intergenerational gaps have become evident, with younger cohorts, including Generation Y, often adhering to value orientations that differ from those of their parents and grandparents [5]. In the Russian context, this specificity is manifested as an intergenerational divide in the understanding and acceptance of new worldviews, moral prescriptions, and ethical norms [6].

For many sovereign states, issues related to the observance of human rights and the rule of law have become particularly salient. Monitoring missions consistently emphasize that the specific features of post-Soviet political transitions have created obstacles to the full consolidation and protection of human rights.

Since the 1990s, a phase of competition has emerged between authoritarian-paternalistic orientations and newly introduced liberal values. Perceptions of democratic principles, civil liberties, and the roles of the state and the nation have evolved under the influence of both internal and external factors. A common characteristic of newly sovereign states has been the identification of key historical, economic, socio-cultural, and political factors that contributed to the dismantling of the normative frameworks of the former ideological system [7]. The impact of economic crises and social inequality on value systems should not be underestimated [8].

Political science offers its own analytical approaches to the study of value change. Research on the influence of political and economic transformations following the collapse of communism includes the examination of public perceptions and levels of satisfaction with these changes. Survey data reveal how citizens of post-Soviet countries assess these transformations and their consequences for various spheres of life [9].

Analyses of democratic transition and the development of political institutions in the post-Soviet space [10] demonstrate how political scientists investigate the uneven progress of democratization and the factors influencing it, including the role of value orientations. The significance of geopolitical orientation, framed as alignment with the West versus Russia, and the strength of civil society in shaping democratic development trajectories [11] is examined through the lens of interaction between external influences and internal social dynamics in political and value transformations.

The concept of “modern traditionalism” within the political institutions of post-Soviet states [12] illustrates how formal democratic institutions frequently intertwine with informal, traditional practices, reflecting a specific configuration of values.

The study tested the following hypothesis:

The period of sovereign development has exerted a significant influence on the transformation of value orientations within Kazakhstani society, contributing to the strengthening of identity and patriotism, as well as to the activation of civic consciousness. Global challenges and social upheavals have acted as mobilizing factors for political mentality and are shaping a new civic culture. A progressive model of civic culture is gaining increasing support among citizens of Kazakhstan.

Research Questions:

- Under the influence of which factors have political values among Kazakhstani citizens changed during the years of sovereign development?
- What is most significant in the formation of civic values among Kazakhstanis?
- Which state ideologemes are reflected and shared within the political mentality?
- Which civic values and qualities characterize the average Kazakhstani as a representative of an intellectual nation?
- What challenges does Kazakhstani society face at the stage of discussing constitutional reform?

Materials and Methods:

1) *A nationwide mass survey* covering 3,124 respondents aged 18 and older, based on a representative sample across 17 regions (Abai, Akmola, Aktobe, Almaty, Atyrau, East Kazakhstan, West Kazakhstan, Zhambyl, Zhetysu, Karaganda, Kostanay, Kyzylorda, Mangystau, Pavlodar, North Kazakhstan, Turkestan, Ulytau) and the cities of Astana, Almaty, and Shymkent.

2) *An expert survey conducted in the format of standardized semi-structured interviews* with 100 respondents, including school teachers and college instructors, university faculty, scholars and experts, research institute staff (philosophers, cultural scholars, psychologists, sociologists, political scientists), journalists, bloggers, and civil servants.

3) *In-depth interviews* with 20 experts representing analytical centers, bloggers, journalists, practicing sociologists (heads of research services), and members of the opposition.

4) *Theoretical reconstruction of a model* of political consciousness transformation.

Results

1. The assessment of value transformation was articulated by experts from multiple perspectives that take into account socio-economic, cultural, geopolitical, and technological conditions and factors.

In the in-depth interviews, respondents noted:

1) the staged nature of changes in mentality: “Kazakhstanis have gone through several stages of value transformation, ranging from a complete departure from Soviet ideological values to the acceptance of the norms of a market-capitalist society. In the 1990s, the core values were independence and, later, survival; in the 2000s, as prosperity increased, people gained greater opportunities to participate in market relations and engage in entrepreneurship, and the range of opportunities expanded” (political scientist);

2) the multifactorial character of these transformations: “Soviet ideology is being replaced; the search for identity is expanding through an appeal to history; social processes are being shaped by a new technological turn; and a shift from atheism to traditional Islam is noticeable” (Member of Parliament);

3) the expansion and consolidation of democratic norms: “There is more freedom in Kazakhstani society; the struggle for women’s rights is becoming more salient and feminism is expanding; youth and civil society are becoming more active. The growth of civic engagement is linked to opposition to state power structures and to digitalization, which enables rapid feedback from them” (blogger);

4) the formation of a shared identity grounded in civic unity: “Most of our population already recognizes a common value: that we are Kazakhstanis, that we are the people of Kazakhstan. I consider this very important and acceptable. Second, I think that today we have our own families, traditions, and customs—these remain and unite us. Shared respect for our culture, history, and language is what we have in common. Civic identity is what defines us and unequivocally unites us” (sociologist).

The hierarchy of factors and conditions that determined the need to modernize public consciousness was established on the basis of the standardized expert survey (Table 1).

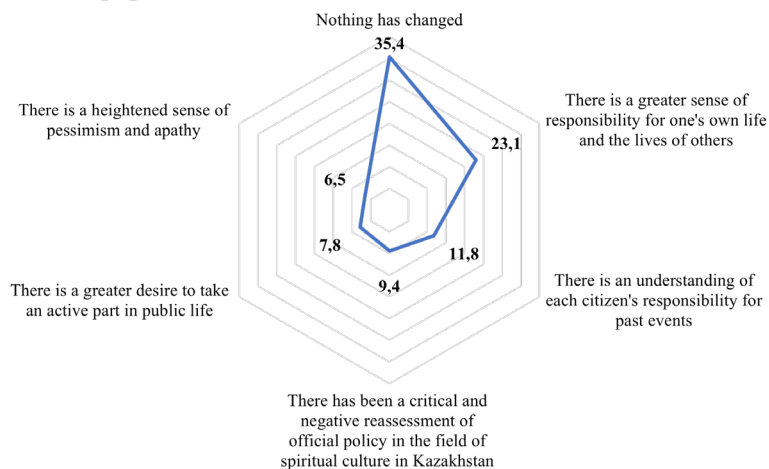
Table 1. Factors and conditions that determined the state policy of modernization of public consciousness (experts, N = 100, %, 2025)

<i>Internal factors and conditions</i>	<i>External factors and conditions</i>
Need to form a new worldview identity in accordance with economic, socio-cultural, and political realities (29%)	Spread of new information and communication technologies (Internet, social networks, messengers) with diverse value content (49%)
Need to consolidate state-national identity (27%)	Involvement of Kazakhstan in the globalization process with the dominance of specific values (24%)
Reform of the education system oriented toward Western standards (20%)	Need to integrate the state into the contemporary world order as a competitive political actor (23%)
Transition to sovereign development under market-based conditions (13%)	Implementation of foreign programs aimed at fostering a democratic mentality within education, science, the media, and through the activities of international and Kazakhstani non-governmental organizations (22%)
Importance of distancing from the previous historical stage within the USSR (10%)	Promotion of the values and identification frameworks of the Turkic world (20%)
Need for accelerated democratization and liberalization (10%)	Targeted efforts to promote the values of the so-called “Russian world” (3%)

2. The impact of globalization and the pressure of liberal values, including changes in interpersonal relations, gender identity, distancing from tradition, counter-normative behavior among youth, and the spread of youth subcultures, became the subject of assessment in the mass survey. The findings reveal the emergence of “fault lines” within public opinion: 35.1% of respondents perceive the outcomes of globalization and liberal values negatively, 33.1% maintain a neutral stance, and 27.9% evaluate them positively.

The January events of 2022 became a trigger for the reconsideration of the value context of life in Kazakhstan. In sociological and political science perspectives, these events exposed demarcations within civic mentality, revealed the subjectivity of protest movements, and manifested markers of civic activism. The most significant marker was respondents' acknowledgment of a reassessment of life itself. For nearly one quarter of the population, the events resulted in an existential catharsis, while approximately one fifth reported a reassessment of their civic position (Figure 1).

Figure 1. Distribution of responses to the question: “What has changed in Kazakhstani citizens’ perceptions of themselves and their values after the January 2022 events?” (population, N = 3124, %, 2025)

3. The discourse surrounding the evaluation of the positive and negative consequences of mental modernization reveals an ambivalence in expert assessments. A discernible line of division emerges with regard to the aspiration of youth toward Western standards of living in consumption patterns, fashion, and behavioral norms. From the standpoint of sovereign subjectivity, the following indicators are perceived as particularly alarming:

- the involvement of Kazakhstan in a globalist modernization project associated with the rejection of traditional values;
- the transfer or weakening of the role of state educational institutions and mass media in shaping mentality and values;
- the growth of social apathy as a precondition for political absenteeism;
- the increase in youth religiosity (Table 2).

Table 2. Assessment of the positive and negative consequences of mental modernization during the years of Independence (experts, N = 100, %, 2025)

<i>Consequences of modernization of consciousness</i>	<i>positive</i>	<i>negative</i>
Social and civic engagement among the population has increased	92	8
Ideological diversity has been achieved	90	10

The moral well-being of society is improving	85	15
The level of civic responsibility is growing in Kazakh society and the role of civil society in social processes has increased	82	18
The separation between the desire to archaize life and innovation has become clear	74	26
New value preferences have become a marker of everyday culture	66	34
Young people strive for Western lifestyle patterns, consumption standards, fashion, and habits	50	50
Young people have become more religious, following austerity, restrictions, and religious precepts in their lifestyle	48	52
Government institutions (education, mass media) they are inferior to non-governmental organizations in the process of forming mentality and values	47	53
Kazakhstan is becoming a part of the globalist modernization project of abandoning traditional values	44	56
Ideological pluralism does not allow the formation of Kazakh-wide values and increases conflict in society	44	56
The level of social apathy is increasing in Kazakh society	36	64
The conflict situation in society is increasing due to the rejection of certain values	34	66

4. The matrix of qualitative characteristics of a representative of the “intellectual nation,” as identified by experts, reflects an orientation toward the formation of a democratic-type citizen: educated, pragmatic, critically thinking, aware of his or her rights and responsibilities, oriented toward life in a competitive environment, adaptive, and socially active (Diagram 1).

Diagram 1. Matrix of social and political characteristics of a Kazakhstani citizen as a representative of the “intellectual nation” (experts, N = 100, %, 2025)

The profile of Kazakhstani mentality, based on the results of a mass survey of the population (N = 3123, 2025), is multidimensional and represents a constellation of values of different orders, ranging from philosophical and existential to moral values that regulate behavior in specific social situations. The following elements occupy a fundamental and highly significant place in the value matrix of Kazakhstani mentality (identified by respondents as “very important”):

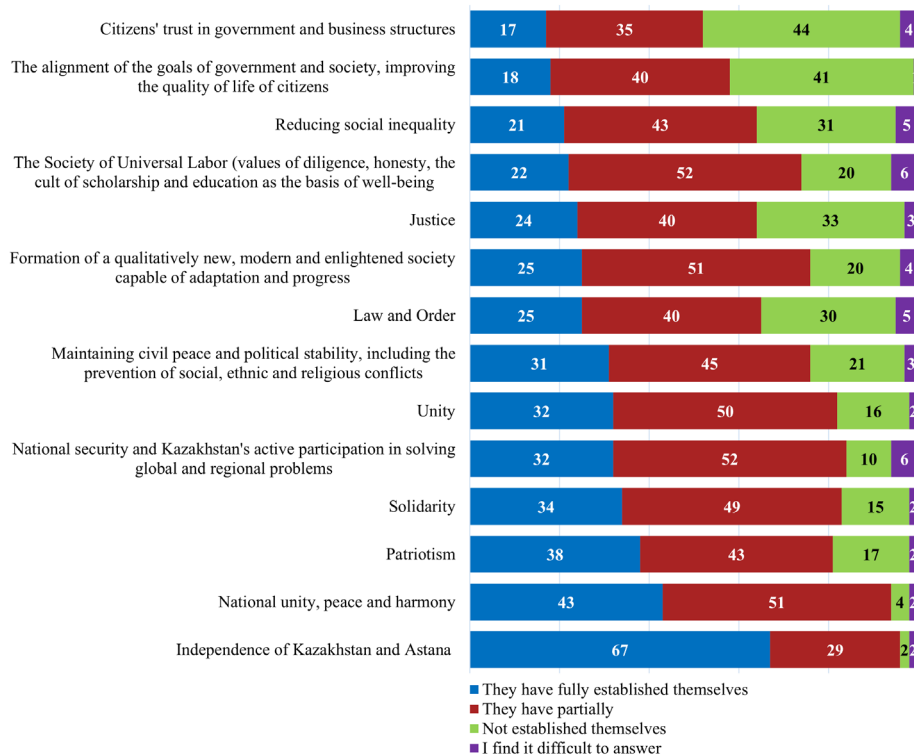
- perceptions of the infrastructure of the political landscape: state independence (87.1%) and the absence of ideological restrictions (60.8%);
- critically important civic qualities: patriotism (76.7%) and civic engagement (73.3%);
- individual freedoms of the person and the citizen: freedom of choice and self-development (87.3%), freedom of expression and democratic principles (74.5%);
- the overall atmosphere and conditions of development in Kazakhstani society: social justice (84.1%) and stability and a calm, orderly life (88%).

5. From the proclamation of Independence to the present, the following transformations have occurred in the mass consciousness of Kazakhstanis, according to expert assessments, listed in descending order of significance:

- the Kazakh language has been consolidated as the principal value attribute of sovereignty (59%);
- an understanding of the civic nation has been formed as the unity of ethnic groups committed to nationwide Kazakhstani values (47%);
- critical thinking has increased across different social groups (46%);
- value polarization has emerged among different generations, reflecting a confrontation between competing value paradigms (36%);
- ideological value orientations have weakened, accompanied by a marked shift toward material values (30%);
- new values and behavioral models have emerged (29%);
- worldview pluralism has become institutionalized, and fault lines have appeared within the mentality of various social groups, including divisions between the wealthy and the poor, and between generations (28%);
- renewed meanings of national unity have been formed, and societal consensus has expanded (25%).

6. According to experts, the concepts of societal modernization are incorporated into public consciousness to varying degrees. In assessing the outcomes of transformations in political mentality, experts emphasize the substantial scope of unresolved issues that, overall, contribute to alienation between citizens and authorities and foreground the issue of justice as a focal point for practical action. The most problematic areas include: public trust in state governance structures and business (44%); alignment between the goals of the authorities and those of society, and improvement in citizens' quality of life (41%); justice (33%); reduction of social inequality (31%); and law and order (30%) (Diagram 2).

Diagram 2. Assessment of the Population’s Acceptance and Entrenchment of the Concepts of Political Consciousness in Public Mentality (experts, N = 100, %, 2025)

7. The discussion of the text of the new Constitution of the Republic of Kazakhstan revealed several distinctive features in the transformation of the political mentality of Kazakhstani society, including:

- *an increased interest in the contemporary political process* not only within the expert community but also in mass public consciousness;
- *the discursive nature of the proposed changes* from the perspective of the legal content of the concepts under discussion;
- *the multidimensional interpretation of the proposed transformations*, including:

a) the justification of the logic of the current political stage of sovereign development;

b) the reconsideration of the existential challenges facing Kazakhstani society;

c) the moral evaluation and proportionality of the vectors of transformation under the influence of global trends, while maintaining the priority of national state development.

Engagement in the discussions involved various actors within the political process – pro-government, independent, and opposition groups – reflecting, on the one hand, the presence of ideological pluralism and, on the other, the search for consensus.

The openness of public debates became possible due to the genuinely achieved level of societal digitalization, access to information, the practical digital competencies of ordinary citizens, and their active expression of civic positions. The discussion of the constitutional reform confirmed the growth of civic engagement and the development of political culture.

Discussion of the Results

The hypothesis advanced in the study has been confirmed. Kazakhstan, like other sovereign states, demonstrates a process of value transformation: from a crisis of orientations in the 1990s to the formation of new hybrid systems of values that combine elements of the former collectivist-oriented legacy, national traditions, liberal aspirations, and global ideals.

Changes in the value orientations of Kazakhstani society correlate with key political and economic events in the country during the period from 1995 to 2025. The rethinking of values and the formation of a new mental culture among Kazakhstanis reveal the prolonged nature of this process, its connection with experiences of social upheavals and adaptation to them, as well as the necessity of self-identification within the space of the global world. External and internal triggers of change contribute to the dynamic transition from a traditional subject-oriented civic culture to a culture of civic participation and activism.

Sociological measurements reconstruct the general features of civic self-identification that serve as markers of political mentality. They reproduce generalized portraits of Kazakhstanis as representatives of an emerging democratic culture based on the synthesis of traditional national values and democratic standards.

The conducted research correlates with the conclusion regarding the need to establish a balance between a strong state and a strong society under conditions of increasing “internal challenges and global stresses” [13].

The study is commensurate with the conclusions of foreign researchers that the reassessment of the historical past and attitudes toward it shape contemporary political values and national identities [14].

The findings of the Kazakhstani study resonate with discussions regarding the extent to which personality traits formed during the Soviet era, such as conformism, obedience, and limited capacity for independent choice, persist in contemporary societies and influence socio-political development. Kazakhstan, like other sovereign and post-Soviet states, faces “cultural wars” between traditionalists and progressives, which frequently unfold around issues of religion, social norms, and political behavior [15].

The conclusions concerning the necessity of fostering a culture of civic engagement among the population for the dynamic development of civil society are consonant with the research conducted by colleagues from KISI [16].

The results of this study correlate with findings obtained in other research projects, confirming the growth of political and civic engagement among the population, as well as a growing aspiration to search for a renewed identity.

Within the civic mentality of different social groups, a complex choice is emerging between new democratic (neoliberal) ideological narratives and nationally oriented approaches to political modernization. The reactivation of cultural codes and identity transformations under conditions of global turbulence reveals the problem of diverging interests among the actors involved in political reform.

The intensive public discussion of the text and conceptual foundations of the new Constitution of the Republic of Kazakhstan has become evidence of increased political culture, public awareness, and civic engagement. Constitutional reform is aimed at establishing a clear policy framework that prioritizes national interests while ensuring political stability, predictability, and the evolutionary and sustainable development of society. These intentions can be realized under conditions of achieving broad social consensus and an appropriate level of civic culture.

Thus, the results of the study receive reliable verification and possess heuristic value for application in scholarly thematic discourses.

Conclusion

Kazakhstan's course toward democratic transformation, alongside the development of an effective system of state institutions and a functioning market economy, presupposes, as a necessary condition, the existence and dynamic advancement of a civic culture and a corresponding political mentality.

The discussions surrounding the new Constitution of the Republic of Kazakhstan have demonstrated the level of political culture achieved in society, the specific features of civic participation, the influence of information and communication technologies on the value-based perception of the political process, and a growing aspiration toward consensus regarding unity and stability.

The value orientations of various social groups in Kazakhstan are undergoing significant transformation under the influence of globalization processes and the national policy of modernization. Civic identity is developing dynamically, and a positive trend toward the consolidation of national values is becoming increasingly evident.

Efforts aimed at shaping and influencing value-based mental orientations in Kazakhstani society should be continued and intensified within state institutions of education, science, culture, and public enlightenment. There is a need to elaborate a comprehensive methodological framework for state social policy focused on the formation, promotion, and consolidation of a modernization-oriented system of values.

At the present stage of political reform, the tasks of civil society development are more relevant than ever. This process encompasses not only the institutional organization and formation of civic structures; it is impossible without the emergence of democratic citizenship, in which civic self-determination and civic behavior constitute normative forms of constructive personal activity. This, in turn, predetermines the prioritization of cultivating a political culture adequate to the new societal condition as a central objective of state ideology.

Source of Research Funding

This research has been/was/is funded by the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant No. BR24993269 «Evolution and Transformation of Value Orientations in Kazakhstani Society During the Independence Period»)

References:

1. Cherniak et al. (2023). Positioning Post-Soviet Sociology in Global Sociology: Between the Global South and the Global North. Retrieved April 17, 2025, from https://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/91562/ssoar-stss-2023-cherniak_et_al-Positioning_Post-Soviet_Sociology_in_Global.pdf?sequence=1&isAllowed=y&lnkname=ssoar-stss-2023-cherniak_et_al-Positioning_Post-Soviet_Sociology_in_Global.pdf
2. Kudelia, S. (2012). Society as an actor in post-Soviet state-building. *Demokratizatsiya*, 20(2), 149. Retrieved February 7, 2026, from <https://link.gale.com/apps/doc/A295446374/AONE?u=anon~c66fb633&sid=googleScholar&xid=ec2fa154>
3. Blackburn, M., & Khlevnyuk, D. (2024). Escaping the long shadow of Homo Sovieticus. *Communist and Post-Communist Studies*, 57(1), 154–173. Retrieved April 17, 2025, from <https://online.ucpress.edu/cpcs/article/57/1/154/196160/Escaping-the-Long-Shadow-of-Homo>
4. Smolentseva, A. (2023). Thirty years of transformation in post-Soviet higher education: Outcomes and lessons. *International Higher Education*, (114), 30–32. Retrieved April 17, 2025, from <https://ejournals.bc.edu/index.php/ihe/article/view/16441>
5. Post-Soviet Legacies and Conflicting Values in Europe: Generation Why. (n.d.). Rowman & Littlefield. Retrieved April 17, 2025, from <https://rowman.com/ISBN/9781498531979/Post-Soviet-Legacies-and-Conflicting-Values-in-Europe-Generation-Why>
6. Rabdanova, Zh. B. Dinamika dukhovnykh tsennostei v postsovetском obshchestve [Dynamics of spiritual values in post-Soviet society]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya*. 2022. no. 3. pp. 56–61. URL: <https://sciup.org/vestnik-bsu> (Accessed: 17.04.2025).
7. Siddikov, S. A. U. Menyayushchiesya tsennosti postsovetsoi Rossii i faktory, stoyashchie za transformatsiei [Changing values of post-Soviet Russia and the factors behind the transformation]. *Kul'tura i priroda politicheskoi vlasti: teoriya i praktika: sbornik nauchnykh trudov. Ekaterinburg. URGPU*. 2023. pp. 351–356.
8. Havrylyshyn, O., Meng, X., & Tupy, M. L. (n.d.). 25 Years of Reforms in Ex-Communist Countries: Fast and Extensive Reforms Led to Higher Growth and More Political Freedom. Cato Institute. Retrieved April 17, 2025, from <https://www.cato.org/policy-analysis/25-years-reforms-ex-communist-countries-fast-extensive-reforms-led-higher-growth>
9. Pew Research Center. (2019). Political and economic changes since the fall of communism. Retrieved April 17, 2025, from <https://www.pewresearch.org/global/2019/10/14/political-and-economic-changes-since-the-fall-of-communism/>
10. Laitin, D. D. (n.d.). Post-Soviet politics. *Annual Review of Political Science*. Retrieved April 17, 2025, from <https://www.annualreviews.org/doi/pdf/10.1146/annurev.polisci.3.1.117>
11. Exploring Political Transition: Geopolitical Orientation and Civil Society in Post-Soviet Democratization. (n.d.). Leiden University Student Repository. Retrieved April 17, 2025, from <https://studenttheses.universiteitleiden.nl/access/item%3A3765573/view>
12. The Post-Soviet Transition: Constitutional Structuring and Political Reality (CIS Countries Case-Study). (2020). *SciELO México*. Retrieved April 17, 2025, from https://www.scielo.org.mx/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1405-91932020000100003
13. Tukumov, E. V. Budushchee Kazakhstan: «uzkii koridor» vozmozhnostei [The future of Kazakhstan: «a narrow corridor» of opportunities]. Astana. *Kazakhstanskii institut strategicheskikh issledovaniy pri Prezidente RK*. 2024. 372 p. ISBN 978-601-7476-30-4. URL: <https://kisi.kz/wp-content/uploads/2025/08/tukumovev-2024-budushchee-kazakhstan-4.pdf> (Accessed: 17.04.2025).
14. (n.d.). Thirty years of nation-building in the post-Soviet states. *Nationalities Papers*. Retrieved April 17, 2025, from <https://www.cambridge.org/core/>

journals/nationalities-papers/article/thirty-years-of-nationbuilding-in-the-postsoviet-states/60AC8A0F29CAB4C042ABDA07F4B5D0B4

15. Isaacs, R., Wheatley, J., & Whitmore, S. (2021). Culture wars in the post-Soviet space. *Europe-Asia Studies*. Retrieved April 17, 2025, from <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09668136.2021.1972581>
16. Zholdybalina, A., Yermakhanova, S., Akhantayeva, S. UNDERSTANDING CIVIL SOCIETY IN KAZAKHSTAN: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS. *Kogam&Deuir. Gylymi-saraptamalyq zhurnal*. 2025. no. 4 (88). <https://doi.org/10.52536/2788-5860.2025.88.4.005>

Материал поступил в редакцию 24.02.2026

Утвержден к публикации 19.03.2026

APPLIED ASPECTS OF MEDIATION IN THE POLITICAL PROCESS OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Rustem Bektrumov^{1*}

Bagysh Gabdulina²

^{1*} Doctoral student Political Science Department of L.N. Gumilyov Eurasian National University; Astana, Kazakhstan, e-mail: rkaz07@gmail.com

² Acting Associate Professor of the Department of Political Science of the L.N. Gumilyov Eurasian National University, PhD in Political Science; Astana, Kazakhstan, e-mail: bagish68@yandex.ru.

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2026.114.1.004>

Abstract. In the context of growing civic engagement, social sensitivity, and political polarization, mediation in the Republic of Kazakhstan is gaining particular importance not only as an alternative form of pre-trial dispute resolution but also as an instrument for institutionalizing public dialogue in politically sensitive contexts. The article analyzes the applied aspects of political mediation in Kazakhstan at three interrelated levels – local, institutional, and national. Special attention is paid to how local incidents – from everyday and ethnocultural disputes to cases of mistrust between the population and local authorities – can escalate into systemic crises in the absence of effective early-response mechanisms. It is argued that political mediation is not merely a conflict resolution procedure but an essential element of sustainable governance and political participation that contributes to reducing tensions, restoring communication, and enhancing the institutional legitimacy of governance. The study emphasizes the importance of a preventive approach, multilevel coordination, cultural sensitivity of mediative practices, and the inclusive involvement of all citizens – regardless of their ethnic, religious, or social background – in peaceful conflict resolution processes. The article concludes that strengthening the mediation infrastructure as a tool of resilience and democratization of public governance is a necessary precondition for long-term political stability.

Keywords: *mediation; political conflict; ethnomediation; conflict prevention; trust; public dialogue; interethnic relations; local self-government.*

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ САЯСИ ҮДЕРІСІНДЕГІ МЕДИАЦИЯНЫҢ ҚОЛДАНБАЛЫ АСПЕКТІЛЕРІ

Рустем Бектұмов^{1*}, Бағыш Габдулина²

^{1*} Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті саясаттану кафедрасының докторанты

² Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті саясаттану кафедрасының профессоры міндетін атқарушы, тарих ғылымдарының кандидаты

Аңдатпа. Азаматтық белсенділіктің артуы, қоғамның әлеуметтік сезімталдығы мен саяси поляризациясының күшеюі жағдайында медиация Қазақстан Республикасында тек сотқа дейінгі дауларды баламалы түрде шешудің құралы ғана емес, сонымен қатар саяси тұрғыдан сезімтал контекстерде қоғамдық диалогты институционалдандыру тетігі ретінде ерекше мәнге ие бола бастады. Мақалада Қазақстандағы саяси медиацияның қолданбалы аспектілері үш өзара байланысты деңгейде – жергілікті, институционалдық және ұлттық деңгейлерде – талданады. Арнайы назар жергілікті деңгейдегі жағдайларға аударылады: тұрмыстық және этномәдени даулардан бастап халық пен жергілікті билік арасындағы сенімсіздік жағдайларына дейінгі оқиғалардың тиімді ерте әрекет ету тетіктері болмаған жағдайда жүйелі дағдарыстарға ұласу қаупі көрсетіледі. Автор саяси медиацияны тек жанжалды шешудің рәсімі ретінде ғана емес, сонымен бірге әлеуметтік тұрақтылықты қамтамасыз етудің және азаматтардың саяси қатысуын кеңейтудің маңызды элементі ретінде қарастырады. Медиация қоғамдағы шиеленісті төмендетуге, коммуникацияны қалпына келтіруге және билік институттарының заңдылығын арттыруға ықпал ететін басқарудың орнықты тетігі ретінде сипатталады. Зерттеуде алдын алу тәсілінің маңыздылығы, көпдеңгейлі үйлестірудің қажеттілігі, медиативтік тәжірибелердің мәдени сезімталдығы және азаматтардың — олардың этникалық, діни немесе әлеуметтік тегіне қарамастан – бейбіт жолмен дауларды шешу үдерістеріне инклюзивті қатысуының маңызы атап өтіледі. Мақалада медиация инфрақұрылымын нығайту қоғамдық басқаруды демократияландыру мен әлеуметтік тұрақтылықты қамтамасыз етудің маңызды шарты болып табылатыны туралы қорытынды жасалады.

Түйін сөздер: медиация; саяси қақтығыс; этномедиация; қақтығыстардың алдын алу; сенім; қоғамдық диалог; этносаралық қатынастар; жергілікті өзін-өзі басқару.

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ МЕДИАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Рустем Бектұмов^{1*}, Бағыш Габдулина²

^{1*} Докторант кафедрасы политологии Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилёва

² И.о. профессора кафедрасы политологии Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилёва, кандидат исторических наук.

Аннотация. В условиях нарастающей гражданской активности, социальной восприимчивости и политической поляризации общества медиация в Республике Казахстан приобретает особое значение не только как альтернативная форма досудебного урегулирования, но и как инструмент институционализации общественного диалога в политически чувствительных контекстах. Статья посвящена анализу прикладных аспектов политической медиации в Казахстане на трёх взаимосвязанных уровнях: локальном, институциональном и национальном. Особое внимание уделяется тому, как локальные инциденты – от бытовых и этнокультурных споров до инцидентов недоверия между населением и органами власти – при отсутствии механизмов раннего реагирования могут эскалировать в системные кризисы. Аргументируется, что политическая медиация представляет собой не просто процедуру разрешения конфликтов, а элемент устойчивого управления и политического участия, способствующий снижению напряжённости, восстановлению коммуникации и повышению институциональной легитимности власти. В работе подчёркивается значимость превентивного подхода, межуровневой координации, культурной чувствительности медиативных практик, а также инклюзивного вовлечения всех граждан – вне зависимости от их этнической, конфессиональной или социальной принадлежности – в процессы мирного разрешения противоречий. Сделан вывод о необходимости системного укрепления инфраструктуры медиации как инструмента устойчивости и демократизации государственного управления.

Ключевые слова: медиация; политический конфликт; этномедиация; профилактика конфликтов; доверие; общественный диалог; межэтнические отношения; местное самоуправление.

Introduction

Kazakhstan's geographic position at the very heart of Eurasia has always shaped the complexity of its political and social landscape. The country lies between major geopolitical powers – Russia and China – and interacts dynamically with Central Asian states, Turkey, and the European Union. This position brings not only opportunities but also a constant need to balance diverse political, cultural, and economic influences. In recent years, as the international environment has become increasingly unpredictable, Kazakhstan's internal stability and ability to manage domestic differences have gained new strategic significance.

The evolution of civic activity, the diversification of social interests, and the rise of public awareness have led to a growing demand for dialogue between citizens and institutions of power. Traditional administrative mechanisms, designed for a more centralized governance model, often prove insufficient for addressing the new forms of social tension that emerge in digital spaces and multicultural communities. In this context, mediation – originally a legal tool for resolving private disputes – has begun to play a broader political role. It offers a way to transform confrontation into communication, to reduce distrust, and to create new channels for civic participation within an evolving political system.

For Kazakhstan, mediation represents not only a method of conflict prevention but also a pathway toward political modernization. The ability of the state to listen, adapt,

and institutionalize public dialogue is becoming an indicator of long-term resilience. In a society marked by ethnic and confessional diversity, mediation contributes to strengthening civic identity, promoting mutual understanding, and maintaining the balance between stability and democratic openness. Seen in this light, the study of mediation in Kazakhstan is not limited to the legal or sociological dimension – it touches upon the core question of how dialogue can become an instrument of governance and a source of social trust in a transforming society.

The purpose of the study is to identify, systematize, and analytically interpret the applied aspects of mediation within the political process of the Republic of Kazakhstan, taking into account the regional context and practical experience in resolving socio-political and ethnoconfessional conflicts.

The object of the research is the political process in the Republic of Kazakhstan, within which socio-political and ethnoconfessional conflicts emerge, evolve, and are resolved through the participation of various actors – the state, civil society, local communities, and informal leaders.

The subject of the study comprises the applied aspects of mediation as a conflict resolution tool within the political process, including mechanisms of interaction between mediators and conflict participants, the specificity of regional practices, the role of informal mediators, and the institutional and cultural context of Kazakhstan.

Research Methods

To explore the applied aspects of mediation within the political process of the Republic of Kazakhstan, this study employed a qualitative methodological approach combining empirical observation with theoretical analysis. The study relied on the following research methods.

1. Case Study

The case study method was applied to provide an in-depth examination of three situations reflecting different levels of politically contextualized conflicts in Kazakhstan. This approach made it possible to identify the specific features of mediation practices in the context of socio-political transformations and to assess the effectiveness of interventions by both formal and informal actors.

The following cases were analyzed within the framework of the study:

– Local level: the ethnopolitical conflict in the village of Pidzhim (Zhetysu Region, 2021), which illustrates the transformation of an everyday incident into an interethnic confrontation with the potential for escalation;

– Institutional level: social and everyday conflicts and the role of informal mediators – a generalized case based on field observations collected by the researcher in various regions of Kazakhstan during 2021–2024, demonstrating the importance of local entrepreneurs and community leaders as intermediaries between citizens and local authorities;

– National level: an analysis of social crises and protest movements in Kazakhstan as indicators of accumulated unresolved contradictions and the lack of effective mechanisms for early warning and political mediation.

2. Event Analysis

The event analysis method occupied a central role in the research. It was used to reconstruct the chronology of conflict development and identify trigger events that initiated escalation processes. This approach made it possible to trace the dynamics of the transformation of a local everyday incident into an interethnic conflict and

to determine key points of tension in institutional cases related to social problems and the crisis of trust in local authorities. Event analysis provided insights into how timely intervention by mediators and public institutions can alter the trajectory of conflict development and prevent its escalation into a large-scale crisis.

3. Expert Interviews

Interviews were conducted with representatives of local akimats (municipal administrations), ethnocultural associations, law enforcement agencies, NGOs, and direct participants of conflicts (under conditions of anonymity). The purpose of the interviews was to assess the perception of mediation as an instrument of de-escalation and to evaluate the effectiveness of the mediation practices applied.

4. Content Analysis of Normative and Media Sources

Official documents (Kazakhstan's legislation, governmental statements) as well as media publications were analyzed to compare public and expert interpretations of conflicts and mediation processes.

Main Body

1. Theoretical Foundations: Mediation as a Mechanism of Political Dialogue

In modern political systems, where societies are becoming more complex and diverse, traditional forms of governance increasingly face the challenge of addressing conflict without resorting to coercion. Kazakhstan, like many other post-Soviet states, is undergoing a gradual transformation from hierarchical administrative control toward more participatory and communicative forms of political management. In this process, mediation emerges as a key mechanism that connects the logic of governance with the logic of dialogue – turning confrontation into cooperation and disagreement into shared understanding [1].

The theoretical basis for understanding mediation as a political tool is rooted in several interrelated disciplines – conflict studies, political psychology, sociology, and international relations. One of the pioneers of modern conflict resolution, John Burton, proposed the Human Needs Theory, which argues that lasting peace is possible only when the basic human needs of the parties involved – identity, recognition, participation, security, and autonomy – are acknowledged and fulfilled. Burton's ideas were especially important for understanding conflicts in multicultural and multiethnic societies, where disputes are rarely about material interests alone [2]. Instead, they reflect deeper struggles over dignity, belonging, and the right to self-expression.

Another influential contribution came from I. William Zartman, who developed the Ripeness Theory [3]. Zartman argued that conflicts can only be effectively resolved when both sides reach a “mutually hurting stalemate” – a moment when the costs of continuing confrontation outweigh the potential benefits. For mediators, this stage represents a critical window of opportunity to transform hostility into dialogue. In the context of Kazakhstan, this concept helps explain why early engagement in emerging conflicts, before tensions become entrenched, is essential for sustainable peacebuilding.

Equally significant is the institutional approach to mediation developed by Jacob Bercovitch, who emphasized the importance of legitimacy, neutrality, and procedural transparency in third-party intervention [4]. According to Bercovitch, mediation succeeds when all sides trust the mediator's intentions and perceive the process as fair and predictable. His model is particularly relevant for societies in

transition, where public institutions still compete for legitimacy and where informal mediators often play a bridging role between communities and the state.

The practical dimension of political mediation was further enriched by the Harvard School of Negotiation, notably by Roger Fisher and William Ury, who introduced the principled negotiation model [5]. Their framework shifted attention from rigid positions to underlying interests, encouraging the search for solutions that create mutual gains rather than compromise through pressure. This approach laid the foundation for modern forms of political dialogue and consensus-building processes that aim to balance competing interests without zero-sum outcomes.

At the same time, John Paul Lederach proposed a transformative vision of mediation that goes beyond short-term settlements [6]. In his Conflict Transformation Theory, he argues that genuine peace requires a reconfiguration of relationships, social structures, and narratives of identity. From this perspective, mediation is not simply a method for ending disputes, but a process that fosters societal healing, redefines power relations, and integrates marginalized voices into the political discourse. This view resonates strongly with the Kazakhstani context, where building inclusive institutions and preventing social fragmentation remain key national priorities.

Complementing these approaches is the deliberative theory of democracy developed by Jürgen Habermas and John Dryzek. Both scholars viewed legitimate governance as emerging from rational, inclusive, and transparent public discussion rather than from hierarchical decision-making alone. Habermas emphasized the role of communicative rationality – the idea that social consensus can be achieved through open and reasoned dialogue among equal participants [7]. Dryzek extended this idea by stressing the need to include non-elite and marginalized perspectives in the democratic conversation [8]. Together, their works underline the democratic and ethical foundations of political mediation: it institutionalizes dialogue, equalizes access to participation, and transforms public discourse into a space of shared meaning and trust.

International experience clearly demonstrates that even the most advanced mediation systems function effectively only when grounded in transparent institutional procedures, a high standard of mediator professionalism, and broad participation from all parties involved. Equally essential is the sustained support of both state institutions and civil society, without which mediation remains a purely declarative mechanism. The true measure of mediation's success lies in the degree of public confidence it inspires and in the perception of its outcomes as fair, impartial, and legitimate. Empirical evidence drawn from the practices of the United Nations and civic dialogue platforms across Scandinavia, South Africa, and Canada shows that mediation becomes a stable and respected instrument of political governance only when these structural and ethical prerequisites are firmly in place [9].

In Kazakhstan, this dynamic acquires a distinctive character shaped by the country's historical and sociopolitical context. As a multiethnic and multiconfessional society that still carries elements of the Soviet administrative tradition and a pronounced centralization of decision-making, Kazakhstan continues to face limitations in civic participation and grassroots policy engagement. Nevertheless, the country has already developed an institutional and cultural groundwork capable of supporting the evolution of its own nationally adapted model of political mediation. This foundation includes the accumulated experience of ethnomediators,

the activities of public councils, the functioning of reconciliation commissions at the local level, and a growing system of preventive field initiatives designed to address emerging disputes before they escalate [10].

The construction of a national framework for political mediation in Kazakhstan should not depend on the mechanical adoption of foreign models but on the gradual formation of a hybrid paradigm that unites international best practices with indigenous approaches to conflict resolution. Western methodologies – such as facilitated dialogue, restorative justice, and interest-based negotiation – can serve as procedural benchmarks, while the local dimension must draw from traditional Kazakh forms of consensus-building [11]. These include the moral authority of aksakals (elders), the influence of informal community leaders, and long-standing conciliatory customs embedded within rural and urban communities alike. Within this hybrid structure, the competence of mediators extends beyond technical expertise to encompass sociocultural intelligence – a deep understanding of regional contexts, linguistic diversity, and the value systems that shape local interactions.

Ultimately, political mediation in Kazakhstan should be viewed not merely as a conflict-resolution instrument but as a strategic resource for strengthening state institutions, advancing democracy, modernizing political culture, and building durable trust between citizens and the government. These considerations call for further analysis of how these theoretical premises and challenges manifest in practice, and what applied mechanisms can ensure the sustainable development of mediation within Kazakhstan's political process.

2. Applied Cases of Political Mediation in Kazakhstan

The practical study of mediation in Kazakhstan's political and social environment reveals a complex system of interactions between formal institutions, informal actors, and local communities. Based on empirical data and field observations collected between 2021 and 2024, this section identifies three analytical levels at which conflicts most often emerge and are addressed: local, institutional, and national. Each of these levels reflects distinct causes, actors, and dynamics of escalation, but they all demonstrate one common principle — that effective communication and timely mediation can prevent the transformation of manageable disputes into crises of national magnitude.

2.1 Local Level: The Ethnopolitical Incident in Pidzhim Village (Zhetysu Region, 2021)

The incident that took place on October 30, 2021, in the village of Pidzhim, Panfilov District, Zhetysu Region, remains one of the most illustrative examples of how a minor local misunderstanding can escalate into a perceived ethnopolitical conflict. What began as a routine disagreement between schoolchildren quickly evolved into a confrontation interpreted through an ethnic lens. In the multiethnic context of the region, the rapid spread of emotionally charged videos and comments across social media platforms amplified the situation, framing it as a clash between representatives of the Kazakh and Uyghur communities [12].

Although the origins of the conflict were everyday and interpersonal, the digital circulation of partial and sensationalized information magnified the tension, creating a perception of group antagonism that extended far beyond the immediate locality. This case vividly demonstrates how information environments and social media dynamics can either escalate or de-escalate interethnic tensions. The speed and emotional tone of online communication made it difficult to separate fact from

interpretation, underscoring the need for both rapid institutional response and sensitive mediation efforts.

In the post-conflict period (2023–2024), the author personally participated in fieldwork in Pidzhim as an ethnomediator, focusing on post-crisis communication and preventive dialogue. A series of meetings and informal discussions were conducted with students, parents, teachers, representatives of local authorities, and members of ethnocultural associations. The aim was to restore mutual trust, reinforce social stability, and ensure that similar tensions would not re-emerge. Maintaining regular contact with community leaders and local institutions helped to create a sense of shared responsibility for sustaining interethnic harmony and to strengthen local resilience.

One of the most noteworthy outcomes of this experience was the pilot introduction of the function informally referred to as a “legal manager” in schools with a mixed ethnic composition. While not a formalized or legally recognized position, the initiative served as an experimental mechanism for preventing school-related and interethnic disputes. The legal manager provided consultations to students and their families on legal and social issues, mediated minor disputes, and acted as a bridge between pupils, parents, and teachers. The approach was particularly effective in supporting vulnerable families and promoting a culture of dialogue within the educational environment.

An integral part of these activities involved organizing joint cultural and sports events, such as football tournaments held annually with the participation of students and their parents from different ethnic groups. Teams were deliberately formed on an integrative basis, without regard to ethnic background, fostering an atmosphere of cooperation, empathy, and mutual respect. These initiatives contributed not only to improving interethnic relations within the school community but also to strengthening family bonds and enhancing communication between generations through shared participation in collective activities [13].

The Pidzhim case thus illustrates the dual nature of mediation — as both a reactive tool for managing crisis situations and a proactive instrument for preventing their recurrence. It also highlights the critical importance of community-based initiatives, local leadership, and trust-building efforts, all of which form the foundation for sustainable interethnic coexistence in Kazakhstan’s rural regions [14].

2.2 Institutional Level: Socio-Economic Conflicts and Informal Mediators (Field Data, 2021–2024)

Field research conducted across multiple regions of Kazakhstan between 2021 and 2024 has shown that the majority of conflicts at the local and regional levels are not primarily political or ethnic in nature. Instead, they stem from socio-economic and infrastructural disparities that shape people’s daily lives. Common grievances expressed during interviews included dissatisfaction with the quality of healthcare services in rural districts, the shortage of qualified teachers and outdated educational resources, limited access to agricultural subsidies and state support programs.

Residents often emphasized their inability to influence decision-making processes or to access information on how state resources are distributed. These frustrations reflect a deeper structural problem – the weak feedback mechanisms between local authorities and citizens. This communication gap contributes to a

perception of institutional distance and fuels skepticism toward official decision-making.

In this context, local entrepreneurs and informal leaders play an increasingly visible role as intermediaries between the community and the state. Their authority and trust capital enable them to mediate disputes, facilitate dialogue with local administrations, and even mobilize collective efforts for social support. Many of them assist low-income families, provide employment, or help resolve administrative issues through negotiation and persuasion rather than confrontation.

This pattern aligns closely with Robert Putnam's theory of social capital, which links community stability to networks of trust, civic engagement, and collective participation. Societies with strong horizontal ties, according to Putnam, are more resilient to conflict and more capable of self-organization [15]. Likewise, Seymour Martin Lipset's concept of local legitimacy suggests that governance is most effective when it is anchored in socially recognized authority – figures whose credibility derives not from formal status but from moral and communal standing [16].

In Kazakhstan's rural and semi-urban contexts, these theoretical insights find practical resonance. Informal mediation by respected local figures often compensates for the limitations of bureaucratic institutions and contributes to maintaining stability. This points to the need for a more structured inclusion of such actors in formal mechanisms of local mediation and self-governance. Establishing advisory councils at district administrations (akimats), involving business leaders in civic forums, and strengthening partnerships with NGOs could further enhance community participation and reduce tension in local governance.

These experiences show that mediation is not confined to formal procedures or state-led initiatives. It also operates through trust-based relationships that reflect the local culture of solidarity and mutual assistance – a feature deeply embedded in Kazakhstan's social traditions.

2.3 National Level: Social Crises and Protest Movements

The experience of the past decade demonstrates that unresolved local and institutional conflicts tend to accumulate over time, eventually manifesting as large-scale social crises. These crises do not emerge suddenly; rather, they evolve from the persistent absence of dialogue, transparency, and responsiveness within governance systems. When local grievances remain unheard or unaddressed, they converge into broader narratives of social injustice and inequality, creating fertile ground for mass protest movements. Recent studies demonstrate that the institution of mediation can function as an important instrument of preventive policy in the regulation of interethnic conflicts and in reducing the conflict potential within society [17]

Empirical data gathered from expert interviews and regional fieldwork (2021–2024) confirm that such grievances often stem from structural factors: limited participation of citizens in decision-making, unequal access to state support, non-transparent administrative processes, and a generalized sense of distrust toward institutions. These tendencies can be observed across different regions – from rural areas to large urban centers – revealing that systemic communication barriers, rather than ideology, are the primary drivers of social discontent.

Mediation, in this broader sense, becomes a preventive instrument of national stability. Its function is not limited to resolving individual disputes but extends

to institutionalizing feedback loops between citizens and the state. Through structured dialogue, consultations, and participatory platforms, mediation can transform spontaneous expressions of discontent into constructive engagement. Moreover, the emergence of digital media as a dominant communication arena creates both new challenges and opportunities. While social networks can amplify misinformation and escalate tensions, they can also serve as spaces for dialogue and public awareness – provided that mediators and civic leaders are trained to navigate these environments responsibly.

In the aftermath of large social crises, Kazakhstan's experience shows that mediation can serve as a bridge between post-conflict stabilization and long-term governance reform. Ethnomediators, ombudspersons, and civil society organizations have played significant roles in restoring communication, assisting in community outreach, and facilitating dialogue between citizens and local authorities. These efforts highlight the potential of mediation to evolve into a strategic component of the country's political architecture – one that combines early warning, trust restoration, and institutional adaptability.

Ultimately, the Kazakhstani case demonstrates that political mediation must be embedded across all levels of governance – from village councils to national ministries – and supported by clear legal frameworks, professional training, and sustainable resources. Only under these conditions can mediation contribute to building a resilient, participatory, and inclusive society capable of responding to the challenges of modernization and geopolitical uncertainty.

3. Challenges of Implementing Mediation in the Political Context of Kazakhstan

Despite Kazakhstan's institutional progress in promoting mediation – including the adoption of the Law on Mediation (2011), the establishment of professional associations, and the expansion of ethnoconfessional mediation practices – the effective integration of mediation into the political sphere remains constrained by a series of systemic and cultural barriers [18]. These challenges extend far beyond legislation or institutional design; they concern the sociopolitical environment itself – the levels of civic trust, administrative openness, and societal readiness for genuine, dialogic conflict resolution [19]. Since 2023, ethnomediators in Kazakhstan have helped resolve about 15,000 dispute situations, which clearly demonstrates the significant potential of mediation mechanisms in the prevention of social and interethnic contradictions and confirms their practical effectiveness in maintaining social stability [10].

A persistent deficit of public trust continues to be one of the principal obstacles to mediation's development. Among citizens, mediation is often perceived as a symbolic or decorative process that lacks real influence over decision-making. Many people question the neutrality of mediators, viewing them as either state-appointed figures or individuals without the authority to resolve issues of political sensitivity. This skepticism is deepened by the scarcity of publicly visible success stories that could demonstrate mediation's practical value in socially or politically charged conflicts.

The attitude within government circles is similarly cautious. For many officials accustomed to hierarchical decision-making, mediation appears as a mechanism that might dilute administrative control or embolden public activism. These anxieties tend to intensify in situations involving questions of social justice,

distribution of resources, ethnic identity, or procedural legitimacy. As a result, mediation is often tolerated as a supplemental activity rather than embraced as a legitimate governance instrument – a mindset that limits its institutionalization and erodes public confidence.

Another dimension of the problem lies in the low level of legal and political culture across large segments of the population. In many regions, citizens remain insufficiently informed about what mediation is, how it operates, and what outcomes it can realistically achieve. The absence of systematic public education and outreach on conflict-resolution mechanisms has produced a gap between the normative ideals of participatory governance and the everyday practices of local communities. Without visible role models or success cases, mediation continues to appear abstract and distant – a legal term rather than a lived experience.

A particularly acute institutional gap concerns the absence of an independent framework for political mediation. Existing mediation centers in Kazakhstan predominantly focus on private-law disputes – family, labor, and property issues – and typically operate within judicial or quasi-governmental structures. While these arrangements are functional for civil cases, they are poorly suited to the demands of political or ethnosocial mediation, where neutrality and public trust are paramount. As a result, mediation initiatives often remain administratively dependent, lacking the procedural safeguards and autonomous mandates necessary to handle politically sensitive matters in accordance with international standards. Establishing a distinct institutional model for political mediation – endowed with independence, clear ethical norms, and transparent procedures – would represent a critical step toward consolidating this practice as part of Kazakhstan's governance architecture.

The shortage of qualified professionals compounds the institutional weakness. Training programs for mediators working in political contexts remain sporadic, fragmented, and largely introductory. Most courses emphasize interpersonal negotiation techniques and emotional intelligence, while neglecting essential competencies such as political conflict analysis, ethno-political psychology, public facilitation, or the ethics of third-party neutrality. Academic programs in conflict studies are still rare, and opportunities for mentoring, advanced certification, and international exchange are limited. Consequently, the professional field lacks continuity and specialization, impeding the emergence of a robust community of experts capable of mediating high-stakes political and social disputes.

An additional constraint is the underdeveloped digital infrastructure for mediation, which has become increasingly significant in an era when social conflicts often originate and unfold online. Kazakhstan currently lacks fully functional digital platforms that would allow citizens to seek mediation, submit grievances, or follow the progress of conflict-resolution processes transparently and securely. Initiatives such as e-otinish.kz are important steps toward digital communication between citizens and government but remain administrative rather than deliberative in nature. Their bureaucratic design, limited interactivity, and low engagement levels prevent them from becoming genuine platforms for dialogue or conflict prevention.

At the same time, the expanding influence of social media adds a new layer of complexity to the mediation landscape. Digital platforms have become arenas where emotions, perceptions, and grievances circulate and multiply far more

rapidly than institutions can respond. Minor disputes – from school altercations to local administrative misunderstandings – can be reframed as symbols of systemic injustice, gaining traction through emotionally charged posts, videos, and commentary. In such a media environment, conflicts are no longer defined solely by facts but by how they are interpreted, narrated, and amplified. This dynamic often results in fragmented understanding, heightened polarization, and accelerated radicalization of public opinion, particularly among younger, urban, and digitally active populations.

The cumulative effect of these challenges is that disputes which could be peacefully resolved at the local level frequently escalate into broader political turbulence. Mediation, in this context, becomes not merely a procedural tool but a mechanism of political stabilization and communication management. To fulfill this role, Kazakhstan must respond with a comprehensive strategy addressing the intertwined issues of trust, professionalization, institutionalization, and digital transformation.

Such a strategy would entail cultivating a digital culture of mediation – training mediators to operate effectively in online environments, engaging journalists and social media influencers in promoting constructive discourse, and developing tools for early warning and moderation of digital conflicts. It would also require embedding mediation within the country's broader framework of participatory governance, ensuring that dialogue and cooperation, rather than administrative command, become the norm of interaction between the state and its citizens. Only through such systemic integration can mediation evolve from a symbolic practice into a genuine foundation of Kazakhstan's social stability and political modernization.

4. Prospects for the Development of Mediation

The further development of political mediation in the Republic of Kazakhstan presupposes a transition from predominantly reactive conflict resolution mechanisms to a systematic and preventive model of managing social contradictions. Such a model should be based on a combination of institutional support, educational initiatives and the expansion of public dialogue practices. In the context of the increasing complexity of the social structure of society, the growth of civic engagement and the increasing influence of the digital environment, mediation can be considered as an important element of sustainable management, allowing not only to respond to emerging conflicts, but also to prevent them at an early stage.

One of the key areas for the development of mediation practices is the formation of a sustainable culture of dialogue and peaceful dispute resolution. In this regard, the educational policy of the state is of particular importance. The inclusion of training courses in conflictology, interethnic communication, political psychology, and mediation in secondary and higher education programs can form the skills of constructive interaction, tolerance, and legal responsibility among the younger generation. Such educational initiatives make it possible to form a deliberative culture in which conflict is perceived not as a threat to social stability, but as a natural element of social interaction that requires institutionally designed regulatory mechanisms. International experience shows that in countries with a multiethnic structure of society, such as Canada, Switzerland, Malaysia, and Singapore, educational programs on intercultural interaction and mediation play a significant role in reducing conflict potential and strengthening civic identity.

Along with educational initiatives, an important area of mediation development is the support of cultural and social practices aimed at strengthening interethnic interaction. Inclusive projects, in which representatives of various ethnic groups participate in joint cultural, educational and social events, contribute to the formation of a positive social agenda and strengthen horizontal ties in society. Such formats of interaction make it possible to gradually overcome the "us–them" dichotomy, forming an idea of Kazakhstan as a common civil space, where ethnic and cultural diversity is considered not as a source of risk, but as a resource for social development.

Initiatives of ethno-cultural associations demonstrate significant potential in the development of mediation practices. In various regions of Kazakhstan, representatives of national communities – Uzbek, Tatar, Dungan and others – organize interethnic meetings, cultural and educational events, dialogue platforms and discussion clubs with the participation of youth, community activists and representatives of local authorities. According to the analytical materials of the Assembly of People of Kazakhstan, the activities of ethno-cultural associations are aimed at strengthening interethnic harmony, developing public dialogue and preventing potential conflict situations in a multiethnic society [20]. Such initiatives help to strengthen inter-group trust, create a space for open dialogue and allow identifying possible sources of social tension at an early stage.

The further development of mediation in Kazakhstan requires not only cultural and educational initiatives, but also consistent institutionalization of mediation practices. One of the promising areas may be the formation of a multi-level system of political mediation integrated into the mechanisms of public administration and public dialogue. At the local level, it is advisable to develop consultative and mediation platforms at the akimats of rural districts, districts and cities, which could perform the functions of early detection of conflict situations, organization of dialogue meetings between the population and government representatives, as well as mediation in resolving social and ethnic contradictions.

At the regional level, a possible development direction is the creation of public mediation centers based on public councils or regional public platforms. Such structures could bring together professional mediators, representatives of the academic community, leaders of ethnic and cultural associations, and experts from the non-governmental sector. Their activities could include expert analysis of conflict situations, conducting public consultations and developing recommendations for authorities on the prevention of socio-political contradictions.

At the national level, the formation of an independent political mediation structure, such as the national mediation center, seems promising. Such an organization could perform the functions of methodological coordination of mediation activities, training and advanced training of mediators, monitoring conflict processes and developing mechanisms for early warning of social crises.

The comprehensive development of these areas would make it possible to form a stable system of political mediation, focused not only on resolving existing conflicts, but also on preventing them. In the long term, such an institutional model can contribute to strengthening public dialogue, increasing the level of trust between society and the state, as well as creating a culture of constructive interaction in the political sphere. The proposed three-level model of institutionalization political mediation (local, regional and national levels) makes it possible to integrate

mediation practices into the system of public administration and public dialogue.

Conclusion

In contemporary political processes, mediation extends far beyond the narrow task of resolving disputes; it functions as a strategic instrument for transforming socio-political dynamics, institutionalizing dialogue, and strengthening trust between the state and society. In Kazakhstan – a country characterized by its multiethnic composition, growing civic engagement, and the increasing influence of digital environments on public discourse—mediation assumes particular strategic importance.

The analysis of applied cases demonstrates that local and institutional conflicts, if left unattended and unaddressed in a timely manner, can escalate into full-scale national crises. Consequently, mediation should be regarded not as a reactive instrument but as a structural element of the country's resilience architecture – a preventive mechanism within the broader framework of socio-political security. Mediation is thus called upon not only to resolve existing contradictions but also to reduce the risk of escalation through preventive engagement, the cultivation of dialogue culture, and the creation of inclusive participatory channels.

Realizing this potential requires the institutionalization of mediation across all levels of governance – from rural districts to central government bodies. Furthermore, the creation of an independent institution of political mediation with clearly defined mandates, professional standards, and systems of training and certification for specialists is imperative. Developing digital infrastructure for mediation, enhancing media literacy, and promoting a culture of constructive interaction in the digital sphere are equally critical.

At the same time, cultural and educational integration must accompany institutional reforms. Incorporating courses and modules on conflict resolution, interethnic relations, and nonviolent communication into the education system, as well as supporting local initiatives that engage representatives of different ethnic and social groups in joint projects, can greatly enhance social cohesion.

Political mediation in Kazakhstan should become an integral component of the national strategy for ensuring stability, modernizing political culture, and strengthening national unity. The success of this process will largely depend on the coordinated efforts of the state, academia, civil society, and the citizens themselves, united by the goal of building a just, inclusive, and peaceful future for the country.

References:

1. Uregulirovanie sporov putem mediatsii [Dispute Resolution Through Mediation]. eGov.kz. URL: <https://egov.kz/cms/ru/articles/mediation>.
2. Burton J. (ed.) Conflict: Human Needs Theory (The Conflict Series). London: Palgrave Macmillan, 1993. 408 p.
3. Zartman I. W. Ripeness: The Hurting Stalemate and Beyond. In: Stern P. C., Druckman D. (eds.) International Conflict Resolution After the Cold War. Washington, D.C.: National Academies Press, 2000, pp. 225–250. DOI:

- <https://doi.org/10.17226/9897>.
4. Bercovitch J., Jackson R. Conflict Resolution in the Twenty-First Century: Principles, Methods, and Approaches. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2009. 280 p. URL: <https://www.jstor.org/stable/10.3998/mpub.106467>.
 5. Ury, W., Fisher, R. Getting to Yes: Negotiating Agreement Without Giving In. –New York: Penguin Books, 2011. — 240 p.
 6. Lederach J. P. The Little Book of Conflict Transformation. Intercourse, PA: Good Books, 2003. 70 p.
 7. Habermas J. Teoriya kommunikativnoy deyatelnosti [The Theory of Communicative Action]. Trans. by A. K. Sudakov. Moscow: Ves' Mir Publ., 2022. 880 p. ISBN 978-5-7777-0856-4. URL:https://www.vesmirbooks.ru/catalog/filosofiya/teoriya_kommunikativnoy_deyatelnosti/.
 8. Dryzek J. S. Deliberative Democracy and Beyond: Liberals, Critics, Contestations. Oxford: Oxford University Press, 2000. 212 p. URL: <https://global.oup.com/academic/product/deliberative-democracy-and-beyond-9780199250431>.
 9. Shurenkova S. S. Perspektivy i znachenie mediatsii v mezhdunarodnoy sfere v ramkakh OON [Prospects and Significance of Mediation in the International Sphere within the Framework of the UN]. Zakon.ru, 02.07.2021. URL: https://zakon.ru/blog/2021/07/02/perspektivy_i_znachenie_mediatsii_v_mezhdunarodnoj_sfere_v_ramkah_oon.
 10. Leonova V., Islamuly T., Dosaliev R. Etnomediatory Kazakhstana reshili 15 tysyach sporov [Ethnomediators of Kazakhstan Have Resolved 15 Thousand Disputes]. 24.kz, 05.08.2025. URL: <https://24.kz/ru/news/social/723106-etnomediatory-kazakhstana-reshili-15-tysyach-sporov>.
 11. Ismukhanova G. Development of the Institution of Ethnomediation in Kazakhstan: Problems and Prospects // Journal of Philosophy, Culture and Political Science. – 2023. – Vol. 85, No. 3. – DOI: <https://doi.org/10.26577/jpcp.2023.v.85.i3.06>.
 12. Mamashuly A. Pidzhim glazami reportera: “Situatsiya, kotoraya voznikla ne vchera,” politsiya, kotoraya “ne smogla,”. Azattyq, 30.10.2021. URL: <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-pidzhim-after-the-conflict/31536789.html>
 13. Bulanova L.V. Sovmestnye zanyatiya sportom detey i roditeley [Joint Sports Activities of Children and Parents]. NSPortal.ru, 14.09.2023. URL:<https://nsportal.ru/detskiy-sad/fizkultura/2023/09/14/sovmestnye-zanyatiya-sportom-detey-i-roditeley>
 14. Dronzina T. Social mediation as a tool of peace and consent at community level // Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Historical Sciences. Philosophy. Religious Studies Series. – 2024. – Vol. 148, No. 3. – P. 195–207. – DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2024-148-3-195-207>.
 15. Putnam R.D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon & Schuster, 2000. 544 p. URL: <https://www.simonandschuster.com/books/Bowling-Alone/Robert-D-Putnam/9780743203043>.
 16. Lipset S. M. Nekotorye sotsialnye predposylki demokratii: ekonomicheskoe razvitiye i politicheskaya legitimnost [Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy]. American Political Science Review, 1959, vol. 53, no. 1, pp. 69–105. DOI: <https://doi.org/10.2307/1951731>.
 17. Kumysbekov A. K., Dronzina T. A., Ayaganova A. A. The potential of the institution of mediation in the implementation of preventive policy for the settlement of interethnic conflicts // Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series. – 2025. – No. 4 (153). – DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-6887-2025-153-4-59-69>.
 18. Zakon Respubliki Kazakhstan ot 28 yanvarya 2011 goda № 401-IV “O mediatsii” [Law of the Republic of Kazakhstan No. 401-IV of January 28, 2011 “On Mediation”] (as amended as of 01.01.2024). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000401>
 19. Klimkin S. I., Kazbayeva A. G. Legal Regulation of Mediation in the Republic of Kazakhstan // Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. – 2023. – No. 2 (73). – P. 183–192.
 20. Etnokulturnye obedineniya Assamblei naroda Kazakhstana: analiticheskaya spravka o deyatelnosti [Ethnocultural Associations of the Assembly of People of Kazakhstan: Analytical Overview]. Assembly.kz, 2023. URL: <https://>

assembly.kz/ru/struktury-ank/etnokulturnye-obedineniya/respublikanskie-eko/analiticheskaya-spravka-o-deyatelnosti-etnokulturnykh-obedineniy-assamblei-naroda-kazakhstana/.

Материал поступил в редакцию 05.11.2025
Утвержден к публикации 19.03.2026

DEVELOPMENT OF GENDER EQUALITY IN KAZAKHSTAN: THE ANALYSIS OF POLICY DOCUMENTS

Zhazira Iskindirova¹

Yelena Nechayeva²

Alua Zholdybalina³

Dina Aikenova^{4*}

¹ Doctoral student of Political Science, L.N. Gumilyov Eurasian National University; Astana, Kazakhstan, e-mail: zhazira.iskindirova@gmail.com, ORCID: 0000-0002-5860-518X

² Professor of Political Science Department, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Candidate of Political Science; Astana, Kazakhstan, e-mail: elenech@inbox.ru, ORCID: 0000-0002-2873-057X

³ Deputy Director of the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, PhD; Astana, Kazakhstan, e-mail: zholdybalina@kisi.kz, ORCID: 0009-0000-4435-1820

^{4*} Director of the Institute «ID-zertteu», PhD; Astana, Kazakhstan, e-mail: aikenova.dina@gmail.com, ORCID: 0000-0002-5341-5379

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2026.114.1.005>

Abstract. This article analyses the development of gender policy in Kazakhstan, with a focus on two key policy frameworks: Strategy for Gender Equality in the Republic of Kazakhstan for 2006-2016 and the Concept of Family and Gender Policy in the Republic of Kazakhstan until 2030 (2016 – present). These documents define the main directions that have shaped Kazakhstan’s gender policy over the past two decades. The study critically evaluates both frameworks, highlighting their achievements and limitations. It first assesses outcomes associated with the Strategy for Gender Equality and then examines the implementation of the current policy to clarify ongoing priorities and initiatives. The research draws on document analysis and statistical data. It also considers the effects of gender policy across multiple sectors, with particular attention to women’s representation in leadership positions.

Keywords: *gender policy, gender equality, female leadership, public policy.*

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ГЕНДЕРЛІК ТЕНДІКТІ ДАМУ: САЯСИ ҚҰЖАТТАРДЫ ТАЛДАУ

Жазира Искиндинова¹, Елена Нечаева², Алуа Жолдыбалина³, Дина Айкенова^{4*}

¹Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті саясаттану кафедрасының докторанты

²Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті саясаттану кафедрасының профессоры, саясаттану ғылымдарының кандидаты

³ҚР Президенті жанындағы Қазақстанның стратегиялық зерттеулер институты директорының орынбасары, PhD

^{4*}«ID-zertteu» ЖШС директоры, PhD.

Аңдатпа. Бұл мақалада екі негізгі саяси құжатқа: Қазақстан Республикасында 2006-2016 жылдарға арналған гендерлік теңдік стратегиясы және Қазақстан Республикасындағы 2030 жылға дейінгі отбасылық және гендерлік саясат тұжырымдамасына (2016 - осы уақытқа дейін) баса назар аударып, Қазақстандағы гендерлік саясаттың дамуы талданады. Бұл құжаттар соңғы екі онжылдықта Қазақстанның гендерлік саясатын қалыптастырған негізгі бағыттарды айқындайды. Зерттеу осы саяси құжаттардағы жетістіктер мен шектеулерді көрсете отырып, сыни баға береді. Алдымен гендерлік теңдік стратегиясын іске асыру нәтижелері талданады, содан кейін ағымдағы бастамаларды нақтылау мақсатында тұжырымдама қарастырылады. Зерттеуде статистикалық мәліметтермен қатар құжаттарды талдау қолданылады. Сондай-ақ онда басшылық лауазымдарға баса назар аударып, гендерлік саясаттың әртүрлі секторларға қалай әсер ететінін қарастырылады.

Түйін сөздер: *гендерлік саясат, гендерлік теңдік, әйелдер көшбасшылығы, мемлекеттік саясат.*

РАЗВИТИЕ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В КАЗАХСТАНЕ: АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ

Жазира Искиндинова¹, Елена Нечаева², Алуа Жолдыбалина³, Дина Айкенова^{4*}

¹Докторант кафедрасы политологии Евразийского национального университета им.Л.Н. Гумилева

²Профессор кафедрасы политологии Евразийского национального университета им.Л.Н. Гумилева, кандидат политических наук

³Заместитель директора Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК, PhD

^{4*}Директор ТОО «ID-zertteu», PhD.

Аннотация. В данной статье анализируется развитие гендерной политики в Казахстане с акцентом на двух ключевых политических документах: Стратегия гендерного равенства в Республике Казахстан на 2006-2016 годы и Концепция семейной и гендерной политики в Республике Казахстан до 2030 года (2016 -

настоящее время). Эти документы определяют основные направления, которые формировали гендерную политику Казахстана на протяжении последних двух десятилетий. В исследовании дается критическая оценка этих политических документов с указанием как достижений, так и ограничений. Вначале анализируются результаты реализации Стратегии гендерного равенства, а затем рассматривается Концепция с целью прояснить текущие инициативы. В исследовании используется анализ документов наряду со статистическими данными. В нем также рассматривается, как гендерная политика влияет на различные секторы, с особым акцентом на руководящие должности.

Ключевые слова: *гендерная политика, гендерное равенство, женское лидерство, государственная политика.*

Introduction

In the modern world, issues of social justice and equality for all citizens remain prominent topics of discussion in many countries. Consequently, states seek to ratify international conventions in order to align with the global community's commitments to equal opportunities for all citizens. Kazakhstan is no exception. Since gaining independence from the Soviet political system in 1991, Kazakhstan has introduced democratic principles of gender equality, including through the signing and ratification of key international instruments [1, 2, 3].

To frame this analysis, the study draws on Taylor's conceptualisation of the "policy phenomenon," which emphasises the meaning of policy, its effects on society and the state, and the forces that shape policy formation [4]. A "policy phenomenon" is a complex social process that must be analysed across three dimensions: the context in which policy emerges, the text of the policy document itself, and the practical consequences of its implementation. This framework also distinguishes three levels of policy operation: macro (global/international), meso (state/institutional), and micro (local/individual) and holds that what a policy leaves unsaid can be as analytically significant as what it explicitly articulates. In this approach, policy is understood in line with the Oxford Dictionary definition as a "plan of action" and a "statement of aims or ideals." Building on this framework, the present study considers gender policy in Kazakhstan, analysing both its implementation and the approaches that have been realised in practice. It also seeks to identify the reasons and conditions that have contributed to the emergence of the current policy content, taking into account national, geographical, political, and historical factors. In particular, the study examines how the "policy phenomenon" and "gender policy" are interpreted in the Kazakhstani context in comparison with Western frameworks [5]. Finally, it assesses the impacts and societal consequences of these policies in a context where the concept of gender equality was previously unfamiliar and largely absent from public and institutional consideration.

This study examines Kazakhstan's state gender policy by analysing two core national policy documents: Strategy for Gender Equality in the Republic of Kazakhstan for 2006-2016 [6] and the Concept of Family and Gender Policy in the Republic of Kazakhstan until 2030 [7]. The aim of this article is to analyse the development of state gender policy in Kazakhstan through a critical evaluation of two key policy documents assessing their achievements, limitations, and practical consequences for society. To achieve this aim, the following objectives are addressed:

1. to apply Taylor's theoretical framework of the “policy phenomenon” to the analysis of Kazakhstan's gender policy as a state “plan of action” shaped by the interplay of the state, economy, and civil society;
2. to examine the historical, political, cultural, and national factors that conditioned the formation of gender policy in post-Soviet Kazakhstan;
3. to conduct a comparative analysis of the two key policy documents, tracing continuity and change in Kazakhstan's approach to gender equality over two decades.

Societal attitudes towards Kazakh women, who constituted a significant component of the state, fluctuated throughout the twentieth century in response to multiple historical and political influences [8, 9, 10, 11]. Prior to its integration into the Soviet Union, Kazakh society maintained a nomadic structure informed by Islamic traditions: women were primarily responsible for family caretaking, while men served as breadwinners. Following the Second World War, widespread male casualties prompted the Soviet government to advance gender equality measures and incorporate women into the labour force. Nevertheless, as Katz observed, women remained underrepresented in positions of authority and received lower compensation than men, despite performing work of equal value [10].

After the collapse of the Soviet Union, Kazakhstan confronted multiple challenges that required rapid policy responses. Like other post-Soviet states, it experienced a deep economic crisis that led to rising unemployment and poverty. In this context, the state prioritised the mobilisation of well-educated and qualified human resources, which contributed to a gradual expansion of women's participation in decision-making and leadership roles to support national development. Early gender policy initiatives therefore focused primarily on poverty reduction, including the adoption of a government action plan to advance women [12]. However, the Kazakhstan gender assessment suggests that weak policy design and implementation can sustain gender gaps across key domains [12]. As a result, women remained more vulnerable to poverty and unemployment than men. These challenges contributed to subsequent efforts to strengthen the policy framework, including the introduction of the Concept of Gender Policy until 2006. In addition, an international report prepared by independent experts representing civil society and women's organisations identified persistent shortcomings in civil society engagement [13]. It emphasised the importance of institutionalising feedback mechanisms from civil society and ensuring continuous policy improvement to advance gender equality.

Furthermore, efforts to advance gender policy during this period also aligned with the state's strategic interests by strengthening Kazakhstan's international reputation. A key objective of the newly independent state was to build trust within the international community and to signal its commitment to democratic principles [6]. At the same time, in parts of society, narratives advocating a return to pre-communist Kazakh family traditions began to gain prominence as Soviet ideological frameworks weakened [14]. This traditional family model, where men are positioned as heads of households and women are primarily responsible for childcare and elder care, remains particularly prevalent in southern regions of the country. These historical dynamics have shaped Kazakhstan's gender policy trajectory, which reflects an interplay of Kazakh cultural traditions, Soviet-era centralised governance practices, and the contemporary influence of liberal democratic values [1].

Methods

The article employs document analysis to examine two key national gender policy documents. A comparative analysis of these documents enables tracing the evolution of gender policy in Kazakhstan. Additionally, the article utilises a multi-level analytical approach: from the philosophical underpinnings of the documents to specific implementation measures, applying the theoretical framework developed by Taylor et al. [4]. Quantitative data are drawn from the Bureau of National Statistics of the Republic of Kazakhstan, and from reports by WEF, UNDP, UN Women, the Asian Development Bank, OECD, and Human Rights Watch.

Taylor's framework is a strong choice for this paper because it enables policy to be analysed not simply as an official document, but as a broader social and political phenomenon shaped by context, institutional actors, and implementation outcomes. This is particularly relevant to the present study, which examines Kazakhstan's gender policy through the historical conditions of its emergence, the content and framing of the policy texts, and their practical consequences for society. The framework is especially suitable because it captures the interaction between international agendas, state-led governance, and local sociocultural realities, while also drawing attention to policy silences and omissions that are analytically significant in the Kazakhstani case.

Results

Kazakhstan's gender policy is outlined in two main documents, with the second serving as a logical continuation of the first. The development of core principles began when the country joined the Beijing Declaration. The National Commission for Family and Women's Affairs, created in 1998, played a major role in developing and enforcing gender policy. This advisory body was set up to increase women's representation in leadership roles across all sectors. Besides planning and implementing gender policy, the Commission also monitors compliance with gender equality.

In 2004, the former president instructed the government to develop the Strategy for Gender Equality in the Republic of Kazakhstan for 2006-2016. This strategy outlined key areas of activity - economic, social, and political - to create time-bound measures ensuring equal opportunities for women. It also addressed legal literacy, education, reproductive health for both men and women, prevention of gender-based violence, and the growth of gender-sensitive public consciousness. According to the Strategy, all prescribed actions were subject to regular monitoring. Although the official term of the Strategy ended in 2016, many sources continue to reference it as a foundational gender policy document.

Kazakhstan is a geographically huge country with a relatively small population; therefore, one of the government's essential objectives since independence has been to increase demographic growth. For this reason, the state has adopted various approaches to address demographic challenges. In connection with demographic policy and Kazakh traditions rooted in Eastern mentality, both gender policies have incorporated measures to strengthen the role of the family and emphasise the importance of family values in contemporary society. Consequently, the subsequent national document, The Concept of Family and Gender Policies in the Republic of Kazakhstan until 2030, placed greater emphasis on family policies compared to its predecessor. According to the Concept, gender equality within families enhances the effectiveness and stability of relationships and strengthens family unity.

The advantage of policies is that they provide a detailed analysis of the current situation, including a description of the strengths and weaknesses. This approach allows understanding the reasons for the proposed additional ways to develop gender policy. For example, the Concept provides statistical data on negative dynamics in the number of divorces in the country. Despite the central role of the family institution in Kazakhstani society, both divorce rates and the incidence of childbearing outside marriage have been increasing. Nearly one in three marriages ends in divorce [7]. An increasing number of divorces has become a significant problem for the country. Perhaps this is one reason why the current gender policy has been supplemented with a large family demographic bloc.

Table 1. Comparative Overview of Kazakhstan's Key Gender Policy Documents

Criterion	Strategy for Gender Equality (2006–2016)	Concept of Family and Gender Policy (until 2030)
Period	2006–2016	2016–2030
Primary focus	Equal opportunities, employment, legal literacy, reproductive health, violence prevention	Family policy, demographic growth, gender equality within the family
Document structure	SWOT analysis per section; glossary of key terms	Review of previous strategy outcomes; international examples
Combating violence	Preventive measures; support for women in difficult situations	Expanded measures; support centres in all regions
Education	Dedicated section on gender and legal education	Theme largely absent
Monitoring	Annual reporting by state bodies	Annual reporting + review of 2016 outcomes
Civil society engagement	Limited; noted as a weakness in international assessments	Remains limited; women's organisations underutilised

Source: compiled by the author [6, 7]

Gender policy impact

In general, Kazakhstan's gender policy had a long-term plan for the steady advancement of equality of opportunity for men and women. As it has been noted earlier, one of the first steps towards the implementation of gender policy was the accession to many international conventions such as the Beijing Platform of Action for improvement of the women's status, Agenda-2030, Millennium Declaration of the United Nations and Convention on Elimination of all forms of Discrimination Against Women, Convention on the Nationality of Married Women, Convention on the Political Rights of Women [1,2,3].

The following Table 2 consolidates the most current data from authoritative international sources, providing a comprehensive empirical baseline for evaluating Kazakhstan's gender policy outcomes.

Table 2. Key Gender Equality Indicators for Kazakhstan (2023–2025)

Indicator	Value
Global Gender Gap Index rank (2024)	76th out of 146
Gender Inequality Index (2024)	0.325 (50th out of 172)

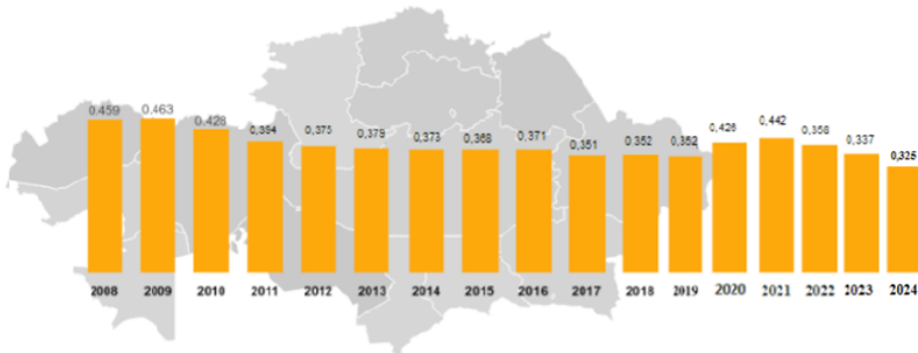
HDI loss due to inequality	8.5% reduction
Women in parliament (2025)	19.4%
Women in cabinet (2025)	4 out of 21 ministers (19%)
Gender pay gap (2023)	25.7%
Women's earnings as share of men's	67%
Criminal cases — domestic violence (2024)	3,382
Domestic violence complaints (2023)	99,026
Women's time in unpaid domestic work	19.9% vs 6.3% (men)

Source: compiled by the author [14-18]

All gender policies were built in line with the listed international standards and systematically assessed by international organisations. According to the Constitution of Kazakhstan [19], all citizens have equal rights and opportunities to participate in the management of state affairs.

Kazakhstan has steadily worked to reduce the disparity between men and women. However, Gender Inequality Index has decreased from 0.459 in 2008 to 0.325 in 2024 (Figure1) [21] (Bureau of National Statistics, n.a.) reflecting consistent policy effort. According to the UNDP Human Development Report 2025, Kazakhstan ranks 50th out of 172 countries on the GII, while its HDI declines by 8.5% when adjusted for inequality – indicating that systemic disparities persist beneath headline progress.

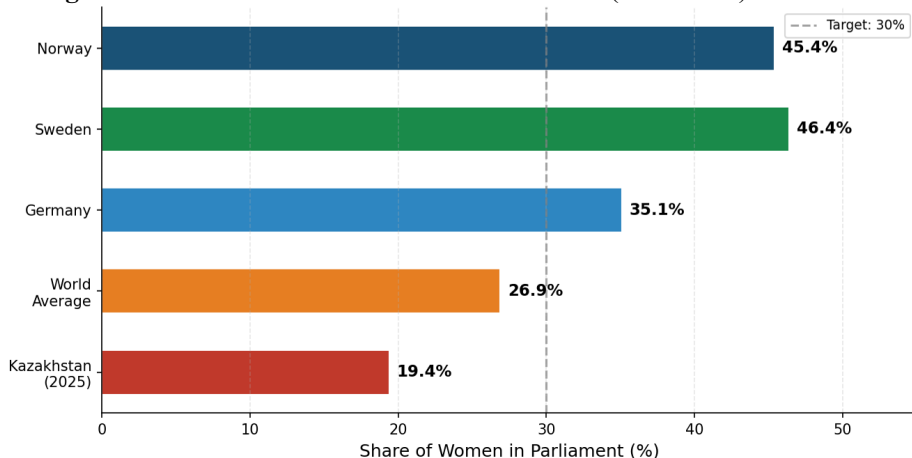
Figure 1. Gender Inequality Index (2008 - 2024)

Source: Bureau of National Statistics

As of 2025, women hold only 19.4% of seats in Kazakhstan's parliament - significantly below the 30% target set in the Strategy for Gender Equality in the Republic of Kazakhstan for 2006-2016 and the global average of 26.9% (Figure 2). Kazakhstan lags considerably behind Scandinavian countries, where women account for over 45% of parliamentary seats. In the cabinet, only four of 21 ministers are women, heading ministries of culture, healthcare, labour, and education, ministries conventionally associated with feminised roles, reflecting the persistence of gendered occupational stereotypes in the upper echelons of power.

Figure 2. Share of women in National Parliaments (2024-2025)

Source: [14, 22]

The significant result of the practical work of the Strategy for Gender Equality in the Republic of Kazakhstan for 2006-2016 was initiation to create the laws “On State Guarantees of Equal Rights and Equal Opportunities for Men and Women” and “Prevention of Domestic Violence”, which occurs in support of women’s movements and civil organisations [2, 6, 23]. The law on equal rights stipulates that all organisations must adhere to a gender policy and any form of discrimination is suppressed. In Kazakhstan, women most often seek legal assistance in cases of domestic violence and housing.

In 2020, a draft law ‘On Combating Domestic Violence’ was submitted to the Mazhilis of the Parliament of the Republic of Kazakhstan. The draft law was drawn up in response to public demand and the pressing issue of addressing domestic violence and its increase. As a result, the Head of State issued instructions to address the problem and toughen penalties for crimes against individuals and domestic violence. In 2024, the Law ‘On Amendments and Additions to Certain Legislative Acts of the Republic of Kazakhstan on Ensuring the Rights of Women and the Safety of Children’ was enacted. The law aims to prevent violence against women and children, as well as to strengthen the institution of the family and the safety of minors [24].

The Strategy for Gender Equality in the Republic of Kazakhstan for 2006-2016 showed that there is a low level of gender education among the population, insufficient awareness of their rights, and a lack of information on the need for gender knowledge [6]. Especially, gender education is needed among civil servants involved in the formulation of gender budgeting. The introduction of a course on gender budgeting is seen as a significant step towards the development of gender equality in society, since the state's program in this direction, including future projects and actions, depends on it [19]. According to the Beijing Declaration and Platform for Action, any law and political decision-making process should be informed by consideration of gender relations; therefore, gender training for civil servants is essential.

Therefore, the inclusion of a mandatory gender assessment clause is a positive long-term step towards promoting gender equality. Ideally, gender expertise

should equally take into account the interests of men and women in the legislative framework and check the content of educational programs, courses, and textbooks to eliminate gender stereotypes in society. In the case of Kazakhstan, a positive factor of development is the inclusion in the Concept on Family and Gender Policy of the need to assess legislation about the equal interests of men and women. Nevertheless, recently, it has not been possible to find official supporting information on the gender review of legislative documents [25]. It should be added that the introduction of compulsory gender expertise in legislation and government programmes had been on the implementation agenda earlier in the 2006, and ten years later, it has been reintroduced in the new document.

According to Kuzhabekova et al. , due to the pursued gender policy, some successes have been achieved in developing women's leadership, most often manifested in the educational, health care, and social fields [26]. This indicates that society is still subject to a stereotypical distribution of professions between women and men [2]. Moreover, these areas are low-paid, and therefore, the distribution of wages on a national scale between men and women remains unequal.

Thus, one of the tasks of the Strategy for Gender Equality in the Republic of Kazakhstan for 2006-2016 was to address equal employment of men and women in the economic sector. At the initial stage, there was an acute problem of a large number of self-employed women in rural areas who were either unemployed or engaged in unpaid domestic work. There is a big difference between men and women employed in different spheres of work. There is widespread public opinion about female and male occupations, in which female spheres are less well paid. As mentioned before, it is the fields linked to health care, education, and social services. Male professions are considered technical, with high wages. As a result, the unequal distribution of wages between women and men was widespread in the state [13]. Consequently, women were the most vulnerable part of the population to poverty and needed government support. Thus, the Strategy for Gender Equality in the Republic of Kazakhstan for 2006-2016 was designed to solve this problem as well. For example, the government provided loans to women to start their own businesses. Women were trained in new skills and specialities in demand in high-paying production areas [7].

According to national statistics, Kazakhstan has achieved strong educational indicators [20]. As statistics show, Kazakhstan has almost reached gender parity at the primary and secondary levels of education, and the number of women in higher education even exceeds that of men. The Constitution of the Republic of Kazakhstan says that all citizens of Kazakhstan are obliged to receive a school education and all have the right to receive state scholarships for higher education [19].

Another positive factor in the development of gender policy is the maintenance of official statistics with gender-disaggregated data, which enables gender analysis across different areas. The disadvantage is the lack of data on some issues or incomplete data, making it challenging to fully consider the situation.

Discussion. Kazakhstani gender policy limitations

Despite progress in implementing gender policy, there are still limitations, some of which were mentioned in previous parts. According to researchers the Strategy for Gender Equality in the Republic of Kazakhstan for 2006-2016 is, in some respects, overly idealised and not fully implemented in practice [26, 27]. For example, Kazakhstani researchers criticised the lack of a specific action plan to achieve 30%

women's representation at the highest levels of power. As a result, Kazakhstani women remain underrepresented in leadership positions, particularly in politics and the civil service. Currently, the government is headed by 21 ministers, of whom four are women. They head the Ministry of Culture and Information, the Ministry of Healthcare, the Ministry of Labour and Social Protection of the Population and the Ministry of Education [28]. According to the official site, women in Parliament (upper and lower houses) were 18% in 2025 [29]. It should be noted that the sphere of political decision-making has a significant impact on the overall development of the state. If statistics show that women make up more than half of the population in Kazakhstan, it follows that not all citizens are equally represented in power. Perhaps this fact could be a constraint on the development of gender policy. Additionally, another significant critique is the lack of expertise in legislative documents regarding gender sensitivity, as required by gender policy [26].

One of the reasons for the persistence of gender inequality might be women's legal illiteracy. Despite introducing the current gender policy, there may be a need to strengthen public recognition of gender legislation. Perhaps a low level of gender awareness stems from gender policy being discussed only in certain expert circles, without widespread societal involvement. However, discussions are conducted on a prescriptive basis, from time to time, without a clear understanding of the need for gender equality. Local authorities rarely implement gender policies, treating them as non-urgent [25].

Another severe issue in Kazakhstan remains the high rate of domestic violence. Domestic violence and sexual harassment, including in the workplace, have been repeatedly raised and discussed in both national documents. Throughout the years of gender policy, several measures to prevent violence against women have been planned, and centres to support women in difficult life situations have been opened in all regions, but the problem remains acute.

Framework analysis of gender policy

It should be noted that all countries have gender policies that take into account their unique characteristics. The formation of policy is influenced by many factors: the management system, culture, historical background, mentality, and national characteristics. Although the state can use international documents as a basis and draw on another country's experience, the government cannot ignore specific features when creating a new development path.

National policy agendas evolve in response to multiple contextual forces and historical developments. Taylor et al. argue that policy outcomes frequently emerge from the interplay among the state, the economy, and civil society [4]. In Kazakhstan, the first gender policy framework was introduced after independence from the Soviet Union, and it developed within a governance context shaped by legacies of Soviet administration. These inherited traditions included a highly centralised style of decision-making, which influenced how gender policy was designed and implemented.

After introducing the gender policy, the state bodies were then required by presidential decree to report annually to the National Commission on Women's Affairs and Family and Demographic Policy on the implementation of the plan [6]. Therefore, according to framework of Taylor et al., Kazakhstan's gender policy belongs to the 'meso' level, where its objective is the development of the whole

state, and all public institutions are involved in its implementation [4]. The gender policy of Kazakhstan is more evident in social support for women, and this is another paternalistic idea characteristic of the Soviet state, which most likely leads to the preservation of patriarchal traditions [28].

Political, economic and social factors influenced the initial gender policy. As noted earlier, in the early 1990s, the country needed recognition from the world community as a new democratic state, where all citizens have the right to freedom. According to Dugarova, the creation of a gender policy in Kazakhstan is, to some extent, a demonstration to international organisations of the state's viability to gain trust and attract investment [28].

Additionally, and probably more importantly, was to restore the economy and support the population, which found itself in a difficult situation, especially women. Following this, the government decided to publish many new national programs, including a gender policy. Moreover, any public policy is not a static phenomenon. In the contemporary world, when all countries are part of the globalising world, their policies must always be dynamic and evolve.

Regarding the analysis of the structure and morphology of the gender policy documents, they are written in language that is understandable to the reader. Both national documents have a clear structure and a strict sequence of sections. The Strategy for Gender Equality in the Republic of Kazakhstan for 2006-2016 begins with a glossary, making it easier to understand new gender-related terminology. Each section contains a SWOT analysis of the strengths, weaknesses, opportunities, and threats for each area, from a gender perspective. The advantage of the Concept of Family and Gender Policy in the Republic of Kazakhstan until 2030 is the analysis of the outcomes of the 2016 gender policy. This approach enabled scheduling tasks and planning to implement a gender policy for a specific period. A distinctive feature of this policy document was the inclusion of examples of successful gender policy in other countries. In the Strategy Gender Equality, a whole section was devoted to gender and law education, which is absent in the subsequent policy document. Meanwhile, the latter document includes a significant part of the content about family policy. This is probably due to the need to increase the country's population growth and reduce the high divorce rate through government regulation. At the same time, it may have been inappropriate to combine family and gender policies, as this could lead to an associative view of women, closely tied to family responsibilities, rather than as distinct individuals with their own values. In the country assessment, prepared by the Asian Development Bank, it claimed: "However, the combination of the two issues reinforces the message that gender equality is about strengthening families as opposed to being about women's rights and ensuring equality between women and men in all spheres [31: 12p.]. The context is that Kazakhstan's approach creates an environment for expanding opportunities for families and overcoming difficult life situations, and while this recognizes that addressing gender relations in the family is important for achieving gender equality in other spheres, combining family and gender policies sends a message that gender equality is primarily about strengthening families rather than women's rights.

The OECD has classified women empowerment issues into three "E"s: education, employment and entrepreneurship. Since Kazakhstan aims to become one of the 30 most developed countries in the world, OECD indicators have become fundamental to the republic's development. For this reason, ensuring gender equality in education,

employment, and entrepreneurship has become an urgent matter for Kazakhstan [26]. Although the sphere of education was almost overlooked in the Concept of Family and Gender Policy in the Republic of Kazakhstan until 2030, it seems essential to introduce a compulsory course on gender equality and justice in schools or, at least, at universities. This approach could help young citizens better understand their rights and opportunities, and eliminate gender discrimination across different fields. The need for gender education is indicated at least by the fact that among students, there is still a choice of specialities according to the gender stereotype of “female” and “male” professions [7].

Taylor et al. argue that what a policy leaves unsaid can be just as revealing as what it explicitly addresses [4]. A major limitation of Kazakhstan’s gender policy is the limited involvement of civil society. The policy documents devote little attention to the role of civic actors, particularly women’s organisations, in shaping agendas or supporting implementation. Stronger engagement of these organisations could enhance policy delivery and make efforts to advance gender equality more effective [28].

Thus, the analysis shows that gender policies still need to be refined and continually evaluated by the state, civil society, and international organisations. It should be added that this is only a part of the analysis of gender policy, which could still be continued.

Conclusion

An analysis of gender policy helps understand how gender equality is implemented in the state, what contributed to the formation of the current policy, and why some issues remain. To achieve democracy and a high quality of life, one crucial condition is equality of opportunity for all citizens, regardless of gender. To obtain a more objective picture and assess the results of gender policy in Kazakhstan, this study used Kazakhstani sources, foreign reports and some statistical data. During the analysis of gender policy, it was observed that English-language sources from both Kazakh and foreign researchers take a more critical view of policy documents, whereas articles and reviews in Russian and Kazakh focus only on the policy's effectiveness. This paper has identified both Kazakhstan’s achievements in implementing gender policy and weaknesses that require improvement. As noted above, some researchers have criticised the way gender policy, in their view, is only formal and minimal in terms of actual action. The country continues to face systemic challenges: women hold only 19.4% of parliamentary seats; the gender pay gap stands at 25.7%; and domestic violence remains a pressing social problem. The combination of family and gender policy in a single document risks narrowing the conceptual scope of gender equality, potentially hindering progress on women's rights as an autonomous policy priority.

As can be seen, Kazakhstan has made significant progress in advancing gender equality across various public sectors. However, there is still much work to be done, many works in this path, particularly in increasing the role of women in leadership positions. Nevertheless, it can be emphasised that the Strategy for Gender Equality in the Republic of Kazakhstan for 2006-2016 was a good start, offering a clear and detailed plan for advancing gender equality. The Concept of Family and Gender Policy in the Republic of Kazakhstan until 2030 continues the gender policy initiated and remains an action towards the implementation of gender equality.

Funding:

The article was prepared within the framework of the project AP22686622 “Women in the Political Process of Kazakhstan: Quotas, Gender Stereotypes, and Behavioral Patterns” with financial support from the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan.

References:

1. Shakirova, S. (2015). Gender policy and nation building in Kazakhstan: Parallel or conflicting processes? Available from: <https://www.academia.edu/5439557>
2. Sarbayeva, R. (2016). The Republic of Kazakhstan: modern gender politics. *International Relations and International Law Journal*, 74(2), 222-226
3. UNDP (2021) Making gender equality a reality in Kazakhstan. Available from: https://www.kz.undp.org/content/kazakhstan/en/home/gender-equality.html?fbclid=IwAR12W8OcS4w4JQEPV_H2shLvrNRuutDAZmSAifSLhj9QpeBydMQ_Nbj2R8k
4. Taylor, S., Rizvi, F., Lingard, B. & Henry, M. (1997). *Educational policy and the politics of change*. London: Routledge
5. (n.d.). *Gender Policy Delivery in Kazakhstan*. https://www.oecd.org/en/publications/2017/10/gender-policy-delivery-in-kazakhstan_g1g7fa5e.html
6. On approval of the Strategy of gender equality in the Republic of Kazakhstan for 2006-2016 (2005) Available from: http://adilet.zan.kz/rus/docs/U050001677_
7. On approval of the concept of family and gender policies in the Republic of Kazakhstan until 2030 (2016). Available at: <http://adilet.zan.kz/eng/docs/U1600000384>
8. Kandiyoti, D. (2007). The politics of gender and the Soviet paradox: Neither colonised, nor modern? *Central Asian Survey* 26(4): 601–623.
9. Pascall, G. and Manning, N. (2000). Gender and social policy: Comparing welfare states in Central and Eastern Europe and the former Soviet Union. *Journal of European Social Policy* 10(3): 240–266.
10. Katz, K. (2001) *Gender, Work and Wages in the Soviet Union: A Legacy of Discrimination* (2001). Basingstoke: Palgrave Macmillan.
11. Kuzhabekova, A. & Almkhambetova, A. (2017) Female academic leadership in the post-Soviet context. *European Educational Research Journal*, 16(2-3): 183–199
12. Asian Development Bank (2006) *Kazakhstan country gender assessment*. Available at: <http://www.gender.cawater-info.net/publications/pdf/cga-kaz.pdf>
13. ADB (2013). *Kazakhstan Country Gender Assessment*. Manila: Asian Development Bank. <https://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/34051/files/kazakhstan-country-gender-assessment.pdf>
14. United Nations Development Programme (2025). *Human Development Report 2025: A Matter of Choice — People and Possibilities in the Age of AI*. New York: UNDP. Available at: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2025>
15. UN Women (2024). *Kazakhstan Country Fact Sheet*. UN Women Data Hub. Available at: <https://data.unwomen.org/country/kazakhstan>
16. Human Rights Watch (2024). *Kazakhstan: New Law to Protect Women Improved, but Incomplete*. 23 April 2024. Available at: <https://www.hrw.org/news/2024/04/23/kazakhstan-new-law-protect-women-improved-incomplete>
17. *Eurasian Journal of Gender Studies* (2025). *Gender pay gap dynamics in Kazakhstan, 2013–2023*.
18. *The Astana Times / Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan* (2025). *Domestic Violence Statistics in Kazakhstan: 2024–2025 Update*. Available at: <https://astanatimes.com>
19. *Constitution of the Republic of Kazakhstan* (1995). Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1017178#activate_doc=2
20. Kuzhabekova, A. (2019). *Performativity as cultural brokerage: An ethnographic exploration of the experiences of faculty mothers at an international university in Kazakhstan*. *Women’s Studies International Forum*, 75. Available at: <https://>

- doi.org/10.1016/j.wsif.2019.102250
21. Bureau of National Statistics RK (n.a.) Gender [online] Available at: <https://gender.stat.gov.kz/en>
 22. Inter-Parliamentary Union (2025). IPU Parline — Kazakhstan: House of Representatives (Mazhilis) and Senate. Geneva: IPU. Available at: <https://data.ipu.org/parliament/KZ/KZ-LC01/> (Mazhilis) ; <https://data.ipu.org/parliament/KZ/KZ-UC01/> (Senate)
 23. European Institute for Asian Studies (2020). Women's Empowerment and Gender Equality in Kazakhstan. Available from: https://www.eias.org/wp-content/uploads/2019/07/EIAS_Policy_Brief_Kazakhstan_Gender_Equality_2020-1.pdf
 24. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам обеспечения прав граждан и безопасности детей. Закон Республики Казахстан от 15 апреля 2024 года [On amendments and additions to certain legislative acts of the Republic of Kazakhstan on ensuring the rights of women and the safety of children. Law of the Republic of Kazakhstan dated 15 April 2024. № 72-VIII] <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2400000072>
 25. OECD (2017). Gender Policy Delivery in Kazakhstan, OECD Public Governance Reviews, OECD Publishing, Paris, Available at: <https://doi.org/10.1787/9789264280359-en>
 26. Kuzhabekova, A., Janenova, S. & Almukhambetova, A. (2018). Analysing the Experiences of Female Leaders in Civil Service in Kazakhstan: Trapped between Economic Pressure to Earn and Traditional Family Role Expectations. *International journal of public administration*, 41(15): 1290–1301 Available at: <https://doi.org/10.1080/01900692.2017.1387142>
 27. Dugarova, E. (2018). Gender, work, and childcare in Kazakhstan, Mongolia, and Russia. *Social Policy & Administration*, 53(3): 385-400 Available at: <https://doi.org/10.1111/spol.12479>
 28. Primeminister.kz (2021). Government composition. Available at: <https://primeminister.kz/en/government/composition>
 29. Parliament of the Republic of Kazakhstan. Available at: <https://parlam.kz/ru/>
 30. Anon. (2017). Gender research: how Kazakhstan implements policies in relation to women and men. *Zakon.kz* [online] Available from: <https://www.zakon.kz/4872564-gendernoe-issledovanie-kak-v-kazahstane.html>
 31. Asian Development Bank (2018). Kazakhstan Country Gender Assessment. Manila: Asian Development Bank. Available at: <https://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/479136/kazakhstan-country-gender-assessment.pdf>
 32. Satpayeva, Z., Kireyeva, A., Kenzhegulova, G. & Yermekbayeva, D. (2020). Gender Equality and Women Business of Framework 5Ms in Kazakhstan: Analysis and Basic Directions. *The Journal of Asian Finance, Economics and Business*. 7(3): 253–263

Материал поступил в редакцию 06.01.2026

Утвержден к публикации 19.03.2026

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР И МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИЙ ДИАЛОГ: ПРАКТИКИ ЖЕНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КАЗАХСТАНЕ

Асель Ишанова^{1*}

Алина Калишева²

^{1*}Докторант кафедры Ассамблеи народа Казахстана Евразийского национального университета им. Л.Н.Гумилева, магистр права; Астана, Казахстан, e-mail: assel_89@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0005-3207-4818>

²Докторант кафедры Ассамблеи народа Казахстана Евразийского национального университета им. Л.Н.Гумилева, магистр социальных наук по направлению «Этнополитология»; Астана, Казахстан, e-mail: rustemovna.a.k@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-7898-3602>

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2026.114.1.006>

Аннотация. Статья посвящена анализу роли Советов матерей при Ассамблее народа Казахстана (далее – АНК) в формировании гендерной идентичности в условиях полиэтничности. Цель исследования – выявить особенности восприятия и трансляции гендерных ролей через практики женского гражданского участия и межпоколенческого диалога. Методология основана на качественном подходе, включающем проведение двух фокус-групп с письменной фиксацией ответов (n=20) и последующем контент-анализе данных. В выборку вошли руководители и активистки Советов матерей АНК различных этнических принадлежностей, а также представительницы академической среды. Результаты демонстрируют, что гендерные установки в Казахстане формируются на пересечении семейного воспитания, этнокультурной принадлежности и деятельности гражданских институтов, в том числе в структуре АНК. Семья остается ключевым агентом социализации, при этом роль матери рассматривается как центральная. Этническая специфика значимо влияет на модели женственности и мужественности, создавая многослойный характер гендерной идентичности. Советы матерей выполняют гибридную функцию, выступая одновременно как хранители культурных традиций и как агенты адаптации гендерных норм к современным вызовам. Что в свою очередь позволяет сделать вывод об их уникальной роли как институционализированной формы жен-

ского гражданского лидерства, интегрированной в государственную политику. Научная новизна заключается в рассмотрении роли Советов матерей АНК как институционального посредника между традицией и современностью в процессе формирования идентичности в полиэтническом обществе.

Ключевые слова: гендерная политика, этнокультурное разнообразие, гражданское участие, Советы матерей, межпоколенческий диалог, Казахстан.

ЭТНИКАЛЫҚ ФАКТОР ЖӘНЕ ҰРПАҚАРАЛЫҚ ДИАЛОГ: ҚАЗАҚСТАНДА ҰЛТТЫҚ БІРЕГЕЙЛІКТІ ҚАЛЫПТАСТЫРУҒА ӘЙЕЛДЕРДІҢ САЯСИ ҚАТЫСУ ПРАКТИКАСЫ

Әсел Ишанова^{1*}, Алина Калишева²

¹Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті Қазақстан халқы Ассамблеясы кафедрасының докторанты, құқық магистрі

²Л.Н. Гумилев Еуразия ұлттық университеті Қазақстан халқы Ассамблеясы кафедрасының докторанты, «Этнополитология» бағыты бойынша әлеуметтік ғылымдар магистрі

Андапта. Мақала Қазақстан халқы Ассамблеясы (бұдан әрі – ҚХА) жанындағы Аналар кеңестерінің полиэтностық жағдайдағы гендерлік сәйкестікті қылыптастудағы рөлін талдауға арналған. Зерттеудің мақсаты – әйелдердің азаматтық қатысуы мен ұрпақтар арасындағы диалог тәжірибесі арқылы гендерлік рөлдерді қабылдау және аудару ерекшелектерін анықтыу. Әдістеме жауаптарды жазбаша тіркеу тін екі фокус-топты (n=20) және деректерді кейінгі мазмқнды талтауды қамтитын сапалы тәсілге негізделген. Іріктемеге ҚХА-ның әртүрлі этностардың Аналар кеңесінің басшылары мен белсенділері, сондай-ақ академиялық орта өкілдері кірді. Нәтижелер Қазақстандағы гендерлік қатынастар отбасылық тәрбие, этномәдени тиесілік және азаматтақ институттар қызметінің, оның ішінде ҚХА құрылымының қиылысында қалыптасынын көрсетеді. Отбасы әлеуметтенудің негізгі агенті болып қала береді, ананың рөлі орталық болып саналады. Этникалық ерекшелік гендерлік сәйкестіктің көп қабатты сипатын жасай отырып, әйелдік пен еркектік модельдерге айнарлықтай әсер етеді. Аналардың кеңестері мәдени дәстүрлерді сақтаушы және гендерлік нормаларды заманауи қиындықтарға бейімдеу агенттері ретінде бір уақытта әрекет ететін гибридік функцияны орындайды Олардың мемлекеттік саясатқа біріктірілген әйелдердің азаматтық көшбасшылығының институттандырылған түрі ретіндегі ерекше рөлі туралы қорытынды жасалады. Ғылыми жаңалық-көпұлтты қоғамға сәйкестікті қалыптастыру процесінде дәстүр мен қазіргі заман арасындағы институционалдық делдал ретінде ҚХА Аналар кеңесінің рөлін қарастыру.

Түйін сөздер: гендерлік саясат, этномәдени әртүрлік, азаматтық қатысу, Аналар кеңестері, ұрпақаралық диалог, Қазақстан.

THE ETHNIC FACTOR AND INTERGENERATIONAL DIALOGUE: PRACTICES OF WOMEN'S POLITICAL PARTICIPATION IN THE FORMATION OF NATIONAL IDENTITY IN KAZAKHSTAN

Assel Ishanova^{1*}, Alina Kalisheva²

^{1*} Doctoral student at the Department of the Assembly of the People of Kazakhstan, L.N.Gumilyov Eurasian National University, Master of Law

² Doctoral student at the Department of the Assembly of the People of Kazakhstan, L.N.Gumilyov Eurasian National University, Master of Social Sciences in Ethnopolitology

Abstract. The article is devoted to the analysis of the role of the Mothers' Councils at the Assembly of the People of Kazakhstan (hereinafter – APK) in the formation of gender identity in the multiethnic environment. The purpose of the study is to identify the peculiarities of perception and translation of gender roles through the practices of women's civic participation and intergenerational dialogue. The methodology is based on a qualitative approach, including conducting two focus groups with written responses (n=20) and subsequent content analysis of the data. The sample included leaders and activists of the APK Mothers' Council of various ethnicities, as well as representatives of the academic community. The results demonstrate that gender attitudes in Kazakhstan are formed at the intersection of family upbringing, ethnic and cultural affiliation and the activities of civil institutions, including in the structure of the APK. The family remains a key agent of socialization, with the mother's role seen as central. Ethnic specificity significantly influences the models of femininity and masculinity, creating a multi-layered character of gender identity. Mothers' Councils perform a hybrid functional-acting simultaneously as guardians of cultural traditions and as agents of adapting gender norms to modern challenges. It is concluded that they play a unique role as an institutional form of women's civic leadership integrate into public policy, the scientific novelty lies in the consideration of the role of the APK Mothers' Council as an institutional intermediary between tradition and modernity in the process of identity formation in a multiethnic society

Keywords: *gender policy, ethno-cultural diversity, civic participation, Mothers' Councils, intergenerational dialogue, Kazakhstan.*

Введение

Проблема формирования гендерной идентичности в многонациональных и полиэтнических обществах приобретает особую значимость в условиях трансформации традиционных социальных ролей, миграционных процессов и глобализации. Гендерные роли и самоидентификация всё чаще становятся предметом общественного обсуждения, научного анализа и политических дискуссий. Эти процессы особенно ярко проявляются в странах с богатым этнокультурным разнообразием, где идентичность формируется на пересечении гендера, этничности и межпоколенческого взаимодействия.

В науке такие процессы соответствуют теории социальной идентичности Henry Tajfel и John Turner. Согласно данной теории, люди склонны классифицировать себя и окружающих в рамках различных категорий. Индивиды

стремятся поддерживать позитивную социальную идентичность, что проявляется в предпочтении собственной группы и стремлении к её положительному отличию от других групп [1]. Данная концепция стала фундаментальной теоретической основой для изучения феноменов групповой солидарности, этнической идентичности и межгрупповых конфликтов, а также широко применяется в политической социологии и исследованиях этнополитических процессов. Осознание принадлежности к определенной этнической или национальной группе формирует систему коллективных представлений, норм и ценностей, которые могут усиливать внутригрупповую солидарность и одновременно способствовать дифференциации по отношению к другим группам. В полиэтничных обществах данные процессы оказывают существенное влияние на политическую стабильность и характер межэтнического взаимодействия, поскольку восприятия групповых различий может становиться основой для политической конкуренции, мобилизации или конфликтов.

В современной политической науке Казахстана сложилась парадоксальная ситуация: при высокой институционализации этничности (через структуры АНК) и наличии официальных гендерных стратегий, таких как Концепция семейной и гендерной политики в Республике Казахстан до 2030 года, утвержденная Указом Президента Республики Казахстан от 6 декабря 2016 года № 384, механизмы их пересечения остаются неисследованными. Деятельность Советов матерей, направленная на укрепление семьи, на практике может как консервировать традиционные патриархальные установки, так и адаптировать их к современным реалиям, однако эмпирических данных о том, какой из сценариев преобладает, до сих пор не получено.

Казахстан, как постсоветское государство с полиэтничной структурой населения и активной культурной политикой, представляет собой значимый кейс для исследования подобных процессов. Согласно данным Бюро национальной статистики Республики Казахстан на 2025 год, в стране проживают представители более 100 этносов, что требует постоянного внимания к вопросам этнической идентичности, межкультурного диалога и социальной интеграции. При этом вопросы гендерной идентичности нередко остаются на периферии научной повестки, хотя именно они являются фундаментальными в формировании гражданской позиции, моделей поведения и восприятия социальной справедливости.

Особую роль в передаче ценностей, норм и моделей идентичности играют институты гражданского общества. Одним из таких институтов в Казахстане являются Советы матерей при АНК. Эти организации объединяют женщин, активно вовлечённых в просветительскую, воспитательную и медиативную деятельность в этнокультурных сообществах. Советы матерей формируют пространство, в котором сочетаются элементы традиционной семейной морали, культурного наследия и современных форм женского гражданского участия. Таким образом, транслируемые через Советы матерей гендерные роли выступают механизмом воспроизводства этнокультурного кода, что в конечном итоге работает на поддержание социальной стабильности. Их деятельность охватывает вопросы укрепления семьи, межэтнической толерантности, трансляции моральных норм и воспитания молодёжи в духе уважения к национальным традициям.

Советы матерей АНК являются важным механизмом передачи как этнокультурных, так и гендерных установок. Через практики взаимодействия с

молодёжью, организацию диалоговых площадок и участие в социальных инициативах, они становятся медиаторами между поколениями. Такие формы женского лидерства не всегда принимают вид формализованной политики, но оказывают глубокое влияние на повседневное поведение и понимание гендерных ролей. Совет матерей АНК проводит большую работу по укреплению института семьи и продвижению общенациональных ценностей. [2]

При этом восприятие гендерных ролей, как показывают различные социологические и культурологические исследования, может существенно различаться в зависимости от этнической принадлежности, региона проживания и уровня образования. Исследования, опубликованные в открытом доступе казахстанскими и международными авторами, фиксируют устойчивые различия между этнокультурными моделями, а также трансформации, происходящие под воздействием урбанизации и цифровой социализации [3, 4].

Подчеркивается влияние устойчивых культурных стереотипов, которые ограничивают женщин в продвижении по карьерной лестнице, сочетании профессиональной деятельности и семейных обязанностей, выборе сфер занятости. Мужчины, согласно социологическим опросам в исследованиях, по-прежнему склонны воспринимать политику как «мужскую» сферу, а участие женщин неглубоким. В то же время в казахстанском обществе формируется слой женщин-лидеров, обладающих высоким уровнем образования, компетентностью и политическим опытом, что создает позитивные предпосылки для изменения гендерных ролей [5, 6].

Опыт европейских стран по достижению равенства сопровождается созданием специализированных органов власти, комплексных программ и обязательных процедур гендерного анализа. Этот опыт демонстрирует, что устойчивые результаты возможны лишь при условии системной вертикали принятия решений, развитых институтов, наличия политической воли и общественного запроса. В этом контексте казахстанский общественный институт Ассамблеи народа Казахстана Совет матерей как структурный компонент, выполняет роль важного связующего звена между государственными инициативами и обществом [6].

Настоящее исследование направлено на выявление особенностей восприятия гендерных ролей в полиэтнической среде Казахстана, с фокусом на деятельность Советов матерей АНК как пространства женского гражданского участия и межпоколенческого диалога. В центре внимания – то, каким образом представительницы этнокультурных объединений осмысливают и транслируют нормы гендера, и как эти нормы меняются под влиянием этничности, возраста и общественной активности.

Несмотря на наличие исследований в области гендерной политики и деятельности АНК, Советы матерей до сих пор не рассматривались как самостоятельный субъект гендерной социализации. В этой связи остается неисследованным вопрос, способствуют ли Советы матерей воспроизводству архаичных гендерных моделей или выступают посредниками в модернизации гендерных отношений в полиэтническом контексте современного Казахстана.

Целью статьи является анализ влияния женских форм гражданского участия – в частности, Советов матерей – на формирование и трансформацию гендерной идентичности в условиях полиэтничности. Исследование основано на письменных ответах участниц двух фокус-групп, охватывающих женщин

из различных регионов Казахстана. Такой подход позволяет рассмотреть как общие тенденции, так и локальные особенности.

Задачи исследования включают:

1. Анализ восприятия гендерных ролей в различных этнокультурных сообществах;
2. Выявление факторов, влияющих на формирование гендерной идентичности;
3. Исследование межпоколенческой передачи норм и установок;
4. Оценку роли Советов матерей как института женского политического и гражданского участия;
5. Формулирование рекомендаций по поддержке культурной и гендерной устойчивости в рамках национальной политики.

Научная новизна заключается в рассмотрении Советов матерей как институционализированной формы женского посредничества в процессе формирования идентичности. Исследование позволяет расширить представление о гендере как о пересечении культурных, возрастных и гражданских ролей, а также дополнить академическую дискуссию по вопросам женского лидерства в постсоветском контексте.

Методы исследования

Настоящее исследование опирается на качественный подход, который позволяет изучить процессы формирования гендерной идентичности в их естественной, контекстуальной и многоуровневой среде. В отличие от количественных методов, ориентированных на измерение и сравнение, качественный подход позволяет раскрыть глубинные смыслы, ценности и установки, стоящие за теми или иными высказываниями и практиками. Это особенно важно в исследованиях таких категорий, как гендер, этничность и межпоколенческое взаимодействие, поскольку они часто укоренены в символических структурах, языке, памяти и культурной традиции [7].

В качестве основного метода использован формат фокус-групповых интервью с письменной фиксацией. Такой выбор обусловлен как исследовательскими, так и практическими соображениями. С одной стороны, фокус-группа позволяет собрать мнения людей с определённым общим опытом (в данном случае – участие в деятельности Советов матерей и/или в научно-образовательной сфере), а с другой – письменный формат обеспечивает более свободную и независимую форму выражения мнению, исключая групповое давление или влияние лидеров мнений.

В рамках исследований были проведены две фокус-группы, каждая из которых включала по 10 участниц. В состав участников входили: руководители Советов матерей АНК (различных этнических принадлежностей и регионов), представительницы академической и образовательной среды (в том числе этнокультурных объединений при АНК);

Возрастной диапазон: от 20 до 85 лет;

География: представители регионов Казахстана, столицы, городов республиканского значения.

Письменная форма включала 5 открытых вопросов, касающихся восприятия гендерных ролей, влияния этничности, межпоколенческого взаимодействия и роли Советов матерей. В среднем на заполнение анкеты участницами

уходило от 20 до 40 минут. Помимо ответов на вопросы анкеты, состоялся открытый диалог мнений. Все участницы дали добровольное согласие на участие, с полной анонимностью и возможностью отказа от ответов на любые вопросы.

Выбор именно этой целевой группы обусловлен исследовательской задачей: изучить, как воспринимается и транслируется гендерная идентичность в полиэтнической среде со стороны женщин, вовлеченных в процессы культурной социализации и воспитания. Советы матерей АНК – это уникальная форма женского гражданского участия, официально поддерживаемая государством, но действующая преимущественно на добровольной и инициативной основе. Участницы являются не только «носителницами» культурных норм, но и их интерпретаторами, воспитателями и посредниками между поколениями.

Академическая среда была включена в выборку как группа, обладающая критически восприятием и аналитическим потенциалом – для расширения перспективы за пределы «традиционного» дискурса. Совмещение практического общественного и теоретического опыта позволило собрать более сбалансированную картину.

Отбор респондентов осуществлялся методом целевой выборки. Ключевым критерием отбора являлось наличие у них непосредственного опыта участия в деятельности Советов матерей АНК. Данный подход обеспечил соответствие состава участниц целям и задачам исследования, поскольку позволил собрать информацию от информантов, обладающих релевантным опытом и компетенциями.

Критерием достаточности объема выборки выступило теоретическое насыщение. Под насыщением понимается этап сбора данных, на котором новые интервью перестают привносить дополнительную информацию, значимую для развития выделенных категорий и тем анализа. В данном исследовании насыщение было достигнуто после проведения двух фокус-групп (20 участниц), когда последующие ответы участницы стали повторять и подтверждать ранее выявленные паттерны, не добавляя принципиально новых смыслов.

Для анализа полученных данных использовался контент-анализ с элементами тематического кодирования. Все письменные ответы были предварительно отсканированы и переведены в текстовый формат, после чего были систематизированы по смысловым блокам. Выделено 4 основных тематических кластера:

1. Влияние семьи, традиции и религии на восприятие гендерных ролей;
2. Этническая специфика в понимании женственности и мужественности;
3. Роль матери в межпоколенческой передаче ценностей;
4. Практики и функции Советов матерей как агента воспитания и социализации.

Каждое утверждение респондентов было проанализировано с точки зрения частоты повторяемости, эмоциональной окраски и контекстуальной глубины. Использовался ручной метод кодирования с последующим обобщением по категориям. Такой способ обеспечил высокий уровень эмпирической насыщенности и позволил сопоставить отдельные индивидуальные высказывания с коллективными представлениями и культурными паттернами.

Исследование соответствовало принципам этики в социогуманитарных науках. Все участницы были заранее проинформированы о целях исследования, условиях участия и обработки данных. Ни одно имя, должность или регион проживания не были указаны в окончательном материале без отдельного согласия. Сбор данных осуществлялся без аудио- или видеозаписи, что дополнительно обеспечивало безопасность личной информации.

Кроме того, структура вопросов была сформулирована в нейтральной, недирективной форме, позволяющей участницам свободно выражать мнение, не подталкивая к идеологически заданным ответам. Это особенно важно при работе с темами, связанными с традицией, гендером и этнической принадлежностью.

Обзор литературы

Анализ современных исследований демонстрирует растущий интерес к изучению гендерной идентичности в полиэтнических сообществах, однако казахстанский контекст остается недостаточно изученным. Теоретической основой для большинства работ служит интерсекциональный подход Креншоу (1989), раскрывающий взаимовлияние различных категорий идентичности [8]. В казахстанской академической традиции преобладают исследования, рассматривающие гендерные аспекты отдельно от этнических процессов. Работы Кадыржановой и Беболатовой (2021) выявляют устойчивые различия в гендерных представлениях среди молодежи [2], в то время как исследование Бакытжановой и Алимбековой (2025) анализируют региональную идентичность без должного учета гендерного компонента [5]. Международные организации активно изучают казахстанский опыт: отчеты UNDP Kazakhstan (2022, 2024) фиксируют прогресс в достижении гендерного равенства [4, 9], а анализ UN Women Central Asia (2021) подчеркивает роль женщин как хранительниц национальной идентичности [7].

Значительный вклад в понимание женского политического участия вносят работы, анализирующие специфику постсоветского пространства. Исследование Какабаева (2021) раскрывает стратегии женщин в неопатриархальном контексте Казахстана [6], тогда как Мальцева (2021) анализирует процессы политической эмансипации [10]. Сравнительные исследования демонстрируют уникальность казахстанской модели: Нам (2024) изучает взаимосвязь языка обучения и гендерных установок [11], а Камилова и др. (2025) анализируют развитие гендерных исследований в академических библиотеках [12]. Особое значение имеют работы, посвященные деятельности АНК [13] и выступлениям Главы государства Касым-Жомарта Токаева на XXXIV сессии АНК [2], которые задают институциональный контекст для анализа.

Критический анализ литературы выявляет несколько существенных пробелов. Во-первых, отсутствуют комплексные исследования, рассматривающие Советы матерей АНК как гибридный институт, сочетающий традиционные и современные практики. Во-вторых, недостаточно изучены механизмы межпоколенческой трансляции гендерных норм в полиэтнической среде. В-третьих, ограниченность сравнительных исследований не позволяет адекватно оценить специфику казахстанского опыта на фоне других постсоветских стран. Кроме того, отмечается недооценка роли цифровой социализации в трансформации этнической и гендерной идентичности.

Новейшие исследования (2023-2025 гг.) демонстрируют определенный прогресс в изучении гражданского участия женщин. Работы, опубликованные в ведущих казахстанских журналах, выявляют изменения в восприятии женского лидерства, однако сохраняют региональные лакуны. Международные сравнительные исследования (UNDP, 2024) признают успехи Казахстана в продвижении гендерного равенства, но критикуют недостаточную представленность женщин на высших политических должностях. Особого внимания заслуживают работы, анализирующие влияние цифровизации на гендерные отношения, где социальные медиа становятся площадкой для пересмотра традиционных ролей.

Перспективным направлением представляется изучение Совета матерей АНК через призму концепции «гибридной институциональности», что позволяет преодолеть бинарность «традиционное – современно». Существующие исследования создают теоретическую основу для анализа, но не предлагают комплексного понимания роли женских гражданских институтов в формировании гендерной идентичности в полиэтническом Казахстане. Настоящее исследование призвано восполнить этот пробел, предложив интересекциональный анализ деятельности Советов матерей АНК как «точки сборки» между традицией и современностью, с учетом всего спектра выявленных теоретических и методологических вызовов.

Новейшие эмпирические исследования позволяют конкретизировать выявленные пробелы, в частности, в области деятельности женских институтов в полиэтническом контексте. Так, в работе А.Садвокасовой и др. выявлено женщины-лидеры в этнических меньшинствах Казахстана активно участвуют в образовании и воспитании молодежи, что усиливает как этническую, так и гражданскую идентичность [16]. Аналогично, исследование, посвященное женщинам турецкой диаспоры, показывает, что они сочетают сохранение культурных традиций с активной социальной позицией, что подчеркивает их двойственную роль [17]. Эти материалы являются важным шагом в изучении гибридной природы таких институтов, как Советы матерей, и наглядно показывают, что они функционируют на пересечении этнических и гендерных ролей, обеспечивая межпоколенческую трансляцию культурного и гражданского кода.

Вместе с тем, институциональный и гендерный контекст, в котором действуют эти женщины, остается противоречивым. С одной стороны, Казахстан демонстрирует прогресс в глобальных рейтингах по гендерному разрыву [18]. С другой, как показывают аналитические отчеты, менее 40% населения страны знакомо с понятием «гендерное равенство», а ключевыми барьерами остаются низкая представленность женщин на руководящих позициях и трудности межпоколенческого диалога [19]. Это свидетельствует о глубоком разрыве между формальными институциональными достижениями и общественными установками. Данный разрыв подтверждается исследованием З.Хамзиной и др. В сфере труда: несмотря на имплементацию международных стандартов в национальное законодательство, их практическая реализация остается слабой, что продолжает ограничивать экономические и, как следствие, политические возможности женщин [20].

Дополнительный контекст для понимания механизмов межпоколенческой трансляции задают работы, фокусирующиеся на молодежи и факторах экономического участия. Исследование С.Жаркынбековой и др. обращает внима-

ние на формирование этнолингвистической и гражданской идентичности у студенческой молодежи в современном Казахстане [21], что создает важный фон для анализа того, как молодое поколение воспринимает наследие и модели поведения, транслируемые старшими. Непосредственную связь между традиционными нормами и жизненными траекториями женщин раскрывает аналитика, где показано, что именно эти нормы оказывают отрицательное влияние на участие женщин в трудовой силе, особенно в сельской местности, тем самым формируя устойчивые межпоколенческие модели [22]. В совокупности эти источники позволяют проследить динамику трансляции гендерных и этнических ролей от старших поколений к младшим и выявить, как женское участие становится маркером этой трансформации.

Таким образом, комплексный анализ литературы выявляет диалектику женского участия в Казахстане: на микроуровне этнических сообществ женщины выступают активными конструкторами идентичности, в то время как на макроуровне они сталкиваются с институциональными и социокультурными ограничениями. Рассмотренные источники не только подтверждают актуальность заявленной проблематики, но и эмпирически подкрепляют ранее выявленные пробелы – в частности, отсутствие комплексных исследований гибридных институтов и механизмов межпоколенческой трансляции.

Следовательно, настоящая работа фокусируясь на деятельности Совета матерей АНК через призму интерсекционального подхода и концепции гибридной институциональности, призвана восполнить эту лакуна. Она предлагает анализ того, как в практиках этого института преодолевается или воспроизводится указанная диалектика, и как именно осуществляется «сборка» гендерной и этнической идентичности в точке их пересечения.

Результаты исследования

Эмпирический анализ данных выявил комплекс факторов, определяющих формирование гендерной идентичности в полиэтнической среде Казахстана. Участницы единодушно подтвердили, что базовые гендерные установки формируются преимущественно в семейном контексте, где роль матери рассматривается как центральная [7]. Характерно, что в ответах респонденток постоянно звучали метафорические выражения типа «всё начинается с семьи» и «что заложено в гнезде – то и несет человек дальше», что подчеркивает глубину влияния первичной социализации на гендерные представления.

«Қоғамда әйелдер мен ерлердің өз рөлдерін қабылдауына ең көп әсер ететін нәрсе отбасылық тәрбие. "Ұяда не көрсен ұшқанда соны ілерсің" деп тегін айталмаған. Мемлекеттік гендерлік саясатының да ықпалы болады. (Важнейшим фактором, влияющим на восприятие ролей женщин и мужчин в обществе, является семейное воспитание. Недаром гласит поговорка: «Что видишь в гнезде, то и летишь». Государственная гендерная политика также оказывает влияние.)» (ФГ-2, участница 10).

«Воспитание в семье, среда, общество. Это касается мужчин и женщин» (ФГ-1, участница 1).

Как отмечали участницы, «если мать показывает, что мужчина и женщина – партнеры, а не подчинённые друг другу, дети это впитывают с раннего возраста». (ФГ-2, участница 1).

При этом дополнительными факторами выступают медиа, религия, образование и законодательство, включая влияние государственной гендерной по-

литики и стратегических документов, таких как «Ұлттық рухани жаңғыру».

Исследование показало значительную вариативность гендерных моделей в различных этнокультурных сообществах. В группах с сильными патриархальными традициями, таких как чеченское, узбекское и курдское сообщества, сохраняется мужская доминанта, тогда как в корейском и славянском сообществах наблюдается более выраженное равенство [2].

«Бүгінгі таңда әлемдік ахуалта байланысты өзгерістер орын алуда, алайда кейбір этностар арасында гендерлік рөлдер көп өзгере қоймада мысалы Азербайджан, шешен және т.б. ерлердің рөлің басым ал өзіміздің қазақ халқының гендерлік рөлінде әйелдер ерлер мен тен кейбір уақытта басымда болуы мүмкін. (Сегодня в мировой ситуации происходят существенные изменения, но гендерные роли среди некоторых этносов практически не изменились, например, среди азербайджанцев, чеченцев и т.д. доминирующей является роль мужчин, в то время как в гендерной роли нашего казахского народа женщины порой могут быть более доминирующими, чем мужчины.)» (ФГ-1, участница 10).

«В восточных семьях женщины больше занимаются семьей, детьми. В европейских 90% работают наравне с мужчинами.» (ФГ-1, участница 1).

При этом повсеместно отмечается тенденция к увеличению социальной активности женщин, которые возглавляют советы, коллективы и этнокультурные объединения.

«Так как я являюсь представителем матерей ЭКО «Тхониль – Атырау» (корейское ЭКО), безусловно, согласно традициям и культуре этого народа, мужчина – глава и кормилец семьи, но с течением времени наблюдается гендерное равенство, наш председатель – женщина, руководитель хора – женщина, основная рабочая группа – женщины. Неизменным остается уважение к старшему поколению вне зависимости от пола.» (ФГ-1, участница 9).

Наблюдаются устойчивые различия между этнокультурными моделями женственности и мужественности: в восточных этносах женщина преимущественно мать и хранительница очага, в европейских – женщина работает наравне с мужчиной. Особый интерес представляет выявленный механизм межпоколенческой трансляции гендерных норм. Данные свидетельствуют, что современная молодежь не отвергает традиции, а осуществляет их селективную адаптацию. Как отметили участницы, старшие женщины («апалар») «фильтруют, что из традиций оставить, что нет», а молодежь учится этому выбору [9]. Этот процесс свидетельствует не о конфликте поколений, а о диалогической трансформации ценностей, где мать продолжает выполнять роль ключевого агента социализации.

«Жастардың қалыптасуына апаның рөлі ерекше зар. Өйткені дәстүрдің озығы мен тозығы, жаңа европадан еліп жатқан технологиялардың електен өткізіп дұрысы мен бұрысының ақ-жарасын ажыратын беру апалардың міндеті. Тәрбиесің 70 пайызы апаның қатымен келеді. Білімнің бастауы апаның тәлімді назқарасымен бастау алады. (Роль матери особенно важна в воспитании молодёжи. Ведь её обязанность — отфильтровывать лучшие и худшие традиции, новые технологии, приходящие из Европы, и отличать правильное от неправильного. 70 процентов вашего воспитания происходит от матери. Начало знаний начинается с подхода матери к преподаванию.)» (ФГ-1, участница 2).

Многие подчёркивали, что «если девочке говорят: ты можешь всё, что хочешь, - она вырастет свободной. Если мальчику показывают, что мама – это труд, забота и уважение, - он вырастет достойным». В ряде высказываний подчеркивалась практическая функция матери – передача языка, традиций, культуры, в том числе в цифровой среде.

«В казахстанском обществе молодежь уважает, прислушивается к мнению родителей, хотя имеет современные представления, роль матери в обществе велика. Пример: молодежь активно использует мам при изготовлении роликов в тикток, инстаграм.» (ФГ-2, участница 4).

Деятельность Советов матерей АНК предстает как уникальный институт, сочетающий традиционные и современные практики. Анализ позволил систематизировать их многоуровневые функции: сохранение культурных традиций, медиация между поколениями, просветительская деятельность и профилактика конфликтов [13]. Особого внимания заслуживает характеристика этой работы, данной одной из участниц:

«Советы матерей имеют главнейшую роль в воспитании детей и молодежи. Огромный опыт всех районных, городских, областных и республиканского Советов матерей практически решая все вопросы государственной политики и гендерной сферы, вопросы по воспитанию молодежи и детей, по профилактике семейных конфликтов и т.д.» (ФГ-2, участница 8).

Участницы охарактеризовали эту работу как систему повседневных практик культурного воспитания, основанную на доверии и личном примере. Советы матерей ведут работу со школьниками, студентами, родителями, «покрытыми женщинами», проводят лекции и мероприятия направленные на укрепление ценностей.

«Советы матерей играют очень важную роль, при работе со школьниками, со студентами и в первую очередь с матерями. Закладывать правильные приоритеты, задавать нужные направления, объединять и создавать группы единомышленников – матерей, работать с «покрытыми» женщинами – основные виды работ Совета матерей.» (ФГ-1, участница 9).

Некоторые участницы акцентировали необходимость усилить медиароль Советом матерей, расширять образовательные программы, включая гендерное равенство в национальный контекст.

Важным результатом стало документирование новых форм гендерного взаимодействия. Отмечается увеличение участия мужчин в семейных обязанностях, включая уход за детьми и эмоциональную вовлеченность. Однако структурная власть остается преимущественно мужской сферой, особенно в политике и религиозных институтах. Это создает специфическую «двойную рамку» идентичности, где женщины успешно интегрируют традиционные роли с современными формами социальной активности, что становится характерной чертой гендерных отношений на постсоветском Казахстане [13].

«Женщины: 1. Активно стоят карьеру, занимают руководящие должности. 2. Откладывают брак и материнство. 3. Совмещают работу и заботу о семье.

Мужчины: 1. Все больше вовлекаются в воспитание детей. 2. Проявляют все больше эмоциональной открытости. 3. Отходят от идеи «Добытчик – единственный смысл» (ФГ-1, участница 3)

Поднималась и тема стремления женщин достичь успеха, в связи с которым они чаще совмещают карьеру и материнство, а мужчины всё больше

вовлекаются в воспитание детей. При этом традиционные установки могут вступать в противоречие с индивидуальными ценностями молодежи, особенно в интерэтнических семьях, где, по словам участниц, «в каждой семье – своё понимание, но всё уравнивается уважением и личной инициативой».

«Гендер мужчины все-таки преобладает во всех сферах. Начиная с того, что мужчина глава семейства, финансы мужчина, социум практически так же определяется мужчиной. Да изменились, женщины как получали образование, так и получают, но уже идут работать по специальности. Не все конечно, но большая часть работает по специальности, в основном это медицина и педагоги.» (ФГ-2, участница 5).

Выявленные результаты позволяют констатировать, что гендерные установки в Казахстане не являются унифицированными: они складываются на пересечении семьи, этничности, поколения и гражданского участия. Этническое разнообразие не разрушает, а усложняет гендерные представления, делая их более гибкими, но и более конфликтными. Советы матерей АНК выступают как институционализированные агенты воспитания сочетающие традиционные и современные подходы, представляя собой не только культурный ресурс, но и потенциальную точку роста для государственной политики в сфере воспитания и равенства.

Обсуждение результатов

Проведенное исследование позволило выявить комплексную динамику формирования гендерной идентичности в условиях казахстанской полиэтничности. Полученные данные демонстрируют как соответствие общемировым тенденциям, так и специфические особенности, характерные для казахстанского социума. Согласно результатам, процесс гендерной социализации осуществляется через взаимовлияние трех ключевых институтов: семьи, этнокультурной традиции и гражданских организаций, что подтверждает теоретические положения интереса этнокультурного подхода [15].

Особый интерес представляет выявленный механизм селективной адаптации культурных норм, когда традиционные гендерные модели не отвергаются, а подвергаются критическому переосмыслению и модернизации. Этот процесс осуществляется преимущественно женщинами старшего поколения («апалар»), которые выполняют функцию фильтров культурной трансмиссии. Данный феномен находит подтверждение в исследованиях UN Women Central Asia [9], где отмечается роль женщин как медиаторов между традицией и современностью.

Важным аспектом обсуждения является институциональная природа Советов матерей АНК. Наше исследование показывает, что данный институт представляет собой уникальную гибридную форму, сочетающую элементы государственной структуры и гражданской инициативы. Процесс институционализации Советов матерей можно рассматривать как важный элемент формирования этнополитической стабильности Казахстана. Такой симбиоз позволяет эффективно реализовывать как задачи государственной культурной политики, так и отвечать на запросы местных сообществ. Подобная институциональная гибкость обеспечивает устойчивость и адаптивность гендерных практик в условиях социальной трансформации.

Сравнительный анализ показывает, что подобные женские структуры,

действующие на стыке культуры и воспитания, известны и в других странах: в Южной Африке (community mothers programs), Канаде (советы матерей аборигенных общин), Кыргызстане (женские советы при айыл окмоту). Однако казахстанский опыт отличается высокой институциональной интеграцией в государственную политику, что делает Советы матерей важным элементом гибридной модели культурного управления [5]. Эта особенность была отмечена в выступлении Главы государства Касым-Жомарта Токаева на на XXXIV сессии АНК, где подчеркивалась большая работа Советов матерей по укреплению института семьи и продвижению общенациональных ценностей [2].

Обнаруженные этнические различия в восприятии гендерных ролей требуют осторожной интерпретации. С одной стороны, данные подтверждают выводы казахстанских исследователей о значительной вариативности гендерных представлений [3]. С другой стороны, наше исследование показывает, что эти различия не приводят к конфронтации, а существуют в рамках общей системы ценностей, основанной на принципах межэтнического согласия. Этот вывод с данными международных организаций [4], отмечающих успешность казахстанской модели межэтнической интеграции. Академическая среда в изучении этого вопроса выступает платформой, где формируется интеллектуальная основа для развития женского лидерства, исследовательской активности и критической рефлексии национальных и этнокультурных нарративов, что делает гендерные ресурсы неотъемлемой частью процесса формирования инклюзивной национальной идентичности Казахстана, вобравшей в себя опыт, ценности и голоса женщин разных отношений и поколений [12].

Феномен «двойной рамки» гендерной идентичности, выявленный в исследовании, заслуживает особого внимания. Наличие параллельных традиционных и современных моделей гендерного поведения свидетельствует о незавершенности процессов модернизации и сложном характере трансформации гендерных отношений на постсоветском пространстве. Этот аспект требует дальнейшего изучения в сравнительной перспективе с другими странами региона. Участницы исследования предлагают конкретные пути развития этой гибридности через «повышение узнаваемости Советов через медиа, усиление роли в школах и колледжах, включение в программ по гендерной культуре в совместные проекты АНК и Министерства образования».

Особого внимания заслуживает выявленная в исследовании практика работы Советов матерей через доверие, личный пример и убеждающую силу. Участие женщин в общественных движениях в Казахстане можно рассматривать как процесс расширения границ национальной идентичности, где формируется новая модель казахстанского гражданства – активная, критически мыслящая, ориентированная на социальную справедливость и демократические принципы [10, 11]. Этот подход, сочетающий традиционные методы воспитания с современными формами коммуникации, представляет значительный интерес для изучения эффективных стратегий гендерной социализации в полиэтнических обществах.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о многоуровневом характере формирования гендерной идентичности в полиэтническом обществе Казахстана. Установлено, что данный процесс осуществляется через взаимо-

действие семейных, этнокультурных и гражданских институтов, причем семья сохраняет роль первичного агента социализации. Особое значение имеет выявленная роль матери как центральной фигуры в трансляции и адаптации гендерных норм, что подтверждает выводы предыдущих исследований [4] и одновременно раскрывает новые аспекты этого процесса.

Деятельность Советов матерей АНК представляет собой уникальный пример институционального гибрида, успешно сочетающего традиционные практики с современными формами гражданского участия. Этот институт выполняет важнейшие функции сохранения культурного наследия, межпоколенческой медиации и социального воспитания, выступая значимым фактором укрепления общественной стабильности. Выявленный механизм селективной адаптации традиционных норм открывает новые перспективы для понимания процессов культурной трансформации в современных обществах.

Научная новизна исследования обусловлена постановкой исследовательской проблемы и характером эмпирических данных. Установлено, что Советы матерей АНК обладают гибридной институциональной природой, сочетающей функции сохранения этнокультурного наследия и адаптации традиционных ценностей к задачам современной государственной политики. Тем самым опровергается трактовка данного института как исключительно архаичного элемента общественной структуры. Выявлен механизм селективной трансмиссии культурных норм, реализуемый женщинами старшего поколения, который заключается в отборе и фильтрации гендерных установок, релевантных для социализации молодежи в условиях урбанизации. Обосновано, что женское гражданское участие через Советы матерей представляют собой особую форму политической активности, реализуемую в сфере повседневных социальных практик и межпоколенческого взаимодействия.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования её результатов для разработки образовательных программ гендерного просвещения, совершенствования государственной политики в сфере межэтнических отношений и развития программ поддержки женского лидерства. Особую ценность представляют выявленные эффективные практики межпоколенческого диалога и культурной медиации, которые могут быть использованы в деятельности различных гражданских институтов.

Перспективными направлениями дальнейших исследований видятся сравнительный анализ деятельности Советов матерей с аналогичными институтами в других странах Центральной Азии, изучение трансформации мужских гендерных ролей в полиэтнической среде, а также анализ влияния цифровизации на процессы гендерной социализации в местных сообществах. Расширение эмпирической базы за счет включения более репрезентативной выборки и применения mixed-methods подходов позволит углубить понимание выявленных закономерностей.

Источник финансирования исследований

Статья подготовлена в рамках проекта Грантового финансирования Комитета науки МНВО РК АР26102027 «Социально-политическая депривация и ее влияние на межэтническую консолидацию и общественный оптимизм в густонаселенных регионах Казахстана»

Список литературы

1. Tajfel, H., & Turner, J. C. (1979). An integrative theory of intergroup conflict. In W. G. Austin & S. Worchel (Eds.), *The social psychology of intergroup relations* (pp. 33–47). Brooks/Cole.
2. Токаев К.-Ж. К. Выступление на XXXIV сессии Ассамблеи народа Казахстана. – Астана, 24 апреля 2025 г. – Режим доступа: <https://www.akorda.kz>. – Дата обращения: 24.04.2025;
3. Кадыржанова А., Бекболатова С. Гендерные аспекты развития гражданского общества в Казахстане // Вестник КазНУ. Серия «Социология». – 2021. – №2 (76). – С. 45-53;
4. UNDP Kazakhstan. Gender Equality Strategy in Kazakhstan 2022-2025. – Нур-Султан: United Nations Development Programme, 2022. – Режим доступа: <https://www.undp.org/kazakhstan/> - Дата обращения: 18.11.2025;
5. Бақытжанова А., Алимбекова Г. Региональная идентичность и национальное единство в Казахстане: преодоление неравенства доходов и перспективы // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия: Социологические и политические науки. – 2025. – Т. 90. - №2. – С. 39-64;
6. Kakabayeva E. Navigating, Carving, Bargaining: Women's Political Subjectivities in Neo-patrimonial Kazakhstan: дис. – Msc thesis, Central European University, Vienna, Austria, 2021.
7. UN Women Central Asia. Women in Kazakhstan: Preserving national identity and promoting progress [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: <https://eca.unwomen.org/en/stories/feature-story/2021/07/women-in-kazakhstan-preserving-national-identity>. – Дата обращения: 18.11.2025;
8. Crenshaw K. Demarginalizing the intersection of race and sex: A Black feminist critique of antidiscrimination doctrine // University of Chicago Legal Forum. – 1989. - №1. – С. 139-167;
9. UN Development programme (UNDP)Kazakhstan. Public perception of gender equality and expansion of women's rights and opportunities in Kazakhstan [Электронный ресурс]. – Астана, 2024. – Режим доступа: <https://www.undp.org/kazakhstan/publications/public-perception-gender-equality-and-expansion-womens-rights-and-opportunities-kazakhstan>. – Дата обращения: 18.11.2025;
10. Maltseva E. Women's political empowerment in post-soviet Kazakhstan // Gendering post-soviet space: Demography, labor market and values in empirical research. – 2021. – С. 333-357.
11. Nam A. Medium of instruction, national identity and attitudes towards gender roles in Kazakhstan // The Political Economy of Education in Central Asia: Evidence from the Field. – Singapore: Springer Nature Singapore, 2024. – С. 143-162;
12. Kamilova Y., Agabekova Z., Yap J. Exploring gender studies resources in Kazakhstani academic libraries: Collection development in a post-Soviet state // Collection Management. – 2025. – С. 1-23;
13. Ассамблея народа Казахстана. Советы матерей при АНК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://assembly.kz/ru/structurey-ank/sovety-materey-pri-ank/>. – Дата обращения: 18.11.2025;
14. Abylgazina K., Abirbek S., Onyinyechi Doris Chima. Ethno-mediation in conflict prevention: an insight on the council of Aksakals and the Council of Mothers [Электронный ресурс] // Nazarbayev University Graduate School of Public Policy. – 2024. – November/ - режим доступа: <https://nur.nu.edu.kz/items/1ebc37f7-e12a-495e-926c-16a2f550b438> (дата обращения: 18.11.2025);
15. UNDP Kazakhstan. Gender equality and social inclusion in Kazakhstan: Annual report 2022 [Электронный ресурс]. – Алматы, 2022. – Режим доступа: <https://www.kz.undp.org/content/kazakhstan/ru/home/library/gender-equality-and-social-inclusion.html>. – Дата обращения: 18.11.2025;
16. Sadvokassova A., Otar E., Kim G., Nakipbayeva J. The role and place of women

of ethnic communities in identity construction in Kazakhstan // Public Administration and Civil Service. – 2024. – Vol. 8, No. 1. – DOI: 10.52123/1994-2370-2024-1283;

17. Nakipbayeva Z. Identity and daily life of Turkish women in Turkestan Region and Shymkent City // The Eurasia Proceedings of Educational and Social Sciences. – 2024. – Vol. 39. – P. 185-200. – DOI: 10.55549/epess.884;
18. The Astana Times. Kazakhstan climbs in global gender gap ranking, UN Women applauds progress, calls for further measures [Электронный ресурс]. – 2023. – Июль. – Режим доступа: <https://astanatimes.com/2023/07kazakhstan-climbs-in-global-gender-gap-ranking-un-women-applauds-progress-calls-for-further-measures/>. – Дата обращения: 18.11.2025;
19. UNDP Kazakhstan. Under 40 percent of Kazakhstan citizens know what gender equality is – analytical report on women's rights and opportunities in Kazakhstan [Электронный ресурс]. – 2024. – 5 марта. – Режим доступа: <https://www.undp.org/kazakhstan/press-releases/under-40-percent-kazakhstan-citizens-know-what-gender-equality-analytical-report-womens-rights-and-opportunities-kazakhstan>. – Дата обращения: 18.11.2025;
20. Khamzina Z. Buribayev Y., Taitorina B., Yessengazieva A., Kuttygalieva A. Towards nondiscrimination and gender equality: The role of international labor standards // Sustainability. – 2022. – Vol. 14, No. 9. – Article 5349. – DOI: 10.33390/su14095349;
21. Zharkynbekova S., Ayupova G., Galiyeva B., Shakhputova Z., Zabrodskaja A. Ethno-Linguistic Identity of Kazakhstan Student Youth in Modern Multinational Context of Kazakhstan (Sociolinguistic Analysis of Empirical Research) // Languages. – 2025. – Vol. 10, No. 2. – Article 33. – DOI:10.3390/languages10020033;
22. Akylbayeva G., Mussabekova A. Factors impact on women's participation in the workforce in Kazakhstan // Universum: экономика и юриспруденция. – 2023. – № 4 (103). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/factors-impact-on-womens-participation-in-the-workforce-in-kazakhstan>. – Дата обращения: 25.11.2025.

References:

1. Tajfel, H., & Turner, J. C. (1979). An integrative theory of intergroup conflict. In W. G. Austin & S. Worchel (Eds.), *The social psychology of intergroup relations* (pp. 33–47). Brooks/Cole.
2. Tokaev K.-Zh. K. Vystuplenie na XXXIV sessii Assamblei naroda Kazahstana [Speech at the KSIV session of the Assembly of the People of Kazakhstan]. – Astana, 24 aprelya 2025 g. – Rezhim dostupa: <https://www.akorda.kz>. – Data obrashcheniya: 24.04.2025;
3. Kadyrzhanova A., Bekbolatova S. Gendernye aspekty razvitiya grazhdanskogo obshchestva v Kazahstane [Gender aspects of civil society development in Kazakhstan] // Vestnik KazNU. Seriya «Sociologiya». – 2021. – №2 (76). – S. 45-53;
4. UNDP Kazakhstan. Gender Equality Strategy in Kazakhstan 2022-2025. – Nur-Sultan: United Nations Development Programme, 2022. – Rezhim dostupa: <https://www.undp.org/kazakhstan/> - Data obrashcheniya: 18.11.2025;
5. Vakytzhanova A., Alimbekova G. Regional'naya identichnost' i nacional'noe edinство v Kazahstane: preodolenie neravenstva dohodov i perspektivy [Regional Identity and National Unity in Kazakhstan: Overcoming Income Inequality and Prospects] // Vestnik KazNPU im. Abaya. Seriya: Sociologicheskie i politicheskie nauki. – 2025. – T. 90. - №2. – S. 39-64;
6. Kakabayeva E. Navigating, Carving, Bargaining: Women's Political Subjectivities in Neo-patrimonial Kazakhstan: дис. – Msc thesis, Central European University, Vienna, Austria, 2021.
7. UN Women Central Asia. Women in Kazakhstan: Preserving national identity and promoting progress [Elektronnyj resurs]. – 2021. – Rezhim dostupa: <https://>

- eca.unwomen.org/en/stories/feature-story/2021/07/women-in-kazakhstan-pre-serving-national-identity. – Data obrashcheniya: 18.11.2025;
8. Crenshaw K. Demarginalizing the intersection of race and sex: A Black feminist critique of antidiscrimination doctrine // University of Chicago Legal Forum. – 1989. - №1. – S. 139-167;
 9. UN Development programme (UNDP)Kazakhstan. Public perception of gender equality and expansion of women's rights and opportunities in Kazakhstan [Elektronnyj resurs]. – Astana, 2024. – Rezhim dostupa: <https://www.undp.org/kazakhstan/publications/public-perception-gender-equality-and-expansion-womens-rights-and-opportunities-kazakhstan>. – Data obrashcheniya: 18.11.2025;
 10. Maltseva E. Women's political empowerment in post-soviet Kazakhstan // Gendering post-soviet space: Demography, labor market and values in empirical research. – 2021. – S. 333-357.
 11. Nam A. Medium of instruction, national identity and attitudes towards gender roles in Kazakhstan // The Political Economy of Education in Central Asia: Evidence from the Field. – Singapore: Springer Nature Singapore, 2024. – S. 143-162;
 12. Kamilova Y., Agabekova Z., Yap J. Exploring gender studies resources in Kazakhstani academic libraries: Collection development in a post-Soviet state // Collection Management. – 2025. – S. 1-23;
 13. Assambleya naroda Kazahstana. Sovety materej pri ANK [Assembly of the People of Kazakhstan. Mothers' Councils under the ANK] [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://assembly.kz/ru/structurey-ank/sovety-materej-pri-ank/>. – Data obrashcheniya: 18.11.2025;
 14. Abylgazina K., Abirbek S., Onyinyechi Doris Chima. (2024) Ethno-mediation in conflict prevention: an insight on the council of Aksakals and the Council of Mothers. Nazarbayev University Graduate School of Public Policy. – 2024. – November/ - Rezhim dostupa: <https://nur.nu.edu.kz/items/1ebc37f7-e12a-495e-926c-16a2f550b438> (Data obrashcheniya: 18.11.2025);
 15. UNDP Kazakhstan. Gender equality and social inclusion in Kazakhstan: Annual report 2022 [Elektronnyj resurs]. – Almaty, 2022. – Rezhim dostupa: <https://www.kz.undp.org/content/kazakhstan/ru/home/library/gender-equality-and-social-inclusion.html>. – Data obrashcheniya: 18.11.2025;
 16. Sadvokassova A., Otar E., Kim G., Nakipbayeva J. The role and place of women of ethnic communities in identity construction in Kazakhstan // Public Administration and Civil Service. – 2024. – Vol. 8, No. 1. – DOI: 10.52123/1994-2370-2024-1283;
 17. Nakipbayeva Z. Identity and daily life of Turkish women in Turkestan Region and Shymkent City // The Eurasia Proceedings of Educational and Social Sciences. – 2024. – Vol. 39. – P. 185-200. – DOI: 10.55549/epess.884;
 18. The Astana Times. Kazakhstan climbs in global gender gap ranking, UN Women applauds progress, calls for further measures [Elektronnyj resurs]. – 2023. – Iyul'. – Rezhim dostupa: <https://astanatimes.com/2023/07/kazakhstan-climbs-in-global-gender-gap-ranking-un-women-applauds-progress-calls-for-further-measures/>. – Data obrashcheniya: 18.11.2025;
 19. UNDP Kazakhstan. Under 40 percent of Kazakhstan citizens know what gender equality is – analytical report on women's rights and opportunities in Kazakhstan [Elektronnyj resurs]. – 2024. – 5 marta. – Rezhim dostupa: <https://www.undp.org/kazakhstan/press-releases/under-40-percent-kazakhstan-citizens-know-what-gender-equality-analytical-report-womens-rights-and-opportunities-kazakhstan>. – Data obrashcheniya: 18.11.2025;
 20. Khamzina Z. Buribayev Y., Taitorina B., Yessengazieva A., Kuttygalieva A. Towards nondiscrimination and gender equality: The role of international labor standards // Sustainability. – 2022. – Vol. 14, No. 9. – Article 5349. – DOI: 10.33390/su14095349;
 21. Zharkynbekova S., Ayupova G., Galiyeva B., Shakhputova Z., Zabrodskaja A. Ethno-Linguistic Identity of Kazakhstan Student Youth in Modern Multinational Context of Kazakhstan (Sociolinguistic Analysis of Empirical Research)

// Languages. – 2025. – Vol. 10, No. 2. – Article 33. – DOI:10.3390/languages10020033;

22. Akylbayeva G., Mussabekova A. Factors impact on women's participation in the workforce in Kazakhstan // Universum: ekonomika i yurisprudenciya. – 2023. - № 4 (103). – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/factors-impact-on-womens-participation-in-the-workforce-in-kazakhstan>. – Data obrashcheniya: 25.11.2025.

Материал поступил в редакцию 26.11.2025

Утвержден к публикации 19.03.2026

COMPARATIVE ANALYSIS OF INTERNATIONAL MODELS OF R&D COMMERCIALISATION AND THEIR ADAPTATION FOR KAZAKHSTAN

Aiganym Sheriyazdan^{1*}

Bibigul Byulegenova²

Nurcan Özgür³

^{1*} Doctoral Student L.N. Gumilyov Eurasian National University; Astana, Kazakhstan, e-mail: aiga.sheriyazdan@gmail.com, ORCID ID: 0009-0003-7133-6337

² Associate Professor L.N. Gumilyov Eurasian National University, Candidate of Political Sciences; Astana, Kazakhstan, e-mail: bibigul_bb@mail.ru, ORCID ID: 0000-0001-7810-9653.

³ Professor, Department of Political Science and International Relations, Istanbul University; Istanbul, Turkey, e-mail: nurcanozgur@gmail.com, ORCID ID: 0000-0001-6096-722X

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2026.114.1.007>

Abstract. This article examines international models of research and development (R&D) commercialisation and their adaptation within the framework of the state policy of the Republic of Kazakhstan in the field of science and innovation. A comparative analysis of institutional and financial mechanisms that ensure the effectiveness of technology transfer in leading countries namely the United States, Canada, Australia, South Korea, and the European Union is conducted. The results of the study indicate that successful commercialization systems are built upon strong university–industry collaboration, well-developed technology transfer infrastructure, hybrid financing mechanisms, and a clear regulatory framework. Particular attention is given to the analysis of the Kazakhstani model, including the identification of key barriers and potential directions for its improvement.

The findings of this research may be applied in the development of state policy in the fields of science, innovation, and technological advancement.

Keywords. *science commercialisation, technology transfer, innovation policy, R&D, international experience, Kazakhstan, state regulation.*

ҒЗТҚЖ КОММЕРЦИЯЛАНДЫРУДЫҢ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҮЛГІЛЕРІ ЖӘНЕ ОЛАРДЫ ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ МЕМЛЕКЕТТІК САЯСАТЫНА БЕЙІМДЕУ

Айғаным Шерияздан^{1*}, Бибігүл Бөлегенова², Нуркан Озгюр³

^{1*}Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің докторанты

²Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің қауымдастырылған профессоры, саяси ғылымдарының кандидаты

³Профессор, саясаттану және халықаралық қатынастар кафедрасы, Стамбул университеті

Андапта. Бұл мақалада ғылыми зерттеулер мен әзірлемелерді (ҒЗТҚЖ) коммерцияландырудың халықаралық үлгілері және оларды Қазақстан Республикасының ғылым мен инновациялар саласындағы мемлекеттік саясатына бейімдеу мәселелері қарастырылады. Зерттеу барысында АҚШ, Канада, Аустралия, Оңтүстік Корея және Еуропалық Одақ елдеріндегі технологиялар трансфері жүйесінің институционалдық және қаржылық тетіктеріне салыстырмалы талдау жүргізілді. Халықаралық тәжірибе университеттер мен өнеркәсіп арасындағы тұрақты әріптестік, технологиялар трансфері инфрақұрылымының дамуы, аралас қаржыландыру тетіктері және тиімді құқықтық реттеу жүйесі коммерцияландырудың негізгі факторлары екенін көрсетеді. Сонымен қатар Қазақстандағы ғылыми нәтижелерді коммерцияландыру жүйесінің институционалдық шектеулері мен даму әлеуеті талданды. Зерттеу нәтижелері халықаралық тәжірибені ескере отырып Қазақстанның ғылыми-инновациялық саясатын жетілдіру бағыттарын анықтауға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: ғылымды коммерцияландыру, технологиялар трансфері, инновациялық саясат, ҒЗӨ, халықаралық тәжірибе, Қазақстан, мемлекеттік реттеу.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ МОДЕЛИ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ НИОКР И ИХ АДАПТАЦИЯ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Айғаным Шерияздан^{1*}, Бибигуль Бюлегенова², Нуркан Озгюр³

^{1*}Докторант Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева

²Ассоциированный профессор Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, кандидат политических наук

³Профессор кафедры политологии и международных отношений, Стамбульский университет

Аннотация. В данной статье рассматриваются международные модели коммерциализации научных исследований и разработок (НИОКР) и вопросы их адаптации к государственной политике Республики Казахстан в

области науки и инноваций. В ходе исследования проведён сравнительный анализ институциональных и финансовых механизмов системы трансфера технологий в США, Канаде, Австралии, Южной Кореи и странах Европейского союза. Международный опыт показывает, что ключевыми факторами коммерциализации являются устойчивое партнёрство между университетами и промышленностью, развитие инфраструктуры трансфера технологий, смешанные механизмы финансирования и эффективная система правового регулирования. Также проанализированы институциональные ограничения и потенциал развития системы коммерциализации научных результатов в Казахстане. Результаты исследования позволяют определить направления совершенствования научно-инновационной политики Казахстана с учётом международного опыта.

Ключевые слова: коммерциализация науки, трансфер технологий, инновационная политика, НИОКР, международный опыт, Казахстан, государственное регулирование.

Introduction

The development of scientific research and its commercialisation are key factors in ensuring sustainable economic growth, innovative competitiveness, and technological sovereignty. In many countries, the transition from a «science for science's sake» model to a «science for the economy» model is driven by a combination of institutional reforms, legal incentives, and a well-developed technology transfer infrastructure [1].

In the context of globalisation, science is becoming not only an element of domestic policy but also an instrument of international competitiveness and a tool of state «soft power». Therefore, the study of international models of R&D commercialisation and their adaptation to national contexts is of strategic importance for Kazakhstan.

In the Republic of Kazakhstan, strategic priorities are defined by the Concept for the Development of Higher Education and Science for 2023-2029, which provides for the strengthening of cooperation between higher and postgraduate education institutions, research organisations, and businesses; the development of technology transfer mechanisms; and the improvement of research productivity. One of the key targets is to increase R&D expenditure to 1% of GDP by the end of the implementation period [2].

According to the National Academy of Sciences, internal R&D expenditures in 2023 amounted to 172.6 billion tenge (approximately USD 383 million), which is 42% higher than in 2022. However, the funding structure remains imbalanced: 74.3% comes from the national budget, 16% from organisations' own resources, and only 5% from the private sector. At the same time, the GERD-to-GDP ratio (0.145%) is significantly lower than in OECD countries, where it exceeds 2.5–3% [1].

Despite these positive trends, the institutional structure of commercialisation in Kazakhstan remains insufficiently integrated: interactions between science, business, and government are sporadic, and private sector participation in research financing remains limited.

This study aims to conduct a comparative analysis of international R&D

commercialisation models and to identify mechanisms applicable to improving Kazakhstan's science and innovation policy.

The research objectives include:

1. To characterise institutional commercialisation models in leading countries (the United States, Canada, Australia, the Republic of Korea, and EU countries).
2. To analyse international methodologies for assessing the effectiveness of technology transfer centres (ATTP, AUTM).
3. To compare identified practices with Kazakhstan's national context.

To develop proposals for adapting best practices, taking into account the country's resource and institutional specificities.

The main research question is: Which international models of R&D commercialisation are the most effective, and which elements of these models can be adapted to enhance the effectiveness of Kazakhstan's state policy in science and innovation?

The study hypothesises that the adaptation of key elements of international R&D commercialisation models, including the legal autonomy of universities in intellectual property management, hybrid financing mechanisms (grants and private investment), a well-developed technology transfer infrastructure, and partnerships with business, will increase the effectiveness of the state policy of the Republic of Kazakhstan in the field of science and innovation and accelerate the integration of scientific developments into the economy.

Scientific novelty of the research: The scientific novelty of the study lies in its comprehensive comparative institutional analysis of international R&D commercialisation models, with a focus on identifying mechanisms for their adaptation to the conditions of the national innovation system of the Republic of Kazakhstan. Unlike most existing studies, which focus primarily on individual countries or specific technology transfer tools, this paper proposes a systematic approach to comparing the institutional, financial, and organisational parameters of the commercialisation of scientific developments. This approach made it possible to identify key institutional gaps between international models and Kazakhstani practice and to formulate directions for the institutional transformation of the system of scientific results commercialisation.

Literature Review

The commercialisation of scientific research and development (R&D) occupies a central place in contemporary academic literature, as it is widely recognised as a key mechanism for transforming scientific knowledge into economic and social value.

A significant contribution to the theoretical understanding of technology transfer processes has been made by the Triple Helix concept developed by H. Etzkowitz and L. Leydesdorff. This model emphasises the importance of close interaction between universities, industry, and government in driving innovation [3].

A number of studies focus on institutional factors that determine the effectiveness of the commercialisation of scientific results. In their study of university–industry cooperation, J. Bruneel and co-authors note that the key barriers to interaction between the academic and industrial sectors are differences in organisational goals, institutional logics, and project time horizons [4]. According to the authors, universities are oriented towards long-term scientific outcomes and academic freedom, whereas businesses prioritise rapid commercial impact and market returns. Overcoming these

barriers requires the development of specialised intermediary institutions such as technology transfer offices, innovation centres, and technology parks.

International research also highlights the growing role of universities as key actors in the innovation economy. In their work, Sh. Breznitz and H. Etzkowitz analyse global models of university technology transfer and note that, in developed countries, universities are becoming centres for the commercialisation of scientific knowledge, forming innovation clusters, start-up ecosystems, and mechanisms of interaction with industry [5]. The authors emphasise that successful commercialisation models are based on a well-developed institutional infrastructure, including technology transfer offices, venture funds, business incubators, and intellectual property protection mechanisms.

Within the framework of the economic approach to the analysis of innovation systems, the theory of national innovation systems proposed by B. Lundvall has had a significant impact. According to this concept, innovative development is determined not only by the level of scientific research but also by the quality of interaction between universities, industry, and government institutions. The commercialisation of scientific results is regarded as an important element in strengthening a country's innovation potential and technological competitiveness [11].

A separate strand of research is concerned with the factors affecting the effectiveness of the commercialisation of scientific results. Contemporary empirical studies show that the effectiveness of technology transfer depends on factors such as the level of R&D funding, the availability of a well-developed commercialisation infrastructure, the human capital of research organisations, and the degree of private sector involvement. For example, G. Alibekova, B. Yedgenov, and E. Mynbayeva conduct a comparative analysis of the factors affecting the commercialisation of scientific developments in different countries, showing the significant influence of the institutional environment and funding structure on innovation outcomes [12].

At the same time, a number of studies indicate the existence of structural barriers to the development of university–industry cooperation. In particular, the study by K. Moldashev and B. Sakhimbek shows that, in Kazakhstan, interaction between universities and industry remains limited due to institutional barriers, low levels of trust among participants in the innovation system, and the insufficient development of technology transfer infrastructure [13].

Thus, the analysis of the academic literature makes it possible to identify several key approaches to the study of R&D commercialisation: institutional, economic, and organisational. Despite the considerable volume of research, most studies focus on the experience of developed countries, while the adaptation of international commercialisation models to developing innovation systems, including Kazakhstan, remains insufficiently explored. This underscores the relevance of the present study and the need for a comparative analysis of international R&D commercialisation models in order to identify mechanisms applicable to improving the state policy of the Republic of Kazakhstan in the field of science and innovation.

Institutional Models of Commercialisation in Developed Countries

One of the most successful and sustainable models of research commercialisation is considered to be the American model, based on the Bayh-Dole Act (1980), which granted universities ownership rights over the results of federally funded research. This law created the legal foundation for an innovation ecosystem in which

universities became active participants in the commercial circulation of knowledge.

The implementation of the Act led to the establishment of a network of Technology parks Licensing Offices (TLOs), venture funds, business incubators, and industrial parks affiliated with universities. By the late 1990s, the United States had become a global leader in the number of university patents and start-ups created on the basis of academic research. These processes are supported by professional associations such as AUTM (Association of University Technology Managers) and ATTP (Alliance of Technology Transfer Professionals) [6].

Canada applies a similar model but with a more prominent role of federal agencies such as NSERC, NRC, and CECR. Commercialisation there is integrated into national science programmes and supported by hybrid funding mechanisms: base grants for universities are combined with investments from industrial partners. This approach has led to the creation of dozens of commercialisation centres embedded within universities, ensuring sustainable links between academia and industry [7].

In Australia, the institutional model of commercialisation is based on strong connections between research centres and industry. The Cooperative Research Centres (CRC) system unites universities, research organisations, and private companies around shared applied objectives. Within each CRC, joint laboratories are established where research results are immediately translated into industrial implementation [8].

South Korea demonstrates a unique example of state–industry partnership. The KAIST system, supported by the Ministry of Science and ICT, provides a complete vertical structure from fundamental research to market-ready products [9]. The government plays a strategic role by investing in infrastructure, training professionals, and integrating universities with major industrial conglomerates such as Hyundai, Kia, and Samsung.

According to comparative international studies (OECD, ATTP), the efficiency of commercialisation in developed countries is evaluated at multiple levels from universities and research institutes to national agencies. Evaluation indicators include financial metrics (ROI, profitability), innovation metrics (patents, licences, start-ups), and socioeconomic effects (job creation, technology exports) [10].

Thus, in developed countries, science commercialisation is built on four fundamental institutional principles:

1. Legal autonomy of universities in managing intellectual property rights.
2. Infrastructure support – presence of TTOs (Technology Transfer Offices), incubators, venture funds, and innovation clusters.
3. Hybrid financing mechanisms combining public grants, private investment, and venture capital.
4. Systemic coordination among government, academia, and industry.

Theoretical Foundations and Methodological Approaches to Commercialisation

In contemporary academic discourse, the commercialisation of scientific results is interpreted as a multi-level process encompassing the creation, protection, dissemination, and implementation of knowledge in economic practice. Theoretically, it aligns with the concept of National Innovation Systems (NIS) developed by B. Lundvall, in which science and technology are regarded as key drivers of long-term economic growth [11].

A central position in the methodology of commercialisation analysis is occupied by the «Triple Helix» model formulated by H. Etzkowitz and L. Leydesdorff. It posits that successful innovation development is achievable only through the mutual integration of three sectors: university, industry, and government. Within this framework, universities are viewed not merely as centres of education and research but as entrepreneurial organisations capable of producing marketable knowledge-based products [3].

The «Quadruple Helix» concept further extends this model by incorporating civil society and end-users, reflecting a shift towards open innovation. This highlights that the effectiveness of commercialisation is determined not only by technological but also by social outcomes, such as employment, sustainable development, and digital inclusivity.

From a methodological standpoint, the commercialisation process is analysed through economic, institutional, and behavioural models. Economic models assess the profitability and return on investment of R&D (ROI, IRR, NPV); institutional models examine the structure of interactions among key stakeholders; and behavioural models investigate the motivations of researchers and entrepreneurs. The combination of these approaches provides a more holistic understanding of both the financial and organisational aspects of knowledge transfer to the economy.

Kazakhstan: Institutional Barriers and National Specificities

The system of R&D commercialisation in Kazakhstan remains at a formative stage and is characterised by several structural features. According to studies by G. Alibekova, E. Mynbayeva, and B. Yedgenov, the dominance of public funding, accounting for more than 70% of total R&D expenditures, combined with a low share of private investment, constrains the sustainability of the national innovation system [10]. At the same time, the technology transfer infrastructure, including university-based Technology Transfer Offices (TTOs), business incubators, and venture funds, remains underdeveloped and is largely concentrated in major urban centres.

According to prior studies, including econometric assessments, increases in R&D expenditures and firms' innovation activity have a positive impact on the export of innovative products. However, this effect tends to be short-term due to the lack of stable linkages between research institutions and industry.

The commercialisation of science in Kazakhstan is further hindered by weak demand from the business sector, bureaucratic constraints, limited competencies in intellectual property management, and an underdeveloped entrepreneurial culture. Nevertheless, rising patent activity, the expansion of grant funding, and the growing number of commercialisation projects indicate the gradual development of certain elements of the national innovation system.

Despite these improvements, the process remains fragmented and predominantly administrative in nature: there is no unified institutional coordination, the functions of various government bodies overlap, and support for R&D is largely confined to project-based funding. According to K. Moldashev and B. Sakhimbek, one of the key barriers is the persistent gap between universities and industry, exacerbated by low levels of trust and the lack of stable channels of interaction [13].

To overcome these barriers, it is necessary to strengthen institutional linkages within the «science–business–government» nexus, develop a robust legal framework for intellectual property management, create venture financing instruments, and establish a national system for evaluating the effectiveness of commercialisation.

International Methodologies and Experience in Evaluating Commercialisation Effectiveness

Global practice has developed a variety of methodologies for assessing the effectiveness of commercialisation that reflect both economic and institutional dimensions. The most widely applied include:

1. Data Envelopment Analysis (DEA) – used to determine the relative efficiency of projects by comparing inputs (resources) and outputs (results) [14].
2. Structural Equation Modelling (SEM) – employed to identify interconnections among success factors (financial, personnel, technological) and overall commercialisation outcomes [15].
3. Commercialisation Capability System – a comprehensive framework for assessing an organisation’s technological, marketing, and managerial capacity [16].
4. Two-stage index models – used by the OECD and ATTP to construct comparative rankings based on composite indicators [17].

The Kazakhstani case, implemented by Science Fund JSC, represents one of the first examples of the local adaptation of international approaches. According to previously published studies, an analysis of 152 commercialisation projects over the period 2016-2018 employed a three-stage evaluation procedure:

Stage I – data collection and systematisation (financial indicators, patents, exports, taxes, sectors, and regions);

Stage II – application of regression analysis and DEA modelling methods, as reported in prior studies, to calculate sub-indices (sales, patents, employment, co-financing, fixed assets, exports, and licences);

Stage III – calculation of an integrated efficiency index.

These methods are discussed in the present study in the context of a review of previously published research and international practices for evaluating the effectiveness of commercialisation.

Materials and Methods

The purpose of this study is to identify the patterns and determinants of R&D commercialisation effectiveness in leading economies and to develop recommendations for adapting international models to enhance Kazakhstan’s science and innovation policy.

To achieve this goal, the research followed a multi-stage design that included data collection and systematisation, comparative and institutional analysis, and the interpretation of results in the context of Kazakhstan’s National Innovation System (NIS).

Empirical Base:

- Statistical data from international organisations (OECD, WIPO, World Bank, AUTM, ATTP);
- Official reports from national agencies and universities in the United States, Canada, Australia, South Korea, and EU member states;
- Regulatory acts of the Republic of Kazakhstan, such as the Law on Science and Technology Policy and the Concept for the Development of Higher Education and Science for 2023–2029;
- Analytical reports of the National Academy of Sciences and JSC «Science Fund»;
- Scientific publications on the commercialisation of scientific developments.

The following methods were used in the study:

1. Comparative institutional analysis – to identify the specifics of legal regulation, organizational structure and financing mechanisms of R&D commercialisation systems in various countries.

2. Content analysis of regulatory documents, strategic programs and analytical reports of international organizations (OECD, WIPO, AUTM, ATTP).

3. Comparative analysis of statistical indicators of innovation development (GERD), R&D financing structure, indicators of patent activity, development of technology transfer infrastructure.

The use of these methods made it possible to identify the institutional features of international R&D commercialisation models and the mechanisms that can be adapted to the national innovation system of Kazakhstan.

Stages of the Study:

- collection and organisation of international and national data on commercialisation mechanisms and institutional frameworks;

- classification of models according to key parameters, including legal foundations, financing structures, intellectual property management, and technology transfer infrastructure;

- comparative analysis of leading countries (the United States, Canada, Australia, South Korea, and the EU) and Kazakhstan;

- comparison of Kazakhstan's commercialisation tools with international approaches to assessing the effectiveness of technology transfer presented in OECD, AUTM, and ATTP materials;

development of recommendations for institutional adaptation and policy reform.

The main question of the study was which international models of R&D commercialisation are the most effective and which elements of these models are applicable to improving Kazakhstan's science and innovation policy.

Results and Discussion

Comparative Analysis of International and Kazakhstani Models

The comparative analysis showed that the effectiveness of the commercialisation of scientific developments is largely determined by the level of institutional maturity of national innovation systems. The key factors are the structure of R&D financing, the degree of autonomy of universities in managing the results of intellectual activity, the development of technology transfer infrastructure, and the nature of interaction between the academic sector and industry.

An analysis of international experience demonstrates that the United States, Canada, Australia, South Korea, and the European Union have established institutionally stable commercialisation systems based on a combination of legal autonomy of universities, a well-developed technology transfer infrastructure, and active private sector participation in research financing.

In contrast, in the Republic of Kazakhstan, the system of commercialisation of scientific results is at the stage of institutional formation and is characterized by high dependence on government funding and limited business involvement.

Table 1. Comparative features of R&D commercialisation models

Parameter	USA / Canada / EU / Korea	Kazakhstan
Legal Framework	Bayh–Dole Act (1980) and national laws granting universities ownership of IP	«Law on Science and Technology Policy» lacks dedicated IP ownership provisions
Financing	60–80% of R&D funded by the private sector	70–75% funded by the state budget
Infrastructure	Network of TTOs (Technology Transfer Offices), incubators, clusters, venture funds	Fragmented university-based offices, weak coordination
IP Management	Universities own and manage IP rights	Rights often retained by state or grantor
Evaluation	Multi-level systems: AUTM, ATTP, CECR, Business Finland	No central evaluating body; isolated methodologies
Partnerships	Strategic university–industry alliances	Episodic cooperation, low trust

Thus, developed countries display mature institutional frameworks and well-defined performance indicators, whereas Kazakhstan’s model still reflects administrative characteristics and a fragmented structure.

Key Findings of the Study

1. Institutional Differentiation

Global experience confirms that autonomous universities are more successful in commercialising their research outputs. In Kazakhstan, ministerial dependency constrains universities’ innovation activity. Granting autonomy and IP rights would significantly enhance technology transfer and attract investment.

2. Financial Structure

In OECD countries, private sector participation in R&D funding ranges from 60-80% (and exceeds 75% in South Korea). In Kazakhstan, it remains below 7%, reflecting minimal corporate involvement. This imbalance reduces market orientation and limits long-term innovation capacity.

3. Organisational and Infrastructural Maturity

In developed countries, technology transfer infrastructure is networked, encompassing Technology Transfer Offices (TTOs), technoparks, accelerators, venture funds, and industry-specific platforms. In Kazakhstan, these elements exist but operate in isolation. The absence of a unified digital platform for interaction among researchers, investors, and businesses results in a low conversion of scientific ideas into economic products.

4. Intellectual Property Management

Leading universities such as Stanford, MIT, and Cambridge operate structured systems for patenting, licensing, and revenue-sharing. Kazakhstan lacks a central IP database and a unified support framework for patents from registration to licensing, reducing investment attractiveness.

5. Evaluation and Monitoring Systems

Advanced countries employ multi-level evaluation structures – internal audits, national rankings, and annual reports. AUTM (USA) and ATTP provide standardised metrics; OECD uses innovation indices. Kazakhstan’s assessments remain fragmented, with few consistent national indicators.

Despite positive trends including growth in patenting, grants, and commercialisation projects Kazakhstan's system remains unbalanced. Most innovation efforts rely on state grants without sustainable market incentives.

Currently, commercialisation processes in Kazakhstan are mainly implemented within the framework of government grant programs and are not accompanied by sustainable market mechanisms for the introduction of scientific developments.

Identified Challenges

- absence of a fully developed technology transfer ecosystem;
- duplication of functions across ministries and subordinate agencies;
- shortage of professionals in IP management, venture investment, and innovation leadership;
- weak motivation among scientists to patent and implement research results.

According to surveys by the National Centre for Science and Technology Evaluation (NCSTE), only 8-10% of research projects reach the prototype stage, and fewer than 3% achieve commercial application. This underscores the need to reform R&D governance and introduce measurable performance criteria.

Internationally, a shift is evident from the traditional «lab-to-market» approach to an integrated innovation ecosystem, where commercialisation forms part of a continuous cycle:

Scientific research → Technological development → Patenting → Technology transfer → Entrepreneurship → Reinvestment in science.

This integrated model is already institutionalised in countries such as the USA, Finland, and South Korea, through joint laboratories, corporate R&D centres, and acceleration programmes.

For example, Business Finland and KISED (Korea Institute of Startup & Entrepreneurship Development) coordinate collaboration between universities and private enterprises by providing both financial and advisory support.

For Kazakhstan, implementing similar mechanisms is possible through institutional adaptation – specifically, by establishing a National Commercialisation Operator responsible for analytics, support, and monitoring of innovation projects.

The comparative analysis shows that differences in the institutional architecture of national innovation systems significantly affect the effectiveness of the processes of commercialisation of scientific research.

The final conclusion

The results of the comparative analysis indicate that the countries with the most developed system of commercialisation of scientific research have a number of common institutional characteristics. These include a high share of private R&D financing, a well-developed technology transfer infrastructure, university autonomy in managing intellectual property results, as well as sustainable mechanisms for interaction between science and industry.

Comparing these parameters with the Kazakh model makes it possible to identify key institutional gaps and formulate directions for reforming the R&D commercialisation system.

A comparative analysis confirms that successful commercialisation of R&D is impossible without a comprehensive institutional architecture that unites science, government and business into a single innovation space.

International experience shows that the higher the autonomy of universities, the tighter the ties with industry and the more transparent the evaluation mechanisms, the higher the level of return on investment in science.

Institutionalization of commercialisation is becoming a key task for Kazakhstan. This is the creation of a sustainable national mechanism for monitoring, supporting and evaluating performance, which will turn scientific knowledge into real economic capital and increase the country's competitiveness in the global innovation space.

A model of institutional adaptation of R&D commercialisation for Kazakhstan

The comparative analysis of international research commercialisation models allows us to form a conceptual model of institutional adaptation for the Republic of Kazakhstan.

The proposed model is based on the integration of five key elements of the innovation ecosystem:

1. The legal autonomy of universities in the management of intellectual property and technology licensing.

2. A hybrid financing system combining government grants, corporate investments and venture capital.

3. Well-developed technology transfer infrastructure, including technology transfer offices (TTOs), technology parks, incubators and acceleration programs.

4. A system for monitoring and evaluating the effectiveness of commercialisation based on international indicators (OECD, AUTM, ATTP).

5. Institutional coordination between government, universities and business, ensuring the formation of a sustainable innovation ecosystem.

Within the framework of this model, commercialisation is considered as a continuous cycle of transformation of scientific knowledge into economic value.

The implementation of this model will increase the effectiveness of the national R&D system, strengthen the interaction of science and business and ensure the sustainable integration of scientific developments into the economy of the Republic of Kazakhstan.

Recommendations

1. Establish a National Centre for Commercialisation and Technology Transfer (NCCTT) under the Ministry of Science and Higher Education. The centre should perform analytical, certification, and monitoring functions, support projects, and publish annual reports modelled after AUTM, ensuring transparency and international comparability.

2. Reform R&D Financing. Shift from predominantly budget-funded research to hybrid models involving businesses, international partners, and venture capital. Introduce tax incentives and super deductions for investment in applied research.

3. Grant Institutional Autonomy to Universities. Legally allow universities and research institutes to retain ownership of publicly funded R&D outcomes, establishing revenue-sharing mechanisms between the state, institutions, and inventors.

4. Develop Human Capital. Create a national system for training and certifying technology transfer professionals following RTTP international standards. This will foster a professional market for innovation managers and strengthen institutional capacity.

5. Digitalise Commercialisation Processes. Integrate data on research projects, patents, technology transfer offices, grants, and start-ups into the unified information system «Kazakhstan Science» platform, ensuring open access and data-driven management across academia, business, and government.

6. Implement Comprehensive Evaluation Systems. Develop and institutionalise a national methodology for assessing commercialisation efficiency, based on DEA models, OECD innovation indicators, and ATTP standards, measuring both economic and social outcomes.

Conclusion

This study demonstrates that the effectiveness of commercialising scientific and technological research results depends on a combination of institutional, financial, and managerial factors, all integrated into a single innovation ecosystem.

Global experience shows that commercialisation is not merely a means of generating profit but a strategic mechanism for economic modernisation, market diversification, and ensuring technological sovereignty.

The comparative analysis of models in the USA, Canada, South Korea, Australia, and EU member states confirms that the main drivers of successful systems are university autonomy, a developed technology transfer infrastructure, hybrid funding schemes, and stable partnerships between academia, business, and the state. Institutional structures such as AUTM, ATTP, CECR, and KAIST play a coordinating role, establishing professional standards, providing certification, and supporting the formation of international innovation networks.

For Kazakhstan, the study identifies several structural imbalances: a predominant reliance on public funding, low participation of the private sector, and the absence of a national coordinating body or unified monitoring system.

Despite positive trends – including the increase in patents, rising R&D expenditure, and the establishment of university technology transfer offices – the process remains largely administrative, lacking continuity and market mechanisms.

Transitioning from fragmented initiatives to a comprehensive innovation ecosystem requires the institutionalisation of commercialisation as a core strategic direction of national science and technology policy. This involves creating effective inter-ministerial coordination, professional certification systems, and transparent digital monitoring of innovation outcomes.

By integrating these reforms, Kazakhstan can accelerate the transfer of research results into economic value, enhance global competitiveness, and ensure sustainable development through innovation.

References:

1. Report of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan (2023), pp. 87, 91-92.
2. Concept for the Development of Higher Education and Science in the Republic of Kazakhstan for 2023-2029 (28 March 2023) № 248.

3. Ritala, P., & Huizingh, E. (2014). Business and Network Models for Innovation: Strategic Logic and the Role of Network Position. *International Journal of Technology Management*, 66(2-3), 109-119.
4. Bruneel, J., et al. (2010). Investigating the Factors That Diminish the Barriers to University-Industry Collaboration. *Research Policy*, 39(6), 858–862.
5. Breznitz, S. M., & Etzkowitz, H. (2016). *University Technology Transfer: The Globalization of Academic Innovation*. Routledge Studies in Global Competition, Vol. 31, 482 pp.
6. OECD. (2002). *Frascati Manual: Proposed Standard Practice for Surveys on Research and Experimental Development*. Paris: OECD. <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/9789264199040-en.pdf>
7. Natural Sciences and Engineering Research Council of Canada. (2021). *Annual Report 2021*. Ottawa: NSERC. https://www.nserc-crsng.gc.ca/Reports-Rapports/Index_eng.asp
8. Miles, D. A. (2015). *Growth through Innovation and Collaboration: A Review of the Cooperative Research Centres Programme*. Canberra: Department of Industry (Australia). https://business.gov.au/-/media/grants-and-programs/crc/cooperative-research-centres-miles-review-growth-through-innovation-and-collaboration.pdf?hash=BF8065CED310B63289962C64F5762B74&sc_lang=en
9. KAIST Institute for Technology Value Creation. (2024). *Intellectual Property Management*. Daejeon: Korea Advanced Institute of Science and Technology.
10. Mynbayeva, E., Alibekova, G., Yedgenov, B., & Kozhakhmetova, A. (2024). Cross-country analysis of the effectiveness of commercialization of scientific research results. *Proceedings of the International Conference on Business, Management and Finance*, pp. 47–48. <https://doi.org/10.33422/icbmf.v1i1.421>
11. Lundvall, B. (1992). *National Systems of Innovation: Towards a Theory of Innovation and Interactive Learning*. London: Pinter Publishers, pp. 342.
12. Alibekova, G. Zh., Yedgenov, B. M., Kozhakhmetova, A. K., & Mynbaeva, E. N. (2024). Evaluation of Technology Commercialization Factors in Kazakhstan. *Economy: Strategy and Practice*, 19(2), 43–45.
13. Moldashev K., Sakhimbek B. (2024). *Issues in University and Industry Collaboration: Results of a Stakeholder Survey*. *Higher Education in Kazakhstan*, vol. 4 (48), pp. 96–105.
14. Suryana, A., & Haryo, A. (2023). Performance Efficiency Measurement Model Development of a Technology Transfer Office (TTO) to Accelerate Technology Commercialization in Universities. *Entropy*, 5(1). <https://doi.org/10.3390/asi5010021>
15. Ahmadinejad, M. (2020). Knowledge Commercialization in Agricultural Higher Education: A Two-Step Approach to Structural Equation Modeling. *International Journal of Agricultural Management and Development*, 10(2), 149–166. <https://doi.org/10.22004/ag.econ.335122>
16. Karaveg, C., D'Este, P., & Salter, A. (2014). Evaluation model for research and development commercialization capability. *International Journal of Innovation & Technology Management*, 11(8), 1450073. <https://doi.org/10.1080/21693277.2014.886086>
17. OECD. (2013). *Commercialising Public Research: New Trends and Strategies*. Paris: OECD Publishing, pp. 27–32.

Материал поступил в редакцию 19.11.2025
 Утвержден к публикации 19.03.2026

AFGHANISTAN - UZBEKISTAN RELATIONS AFTER 2021: STRATEGIC PRAGMATISM IN ECONOMIC AND POLITICAL ENGAGEMENT

Bilal Naqib Jan¹

Jahan Farooq²

Leila Delovarova^{3*}

¹ PhD candidate of the Department of International Relations and World Economy, Al-Farabi Kazakh National University; Almaty, Kazakhstan, e-mail: badloon@gmail.com, ORCID ID: 0000-0002-8894-8634

² Associate professor, Nangarhar University, PhD; Nangarhar, Afghanistan, e-mail: farooqjahan706@gmail.com, ORCID ID: 0009-0007-9832-7747

^{3*} Acting Professor of the Department of International Relations and World Economy, Al-Farabi Kazakh National University, PhD; Almaty, Kazakhstan, e-mail: delovarova@mail.ru, ORCID ID: 0000-0003-3163-5933

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2026.114.1.008>

Abstract. Afghanistan remains an important factor for Central Asia not only in terms of security but also in the context of the region's connectivity and development. Furthermore, it is crucial to examine the economic potential of bilateral relations between Afghanistan and the region. One key focus of this study is relations between Afghanistan and Uzbekistan. Geography, trade, and regional political factors contribute to the historically important and strategically significant relationship between Afghanistan and Uzbekistan. Since the Taliban's return to power in Afghanistan in 2021, the nature of the Afghan economy and politics, as well as Afghanistan's interactions with its neighbor, have fundamentally changed. One focus of this study is an analysis of the development of economic and political relations between Afghanistan and Uzbekistan in the areas of trade and infrastructure development, as well as the political strategies aimed at achieving these goals. The study employs a qualitative approach to analyze key factors and challenges in bilateral cooperation, drawing on official agreements, policy documents, news, and academic sources. The results show that although Uzbekistan is actively developing economic interactions, particularly in the transport and energy sectors, long-term stability and cooperation with Afghanistan are limited by political uncertainty in the country.

Keywords: Afghanistan-Uzbekistan relations, economic cooperation, regional connectivity, Central Asia.

2021 ЖЫЛДАН КЕЙІНГІ АУҒАНСТАН-ӨЗБЕКСТАН ҚАТЫНАСТАРЫ: ЭКОНОМИКАЛЫҚ ЖӘНЕ САЯСИ ӨЗАРА ІС-ҚИМЫЛДАҒЫ СТРАТЕГИЯЛЫҚ ПРАГМАТИЗМ

Билал Накиб Джан¹, Джахан Фарук², Лейла Деловарова^{3*}

¹ Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің халықаралық қатынастар және әлемдік экономика кафедрасының PhD докторанты

² Нангархар университетінің қауымдастырылған профессоры, PhD

^{3*} Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің халықаралық қатынастар және әлемдік экономика кафедрасының профессоры міндетін атқарушы, PhD

Андағна. Ауғанстан Орталық Азия үшін қауіпсіздік тұрғысынан ғана емес, сонымен қатар аймақ үшін байланыс пен даму контекстінде маңызды фактор болып қала береді. Сонымен қатар, Ауғанстан мен аймақ елдері арасындағы екіжақты қарым-қатынастардың экономикалық әлеуетін зерттеу өте маңызды. Зерттеу үшін маңызды жағдайлардың бірі Ауғанстан мен Өзбекстан арасындағы қарым-қатынас болып табылады. География, сауда және аймақтық саяси факторлар Ауғанстан мен Өзбекстанның бір-бірімен тарихи маңызды және стратегиялық маңызды қарым-қатынасына ықпал етеді. 2021 жылы Ауғанстанда тәліптер билікке оралғаннан бері ауған экономикасы мен саясатының сипаты және Ауғанстанның көршімен қарым-қатынасы түбегейлі өзгерді. Оның мүдделерінің бірі Ауғанстан мен Өзбекстан арасындағы сауда және инфрақұрылымдық даму саласындағы экономикалық және саяси қарым-қатынастардың даму үдерісін және осы мақсаттарға жетудегі саяси стратегияларды талдау болып табылады. Зерттеу ресми келісімдерді, бағдарламалық құжаттарды, жаңалықтарды және ғылыми дереккөздерді пайдалана отырып, екіжақты ынтымақтастықтың негізгі драйверлері мен қиындықтарын талдау үшін сапалы зерттеу әдісін пайдаланады. Нәтижелер Өзбекстанның экономикалық, әсіресе көлік және энергетика секторларында белсенді түрде араласу үдерісін жүргізіп жатқанына қарамастан, Ауғанстандағы саяси белгісіздіктерге байланысты Ауғанстанмен ұзақ мерзімді тұрақтылық пен ынтымақтастық шектелгенін көрсетеді.

Түйін сөздер: *Ауғанстан-Өзбекстан қатынастары, экономикалық ынтымақтастық, аймақтық байланыс, Орталық Азия.*

АФГАНО-УЗБЕКСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД ПОСЛЕ 2021 ГОДА: СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПРАГМАТИЗМ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Билал Накиб Джан¹, Джахан Фарук², Лейла Деловарова^{3*}

¹ Докторант кафедры международных отношений и мировой экономики Казахского национального университета им. аль-Фараби

² Ассоциированный профессор Нангархарского университета, PhD

^{3*} И.о. профессора кафедры международных отношений и мировой экономики Казахского национального университета им. аль-Фараби, PhD

Аннотация. Афганистан остается важным фактором для Центральной Азии не только с точки зрения безопасности, но и в контексте взаимосвязанности и развития региона. Наряду с этим крайне важно изучить экономический потенциал двусторонних отношений между Афганистаном и странами региона. Одним из важных объектов исследования являются отношения между Афганистаном и Узбекистаном. География, торговля и региональные политические факторы способствуют исторически важным и стратегически значимым отношениям между Афганистаном и Узбекистаном. С момента возвращения Талибана к власти в Афганистане в 2021 году характер афганской экономики и политики, а также взаимодействие Афганистана с соседним государством коренным образом изменились. Одним из направлений исследования является анализ процесса развития экономических и политических отношений между Афганистаном и Узбекистаном в области торговли и развития инфраструктуры, а также политических стратегий, направленных на достижение этих целей. В исследовании используется качественный подход к анализу ключевых факторов и проблем двустороннего сотрудничества с использованием официальных соглашений, политических документов, новостных и научных источников. Результаты показывают, что, хотя Узбекистан активно развивает экономическое взаимодействие, особенно в транспортном и энергетическом секторах, долгосрочная стабильность и сотрудничество с Афганистаном ограничены политической неопределенностью в этой стране.

Ключевые слова: афгано-узбекские отношения, экономическое сотрудничество, региональная взаимосвязанность, Центральная Азия.

Introduction

With the Taliban returning to power in Afghanistan in August 2021, the neighboring states were confronted with a fundamental strategic dilemma, forcing them to readjust their foreign policy in the face of such extreme uncertainty. Dilemma case of Uzbekistan, which borders Afghanistan at an unstable 137-kilometer stretch and whose history is deeply linked to that of Afghanistan, the Dilemma was especially acute: how to balance the interests of the nation without giving an unacceptable regime.

This paper holds that the post-2021 strategy of Uzbekistan is a paradigm of strategic pragmatism: a philosophy, a view, an overlay of national interests in observation, economic connectivity, energy exports, and border control instead of ideological orientation, which is achieved in direct, transactional relations with the de facto authorities of the Taliban [4, p.17–23, 6, 24].

This paper argues that Uzbekistan's post 2021 strategy represents a distinct paradigm of strategic pragmatism: a doctrine characterized by a focus on observable national interests economic connectivity, energy exports, and border security over ideological alignment, pursued through direct, transactional relations with

the Taliban's de facto authorities [4,P.17"- 23,6,24,44]. Rather than isolating Afghanistan, Tashkent has sought to transform its southern neighbor into a critical corridor for trade and transit while simultaneously attempting to contain security externalities through calibrated engagement [6,27,33,41].

This contemporary policy is not an isolated phenomenon but the outcome of a gradual historical evolution. Under President Islam Karimov, a doctrine of defensive isolationism cast Afghanistan primarily as a source of non traditional security threats, including religious extremism, narcotics trafficking, and cross border instability [16,25]. Since 2016, under President Shavkat Mirziyoyev, Tashkent has increasingly redefined Afghanistan as a strategic corridor towards South Asian markets, anchored in flagship infrastructure projects such as the Hairatan–Mazar i Sharif railway and the proposed Trans Afghan corridor [6,7,27,41].

It is on this background that the article poses the question: has the strategic pragmatism of Uzbekistan shaped the course of economic and political relationships with Afghanistan since the Taliban came back to power in 2021? It provides a conceptually informed and empirically based examination of one of the most important bilateral relations in Central Asia that presents the combination of economic tools (trade, infrastructure, energy exports) and diplomatic ambiguity in dealing with a non-recognized regime. [3,p.45"- 62,23,37,44].

The article first situates the case within the existing scholarly literature on Afghanistan–Uzbekistan relations, economic connectivity, and regional security, tracing the emergence of strategic pragmatism as a distinct pattern in post 2021 interactions [3,16,33,37,46]. It then outlines the qualitative research design, which combines documentary analysis with elite interviews. Subsequently, it presents empirical findings on economic cooperation (trade, infrastructure, energy) and political diplomatic engagement [6,14,27,41,44]. Finally, the discussion synthesizes these findings to assess the resilience and limitations of strategic pragmatism as a foreign policy doctrine under conditions of sanctions, non recognition, and shifting regional power dynamics, and draws implications for the future of regional connectivity and stability [18,p.113"- 137,31,33,41].

Literature Review

The complex and multifaceted relations between Afghanistan and Uzbekistan are established on the principles of geographical position, vulnerability, and strategic opportunities, and Afghanistan remains a bottleneck and a key aspect of the foreign policy calculus of Tashkent [46]. Bilateral relations have been recalibrated in the last five years, and particularly after the Taliban came back into power in 2021. As noted by the literature, the foreign policy of Tashkent is pragmatic and interest-driven which is based on economic connectivity, infrastructure development, and prudent security co-operation. This approach, which is sometimes known as strategic pragmatism, puts a stronger weight on the practical advantages, such as the export of trade and energy, and leaves the political legitimacy of the Taliban [4, P. 17–23; 24]. The review presented below consolidates the latest discussions in academic literature, policy reports, and media reports, and is twofold, focusing on the economy as well as the political aspect of this changing bilateral relationship.

The literature on the relations between Afghanistan and Uzbekistan is dominated by the economic aspect of relations, with analysts stating that trade and infrastructure are the pillars of bilateral interaction.

The literature is unanimous about the fact that bilateral trade has been asymmetrical and resilient. From 2021 to 2024, the volumes of trade surpassed over one billion dollars per year as Uzbekistan exported electricity, wheat, construction materials, and manufactured goods, and imported tiny amounts of goods [44, 21]. Such an advantage provides Tashkent with considerable dividends since Afghanistan will have to be economically dependent on the supply of Uzbekistan [33].

On the one hand, as few researchers claim that this arrangement is stabilizing the frail economy in Afghanistan, on the other hand, there is the potential of resentment and dependency [45]. As a tool to diversify the Afghan exports and minimize the asymmetry, the Preferential Trade Agreement offered in 2023 was presented, but the overall implementation of the tool remains restricted [44].

The policy interest in infrastructure, which is the current policy area of Uzbekistan, was also the issue of active discussion in the previous decade. The Hairatan-Mazar-i-Sharif railway was built with the assistance of the Asian Development Bank, and since 2011, it has been one of the most significant arteries in the transportation of goods and humanitarian aid, with the operation and maintenance contract with the Uzbek company Sogdiana Trans being renewed to 2025-2026, which again confirms its central role in bilateral trade [5,6,7, 49, 50]. The interest in extending this network has not diminished: in February 2025, the governments of Uzbekistan and the Taliban declared their intention to extend the existing line to Herat, and the Tashkent government pledged to fund the project and send experts to carry out the feasibility study and conduct preliminary survey and planning, but the actual construction will not start until the feasibility research is complete [7,14, 51]. Nonetheless, the Trans-Afghan Railway project which is to connect Termez with Pakistan through Afghanistan land and in turn Central Asia with South Asian markets captures more academic attention [27,41,23]. Uzbekistan, Afghanistan and Pakistan signed a tripartite framework agreement in July 2025 to prepare a joint feasibility study to remain a corridor between Termez and the Kharlachi border crossing, and Tashkent ratified the relevant intergovernmental agreement and appointed its Ministry of Transport as the implementing authority in February 2026 [14,41,23, 47, 48].

This project is something that is being increasingly discussed in the literature, not merely as a commercial project but as a geopolitical route that, by doing so, would make Uzbekistan less reliant on the routes that are controlled by Russia and allow it to avoid relying on Iranian transit opportunities. The trilateral agreements, visits by different ministers, and the recent passage of the feasibility study have all been quoted as indications that Tashkent is resolute in spite of the political uncertainty in Afghanistan [1,14,23].

The similar investments in the extractive industries, like the Totti-Mardan gas field agreement, also demonstrate the desire of Uzbekistan to establish its presence in Afghanistan economically [29]. These programs reflect the policy of strategic pragmatism, in which economic interests act as instruments of action and function as insurance against chaos.

The exports of electricity are one of the sectors that are critical sectors. Considering that Afghanistan relies on imported electricity for its power supply, Uzbekistan provides over 50 percent of the imports that energize major urban areas and its institutions [44]. According to scholars, such dependence offers leverage and responsibility to Uzbekistan since interruptions of supply, due to the unpaid Afghan bills or security attacks, may be destabilizing [22].

Therefore, the economic literature describes a two-fold story, as the involvement of Uzbekistan expands life lines to Afghanistan and solidifies the position of Tashkent as a regional center, the asymmetric system of trade and investment raises long-term questions of sustainability. In addition to economics, the political literature also focuses on the pragmatic calculus of Uzbekistan in its attempts to manoeuvre within an unstable regional environment. Uzbekistan is directly vulnerable to the threats of cross-border terrorism due to the length of its border with Afghanistan (137 km). Security problems that originate in the north of Afghanistan have been a major worry among analysts in the region since the Taliban overthrew the government [25]. Recent sources in the [22] and in [17] state that the threats of the Islamic State Khorasan Province (ISKAP) and remnants of the Islamic Movement of Uzbekistan (IMU) are quite significant.

Tashkent, in turn, has followed a policy that can be termed as engagement to contain. The Border Management and Security Agreement between the Taliban administration and Uzbekistan is reviewed as a cooperation of trust less than a means to guarantee the communication channels and minimize the chances of unwinding [22]. Analysts believe that Uzbekistan can buy Taliban cooperation using economic resources, i.e., to provide a source of electricity, trade, investments in return for agreeing to secure the borders and guarantees against terrorism [38, p. 1-28, 39].

But there are considerable weaknesses to this model. The fragile capability of the Taliban and their disputed dominion of military outfits make security assurances dubious. Cross-border incidents continue to be intermittent yet never-ending, which indicates the vulnerability of the Uzbekistan security policy [17].

Bilateral relations are also characterized by diplomatic aspect, which is characterized by calculated ambiguity by scholars. Uzbekistan is a place where high-ranking negotiations and regional conferences are arranged, but the recognition of the Taliban regime is strictly avoided on the level of formality [42, 31]. In this stance, Tashkent can protect its national interests without violation of the international rules of non-recognition.

Regarding the greater geopolitical picture, Uzbekistan and Afghanistan's policies overlap with the great power politics. Analysts note that Tashkent is conducting a balancing act between Chinese ambitions as a part of the Belt and Road Initiative (BRI), Russian security concerns, and Western anxieties about dealing with the Taliban [16, P.; 22–39]. Some reports warn that with the possibility of Afghanistan joining bigger regional connectivity networks [41], the Uzbekistan region might increase its status as a transit center or lose its influence as an avoidable route.

Another emerging topic that is of the literature is the non-traditional security risks, especially water politics. The construction of the Qosh Tepa Canal by the Taliban that redirects the water flow of the Amu Darya is being increasingly framed as a geopolitical matter with immediate implications for the agriculture of Uzbekistan [18, P. 113–137, 9]. Researchers observe that water wars are more likely to hit national interests than trade or electricity wars and can turn out to be intractable to pragmatic bargaining. This advancement depicts the boundaries of economic involvement in controlling the underlying resource rivalry.

Literature has significant gaps, even though attention on the subject increases. First, most of the analyses focus on the economic, security, and diplomatic aspect in their isolation with no overall conceptualization of strategic pragmatism. Second, most research are based on foreign interpretations such as government reports,

international reports, and media, but there is limited representation of Afghan views. Inclusion of the opinion of Taliban officials, local Afghan businesses, and civil society actors is rarely included, creating a poor image of bilateral dynamics. More recent academic activity has started to shift this way. Anvar, Rahimov, and Sattorov combine trade and security aspects [3, P. 45–62], and [23] puts the Trans-Afghan railway in the context of the general trends of regional geopolitics. Nevertheless, systematic bilateral-level analysis is not common.

The increase in the post-2021 literature covering Afghanistan-Uzbekistan relations cites the emergence of a distinctive dynamic of strategic pragmatism, which should be comprehended in conjunction with the contemporary Taliban campaign of diplomatic and economic expansion into Central Asia [37], with Tashkent striking a balance between economic drive and political risk and political prudence and security imperative. Trade, infrastructure, and energy exports centralize the power of Uzbekistan economically and reveal asymmetries. Politically, diplomatic ambiguity and transactional security cooperation enables engagement to be made without recognition, but still vulnerable to emerge, especially with the emergence of non-traditional threats such as water politics.

The progress of the last 2 years proves the possibility and vulnerability. In the case of Afghanistan, Uzbekistan provides a lifeline of electricity, trade, and connections projects. In the case of Uzbekistan, Afghanistan is seen as its way to South Asia and a continuing source of insecurity. However, the survival of this practical model is questionable. The future academic work should include the Afghan view and formulate combined models to represent the economic, security, and diplomatic components of this multifaceted bilateral relationship.

Research Problem

This paper will look at the way Afghanistan and Uzbekistan have reset their bilateral relationship after the Taliban came back to power in 2021. Although Uzbekistan has been practicing a policy of strategic pragmatism with a balance between economic interactions and careful political observation, the success, and the restrictiveness of such a policy have not been studied thoroughly. This dynamic is essential in understanding both bilateral relations and the implications that the whole region faces regarding stability and connectivity.

Research Question

The question that guides the article is the following:

What is the way that Uzbekistan has approached strategic pragmatism that has influenced the path of economic and political relations with Afghanistan since the Taliban returned to power in 2021?

Research Gap

In the existing literature, the focus is on the individual characteristics of Uzbekistan pragmatism as a trade development, infrastructure development, including the Trans-Afghan Railway, and the coordination of security. Most analysis, however, treats these variables separately. The absence of detailed works, which integrate economic and political aspects into one paradigm, and clearly associate them with the doctrine of strategic pragmatism. Furthermore, such urgent questions as the prospect of engagement with an unknown regime, how to avoid sanctions and financial limitations, and what it can mean to the traditions of regional diplomacy are not discussed enough.

The proposed research will attempt to fill this gap by offering a combined examination of the interaction of economic cooperation and political pragmatism as mutually reliant instruments of statecraft in the policy of Tashkent on Kabul. This way, it addresses the issue of fragmented accounts by offering a coherent picture of bilateral relations in the unprecedented political conditions.

Methodology

This study will focus on qualitative mixed-methods research to examine the process of recalibration of Afghanistan-Uzbekistan relations after the Taliban came to power in 2021. This method will combine both documentary analysis and interviews with elites, which enables triangulation between the evidence of distinct types and increases the validity of the findings [8, P. 455–476; 11, P. 27–40; 30, p. 210]. The changes in policies, economic programs, and diplomatic approaches were followed with the help of primary and secondary sources, such as governmental materials, reports of international agencies, publications of various think tanks, academic literature, and reliable media. The search took place in Scopus, Web of Science, and official portals during the years 2021–2025 and used such keywords as Uzbekistan-Afghanistan relations, Trans-Afghan Railway, Taliban diplomacy, and Central Asia connectivity. Three semi-structured interviews in Kabul in March 2025 with the senior Afghan Ministry of Foreign Affairs officials in charge of Central Asia, South Asia, and Economic Affairs were used to supplement the analysis of the documentary. The interviews were conducted over an average of 50 minutes with the usage of an open-ended protocol, which allowed access to the unofficial information [19, P. 669–672, 15 p. 120]. They were conducted ethically: participants were told the academic objective of the research, they provided their consent, and the level of confidentiality was ensured with the anonymity of interviewees, who were named as Officials. The thematic coding approach [12, P. 77–101] was used to analyze the data, both deductive themes (economic connectivity, pragmatic diplomacy, and security engagement) and inductive themes (as identified by interviews), which included the non-recognition paradox, payment mechanisms based on sanctions, and water politics. Convergences, including those related to a common focus on infrastructure cooperation, and divergences, including the different opinions on the sustainability of bilateral engagement under international sanctions, became possible due to the integration of sources.

Considering the dynamism of infrastructure in the region, the data about significant transport and energy projects (such as the Trans-Afghan railway and cross-border electricity transmission lines) were compared with the official statements and news posts until February 2026 [14, 47, 52].

Findings

The course of Afghanistan-Uzbekistan relations since the Taliban took overpower in 2021 represents a balancing between the discourse of sovereignty in perspective, and opportunity in perspective in Kabul, and the policy of pragmatic engagement in the Uzbekistan perspective. The economic recovery in Afghanistan is still very weak, backed by the end of peace and socio-economic outlook, and the issue still has deep structural weaknesses [40, 44]. Although Uzbekistan has never officially acknowledged the Taliban government, its cooperation on various matters has increased through the three main aspects, namely, economic, political, and

infrastructural. There are more official discourses according to which Afghanistan is a collaborative actor in the development of the region [26, 43]. The documentary discussion and interviews with the elite prove the truth Kabul desires to develop credibility and legitimacy, and Tashkent considers the economic interdependence from the perspective of gaining stability and connectivity to the region.

The responses to the interview with top officials of the Afghan Ministry of Foreign Affairs can be summarized with three common themes in the strategic discourse of Kabul: the concept of sovereignty, opportunity, and legitimacy. Authorities stressed that they were focused on working towards sovereignty and a lack of interventions, where neighbors were assured that they wanted Afghanistan not to export insecurity: I will make any effort I can to ensure no threat, and no danger from Afghanistan to its neighbors or any other country (Interview, Central Asia Desk Director, 2025). Meanwhile, Kabul is selling itself as an economic prospect by claiming that the pullout of the Western forces has left room to enable the regional natural integration (Interview, South Asia Desk Director, 2025). Lastly, there is the element of the government promoting domestic legitimacy, a quality of emphasis on land control, and a drop in corruption: "The government in power now also has full authority and sovereignty over the territory of the country... the corruption that has always been fashionable, has now ceased to exist" (Interview, 2025). The combination of these themes is an effort to reinvent Afghanistan from a pariah state to a partner to work with in the region, and these efforts are in line with Uzbekistan's quest to find serious ways to interact.

The bilateral cooperation has acquired economic relations as its principal foundation. Trade volumes amounted to above USD 1 billion per year since 2021, with the Uzbek exports of electricity, petroleum, wheat, and construction items leading the show, and the exports of the Afghan country, mostly dried fruits and herbs, being among the limited volumes [45, 21, 13]. In addition to this official trade, there are substantial unofficial or "underground" trade networks that have existed outside the formal economy and continue to be an integral part of cross-border economies [20, P. 135–154].

As one of the ways to decrease this disparity, Uzbekistan launched a Preferential Trade Agreement, which reduced the tariffs on Afghan goods [44]. Termez Cargo Center nearly appears to be an assertively multipurpose customs and trans-modal transport hub [34], and the Afghan officials perceive it as a signal of the importance of more comprehensive integration across the region (Interview, Economic Affairs Director, 2025). Tashkent has made balanced decisions in terms of diversification, since it has been investing in pharmaceuticals, cement, and food processing, yet sanctions and a cash-based economy in Afghanistan are significant limitations [44]. Afghanistan has a long-term potential of mineral wealth such as copper, lithium, and iron ore, into which the strategic calculus is added.

Figure 1. Planned Route and Key Termini of the Trans-Afghan Railway [14]

The infrastructure projects provide the basis of pragmatic interdependence. The Trans-Afghan railway line in question that will connect Termez to Pakistan via the Afghan country has been institutionalized by a tripartite framework agreement on the joint feasibility study and agreement on the intergovernmental agreement on its implementation between Uzbekistan and 2025 and 2026, respectively and, assuming implementation as proposed, is estimated to cut several days off transit between South and Central Asia [14,27,41]. Moreover, literature places emphasis on the synergy of utilizing digital ICT infrastructure in the deployment of such transport corridors in order to develop smart pathways that have maximum economic and development potential [41]. Energy cooperation also provides a greater level of interdependence: Uzbekistan provides a significant part of the imported electricity in Afghanistan on long-term contracts, which were prolonged to 2025 and once more in 2026, in addition to the financial package of energy projects till 2027 [18,44, 52, 53, 54]. There are plans to build the 500 kV transmission line, Surkhan-Pul-e-Khumri, and to develop the main Afghan substations, which will allow importing a level of 1 GW of electricity in Uzbekistan [18,29,44, 52, 53]. An illustration of the strengthening of energy relations is the USD 100 million yearly investment in the Totti-Mardan gas field in Afghanistan that Uzbekistan has agreed to invest in 2025 [29]. However, there are some barriers to growth, such as imbalances in trade, sanctions, a weak banking system in Afghanistan [35] and security issues, bottlenecks in the infrastructure, and competition with Pakistan and Iran [38]. This risk of Uzbekistan losing its leverage as Afghanistan may enter the China-Pakistan Economic Corridor (CPEC) could also provide Afghanistan with alternative southern outlets [33, 31]. However, governments of both countries have stated that they want to grow their trade to USD 3 billion, and the power of economic pragmatism can be seen [31]. The major pragmatic approach on the part of Uzbekistan has been during engagement without recognition. Tashkent has established itself as a bridge, and one illustration is the Tashkent Conference on Afghanistan in 2022 that encouraged conditional cooperation [42]. As stated, border security, counter-extremism, and connectivity remain the priorities of the country, which analysts indicate are the fundamental factors that make Tashkent still pursue

the policy of engagement despite the political risks [32]. A prime example of this approach is the 2022 Border Management and Security Agreement, which created a permanent institution for the previously informal counter-terrorism cooperation [22]; the 2022 Electricity Trade Agreement provided a secure electricity supply to Afghanistan [44] as well as; the 2023 Transit Agreement ensured that Afghanistan could reach both Europe and Central Asia via Hairatan [36]. The practice of creating formal agreements regarding cooperation continued through 2024 when the two countries signed five new agreements to develop and increase their economic and logistic ties [2]. Nevertheless, Tashkent is always on the alert. This is conditioned by the security threats of the ISIS-K and the Islamic Movement of Uzbekistan [13], environmental tensions between the Qosh Tepa Canal and its influence on the Amu Darya [18, P. 113–137], as well as great-power tensions between China, Russia, and the United States [13]. Irrespective of the mentioned obstacles, Uzbekistan still considers the process of economic integration as the most efficient tool to rely upon to cement the stability and ensure its role as a regional center [6]. Combined, they can be interpreted as an intertwining of the Afghan stories and Uzbek reality. Kabul aims to convey the message of its independence, reliability, and economic feasibility, and Tashkent interprets it by action in the form of business, energy, and infrastructure. The two parties have realized the strategic value of interdependence, but their interaction is limited by sanctions, asymmetrical trade relationships, local rivalry, and emerging water confrontations. Finally, the resilience of the relations between Afghanistan and Uzbekistan is also shaped by the possibility of resisting such pressures in the form of pragmatic cooperation. Even though this will be enhanced by economic interdependence, structural asymmetry, and the management of regional competition will have to be addressed in the long term to lead to stability.

Discussion

It is proven that since 2021, the distinguishing feature that are the distinguishing feature of Afghanistan and Uzbekistan relations is defined neither by the direct recognition of the Taliban regime nor by its total denial. Rather, Uzbekistan has entrenched a culture of strategic pragmatism, an adaptive multidimensional policy consisting of maximizing short-term economic and military benefits by carefully seeking to stabilize the region. This trend is not only logically consistent but is a fundamentally weak course, as it will be conditioned by external contingencies that Tashkent can do nothing about.

Strategic pragmatism is the most viable one in the case of economics. Political uncertainty [45] and flagship projects, such as the Trans-Afghan Railway, the investment involving the Totti-Mardan gas field, improved in 2025 [29], did not affect the bilateral trade volumes that went above USD 1.5 billion in 2024. By these enterprises, they transcend well past the business justification of developing a consolidated power, which is brought about by geopolitical practices of consolidating power. This course of plan may be discussed as aligned with the broader literature that identifies with the application of economics as the primary instrument of foreign policy of the Uzbekistan phenomenon [44, 6, 29, 33]. The dependence has been created by Tashkent by supplying nearly 60 percent of the power, fuel, and in Afghanistan, and the Preferential Trade Agreement (PTA) has strengthened the

dependence by offering mannequins to Kabul, which carry with them the status of a still closer member of the economic space of Uzbekistan. But such a concession is quite unequal. The balance of trade reflects significant asymmetry, with approximately USD 855.9 million in Uzbek exports compared to USD 28.3 million in Afghan exports in 2024, which highlights a pronounced asymmetry in trade and raises questions about the long-term sustainability and political perception of such an arrangement [55]. As much as the Taliban government is mounting a facade of a mutually rewarding relationship, the asymmetry that persists does not make it possible to sustain goodwill, which may generate resentment in Afghanistan.

Security is the second and the most contradictory of the pillars of strategic pragmatism. Uzbekistan has coordinated efforts with Kabul to prevent threats that are born on the Afghan soil, although it is skeptical about Taliban commitments. The Taliban government views Afghanistan as threatening and disrespectful of its neighbors (Interview, Central Asia Desk Director, 2025), despite Tashkent adopting the cautious mantra of trust but verify. It was institutionalized with the 2022 Border Management and Security Agreement, but it shows the vulnerability of Taliban commitments by cross-border ISIS-K attacks to Uzbekistan [17]. Analysts support this skepticism: collaboration of the security companies is not pegged on trust, but on another need [22, 10]. It is what amounts to a policy of security commodification, and in such a scheme, economic engagement is provided as a reward to counterterrorism cooperation, which is a tactic that is mentioned to be central to the Tashkent policy in regional security [39]. The bet, however, is risky- should the Taliban be unable to check extremist action, the collapse of the security philosophy of Uzbekistan can happen. It is what makes the process of security engagement in the pragmatism of Tashkent the most perilous aspect.

A diplomatic policy is an extremely sensitive component of the given strategy. Uzbekistan has made it easy to integrate Afghanistan into the regional trade blocs, such as the SCO, and hold meetings, such as that of the Tashkent conference on Afghanistan, a country that is not ready to give official recognition to the activities of Pakistan. This uncertainty, created by counting, gives Tashkent the potential to create a balance between the international norms, pressures of great powers, and national interests. But Kabul is exasperated at this flank. This recognition, according to the Taliban officials, is the last stage of achieving the target of more intensive cooperation. This is one of the factors that contributed to the prolonged monetary crisis in Afghanistan, which is enhanced by sanctions. However, when it comes to Uzbekistan, however, ambiguity proves to be strategic insulation, as the country manages to emerge a winner in the aspect of diplomatic capital without the been required reputational cost. Such a halfway covenant, as [3, P. 45–62] added, comes across as an indicator of pragmatism; on the contrary, it places Tashkent at a more prominent position as an actor in the region. Nonetheless, the upper floor of this model is self-evident: penalties and banking restrictions impose restrictions on the level of integration, leading to the inconsistencies allegedly inside the Uzbekistan policy.

Combined, all three elements, the economic, security, and diplomatic aspects, form a soothing yet dangerous doctrine of practical realism in a strategic context. Economics offers Uzbekistan unequal bargaining; cooperation on security is the

rationale behind those economic investments, though concomitantly with evidence of the Taliban making deliveries [39]; or diplomatic muddiness that allows them to engage without going to international boundaries. Nonetheless, there are few outer influences on which architecture is exposed. Four scenarios are especially destabilizing: a potential water conflict over the Qosh Tepa Canal that can set Tashkent against Kabul in spite of the attempts to engage; the prospect of the inclusion of Afghanistan into CPEC that threatens to relocate the trade southward and diminishes the leverage of Uzbekistan; the narrow possibility of the Taliban to provide and employ the services they are unlikely to integrate finance internationally; and the international sanctions regime that has not been resolved yet. The Uzbekistan strategic pragmatism can thus be termed as a strategized gamble. It is based on the belief that Afghanistan will be stable enough to conduct the trade, only to be isolated enough to be perpetually reliant on Tashkent. Even though this gamble has provided short-term benefits, its future sustainability in the long term is uncertain. The viability of the model depends not only on the internal stability of Afghanistan, but also on the development of regional tensions and world power balance beyond the control of Uzbekistan.

Conclusion

In this study, the authors analyzed how Uzbekistan has applied strategic pragmatism in its relations with Afghanistan since 2021. The analysis reveals a bilateral relationship emerging from the interplay of Afghan narratives and Uzbek strategies.

On the Afghan side, the Taliban crafts a discourse of sovereign power, the absence of external threats, and friendly relations with regional partners for shared prosperity. This discourse aims to gain external legitimacy and economic participation.

On the Uzbek side, selective engagement is predicated on the principles of strategic pragmatism. Tashkent welcomes opportunities that can benefit it, such as facilitating trade expansion, investing in infrastructure, and the ability to minimize risks through border strengthening and careful recognition diplomacy.

The result is a relationship characterized by strong economic integration and low levels of political trust. Trade, electricity, and transit corridors have become tools allowing Uzbekistan to influence Afghanistan's stability while simultaneously securing its own security. However, this strategy is plagued by structural contradictions: it seeks permanent integration without full recognition, permanence without trust, and a guarantee of security for an unreliable ally.

Thus, Uzbekistan's policy is a risky but prudent gamble. Its success will depend on factors largely beyond Tashkent's control: the Taliban government's ability to govern the country, the water conflict, the ambitions of China and other regional actors, and international sanctions. If these processes exert a negative influence, the structure of pragmatism could collapse, leaving Uzbekistan in danger.

Nevertheless, the situation between Afghanistan and Uzbekistan offers several important lessons for international relations. It illustrates how states (using Uzbekistan as an example) can use pragmatic, multilateral missions to negotiate with unstable neighbors, pursuing economic and security interests while also exercising diplomatic restraint. Regardless of the success or failure of this process and relationship, it could

2024. – 11 January. – URL: <https://eurasianet.org/afghanistan-reports-sixfold-increase-in-trade-with-uzbekistan> (accessed: 28.05.2025).
18. Giritlioglu S., Tsoy N. Water security and regional stability in Central Asia: The case of Uzbekistan and Afghanistan // *Eurasian Research Journal*. – 2024. – Vol. 6, No. 2. – P. 113–137.
 19. Goldstein K. Getting in the door: Sampling and completing elite interviews // *PS: Political Science & Politics*. – 2002. – Vol. 35, No. 4. – P. 669–672. – DOI: <https://doi.org/10.1017/S1049096502001130>.
 20. Ibañez-Tirado D., Marsden M. Trade 'outside the law': Uzbek and Afghan transnational merchants between Yiwu and South-Central Asia // *Informal markets and trade in Central Asia and the Caucasus*. – Routledge, 2022. – P. 135–154.
 21. Interfax. Uzbekistan, Afghanistan plan to increase trade to \$3 bln. – 2024. – 19 August. – URL: <https://interfax.com/newsroom/top-stories/105225/> (accessed: 28.05.2025).
 22. International Crisis Group. The Taliban's neighbourhood: Regional diplomacy in Afghanistan: Report No. 337. – 2024. – URL: <https://www.crisisgroup.org/asia/south-asia/afghanistan/337-talibans-neighbourhood-regional-diplomacy-afghanistan> (accessed: 20.01.2025).
 23. Kaleji V. Uzbekistan, Afghanistan, and Pakistan sign trilateral railway agreement // *CACI Analyst*. – 2023. – 20 July. – URL: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13758-uzbekistan-afghanistan-and-pakistan-sign-trilateral-railway-agreement.html> (accessed: 28.01.2025).
 24. Kobilov F. From geopolitical pendulum to regional player: Uzbekistan's regional foreign policy following the leadership change in 2016 // *Central Asian Survey*. – 2025. – Advance online publication. – DOI: <https://doi.org/10.1080/02634937.2025.2482186>. (accessed: 20.01.2025).
 25. Kuchins A. C., Katz M. N. North Afghanistan and the new threat to Central Asia. – Foreign Policy Research Institute, 2022. – URL: <https://www.fpri.org/wp-content/uploads/2022/05/north-afghanistan-and-the-new-threat-to-central-asia.pdf> (accessed: 20.01.2025).
 26. Mamasodikov A. T. Cooperation between Uzbekistan and Afghanistan is an important element in ensuring stability and development in the region. – Consulate General of the Republic of Uzbekistan in Aktau, 2024. – URL: <https://uzconsulate-aktau.kz/en/2024/cooperation-between-uzbekistan-and-afghanistan-is-an-important-element-in-ensuring-stability-and-development-in-the-region/> (accessed: 20.01.2025).
 27. News Central Asia. Uzbekistan on the prospects of creating a Trans-Afghan transport corridor. – 2021. – 1 December. – URL: <https://www.newscentralasia.net/2021/12/01/uzbekistan-on-the-prospects-of-creating-a-trans-afghan-transport-corridor/> (accessed: 20.01.2025).
 28. Nishonova Z. ANALYSIS OF RELATIONS BETWEEN UZBEKISTAN AND AFGHANISTAN // *Journal of Modern Educational Achievements*. – 2023. – Vol. 10, No. 1. – P. 115-119.
 29. Pannier B. Uzbekistan sees opportunities in Afghanistan // *Times of Central Asia*. – 2025. – 27 February. – URL: <https://timesca.com/uzbekistan-sees-opportunities-in-afghanistan/> (accessed: 28.02.2025).
 30. Prior L. Using documents in social research. – SAGE Publications Ltd, 2003. – p. 210. – DOI: <https://doi.org/10.4135/9780857020222>.
 31. Putz C. Uzbekistan forges ahead, deepening relations with Taliban-ruled Afghanistan // *The Diplomat*. – 2024. – 21 August. – URL: <https://thediplomat.com/2024/08/uzbekistan-forges-ahead-deepening-relations-with-taliban-ruled-afghanistan/> (accessed: 20.01.2025).
 32. Saida N. Why Uzbekistan continues to push for engaging with Afghanistan // *The Diplomat*. – 2025. – 15 April. – URL: <https://thediplomat.com/2025/04/why-uzbekistan-continues-to-push-for-engaging-with-afghanistan/> (accessed: 20.01.2025).
 33. Sharan T., Watkins A. Stabilization and connectivity: Uzbekistan's dual-track strategy towards Afghanistan. – Friedrich-Ebert-Stiftung, 2021. – URL: <https://>

- library.fes.de/pdf-files/bueros/kabul/17313.pdf (accessed: 28.05.2025).
34. Tashkent Times. Uzbekistan, Afghanistan readying agreement on trade and cooperation in transit of goods. – 2023. – 21 November. – URL: <https://tashkent-times.uz/economy/1038-uzbekistan-afghanistan-readying-agreement-on-trade-and-cooperation-in-transit-of-goods> (accessed: 28.05.2025).
 35. The Soufan Center. IntelBrief: Uzbekistan navigates relations with Afghanistan. – 2022. – 9 June. – URL: <https://thesoufancenter.org/intelbrief-2022-june-9/> (accessed: 28.05.2025).
 36. TOLONews. Afghanistan and Uzbekistan agree on transit cooperation in 2024. – 2023. – 30 December. – URL: <https://tolonews.com/business-186739> (accessed: 28.05.2025).
 37. Turgunbaeva A., Ghiassi F. The Taliban's diplomatic and economic expansion in Central Asia // CACI Analyst. – 2025. – 11 March. – URL: <https://www.caciana-lyst.org/publications/analytical-articles/item/13850-the-new-russia-iran-treaty-implications-for-the-south-caucasus-region.html> (accessed: 28.05.2025).
 38. Umarov A. Regional security complex in Central Asia after the Taliban takeover in Afghanistan, 2021 // Himalayan & Central Asian Studies. – 2024. – Vol. 28, No. 3/4. – P. 1–25.
 39. Umarova N. Uzbekistan's approach to Afghanistan in the context of strengthening regional security // The Diplomat. – 2024. – 12 September. – URL: <https://thediplomat.com/2024/09/uzbekistans-approach-to-afghanistan-in-the-context-of-strengthening-regional-security/> (accessed: 28.05.2025).
 40. UNDP. Afghanistan socio-economic outlook 2023. – United Nations Development Programme, 2023. – URL: <https://www.undp.org/afghanistan/publications/afghanistan-socio-economic-outlook-2023> (accessed: 28.01.2025).
 41. United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific. In-depth study on the co-deployment of ICT infrastructure with road transport and energy infrastructure in Uzbekistan: Asia-Pacific Information Superhighway Working Paper Series, No. 110. – 2025. – URL: https://www.unescap.org/sites/default/d8files/event-documents/UN_ESCAP_Uzbekistan_Part_I_Eng_28%20Feb%20Internal%20for%20TICEG%20%20not%20for%20circulation.pdf (accessed: 28.07.2025).
 42. United Nations Office of Counterterrorism. Tashkent international conference on the "Regional cooperation of Central Asian states within the framework of the Joint Plan of Action for the Implementation of the United Nations Global Counter-Terrorism Strategy": Conference report. – 2022. – URL: https://www.un.org/counterterrorism/sites/www.un.org.counterterrorism/files/tashkent_2022_conference_report_fin.pdf (accessed: 28.01.2025).
 43. Uzbekistan Government. Cooperation between Uzbekistan and Afghanistan develops. – 2025. – 19 April. – URL: <https://gov.uz/en/news/view/19087> (accessed: 28.05.2025).
 44. World Bank. Afghanistan development update: October 2023. – World Bank Group, 2023. – URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/210d5f24dc33a3460beff3447fceadcf-0310012023/original/Afghanistan-Development-Update-20231003-final.pdf> (accessed: 20.01.2025).
 45. World Bank. Afghanistan economic monitor: September 2024: Issue No. 9. – World Bank Group, 2024. – September. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/1434bc65289280b020876621b915ab1d-0310012024/original/Afghanistan-Economic-Monitor-September-2024-Final.pdf> (accessed: 28.05.2025).
 46. Yuldashev A. E., Saidov U. A. The factor of Afghanistan in the foreign policy of Uzbekistan // Journal of Social Sciences and Humanities Research Fundamentals. – 2024. – Vol. 4, No. 01. – P. 21–35. – URL: <https://inlibrary.uz/index.php/jsshrf/article/view/29303> (accessed: 20.01.2025).
 47. Kun.uz. Uzbekistan ratifies feasibility study agreement for Trans-Afghan railway. — 2026. — 9 February. — URL: <https://ad.kun.uz/en/news/2026/02/10/uzbekistan-ratifies-feasibility-study-agreement-for-trans-afghan-railway> (accessed: 25.02.2026).
 48. Tolqunnews. Uzbekistan approves feasibility study agreement for Trans-Afghan

- railway. — 2026. — 10 February. — URL: <https://tolqunnews.com/2026/02/10/uzbekistan-approves-feasibility-study-agreement-for-trans-afghan-railway/> (accessed: 25.02.2026).
49. The Tashkent Times. Uzbekistan, Afghanistan renew Hairatan rail contract. — 2025. — 24 April. — URL: <https://www.tashkenttimes.uz/national/15096-uzbekistan-afghanistan-renew-hairatan-rail-contract>. (accessed: 25.02.2026).
 50. The Kabul Times. Afghanistan, Uzbekistan renew maintenance of Hairatan railway contract for two years. — 2025. — 25 April. — URL: <https://thekabultimes.com/afghanistan-uzbekistan-renew-maintenance-of-hairatan-railway-contract-for-two-years/>. (accessed: 25.02.2026).
 51. Asia-Plus / Kun.uz. Uzbekistan and Afghanistan reach agreement on the construction of the Hairatan–Herat railway. — 2025. — 24 February. — URL: <https://asiaplustj.info/en/news/centralasia/20250224/uzbekistan-and-afghanistan-reach-agreement-on-the-construction-of-the-hairatanherat-railway> (accessed: 25.02.2026).
 52. Interfax. Uzbekistan extends agreement on exporting electricity to Afghanistan until 2025. — 2024. — 18 December. — URL: <https://www.interfax.com/newsroom/top-stories/108682/> (accessed: 25.02.2026).
 53. Interfax. Uzbekistan, Afghanistan agree on electricity supplies for 2026. — 2025. — 17 November. — URL: <https://interfax.com/newsroom/top-stories/114873/> (accessed: 25.02.2026).
 54. CentralAsianLight. Uzbekistan to continue electricity exports to Afghanistan in 2026. — 2025. — 17 November. — URL: <https://centralasianlight.org/news/uzbekistan-to-continue-electricity-exports-to-afghanistan-in-2026/> (accessed: 25.02.2026).

Материал поступил в редакцию 28.10.2025
Утвержден к публикации 19.03.2026

КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ ТУРЦИИ В XXI ВЕКЕ: ТЕЛЕСЕРИАЛЫ КАК МЕХАНИЗМ ПРОДВИЖЕНИЯ НЕООСМАНСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

Адилбек Еремекбаев¹

Жадыра Екибасова^{2*}

Айна Аскероглу Арслан³

¹ Доцент кафедры международных отношений и мировой экономики Казахского национального университета им. аль-Фараби, PhD; Алматы, Казахстан, e-mail: adilbekea@gmail.com

^{2*} Докторант Института востоковедения имени Р.Б. Сулейменова; Алматы, Казахстан; e-mail: zhadyrayekibassova@gmail.com

³ Доцент Института тюркологических исследований Стамбульского университета; Стамбул, Турция, e-mail: ayna.arслан@istanbul.edu.tr

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2026.114.1.009>

Аннотация. Статья анализирует роль турецких телесериалов в продвижении неоосманской идеологии в рамках культурной дипломатии Турции в XXI веке. Эмпирическая и теоретическая база исследования основана на отечественных и зарубежных научных работах, рассматривающих концепции культурной дипломатии, «мягкой силы» и неоосманизма. В результате исследования выявлены несколько основных механизмов влияния турецких телесериалов на международную аудиторию: реконструкция исторической памяти, продвижение общекультурных и цивилизационных кодов и формирование позитивного образа Турции. Результаты исследования показывают, что широкое распространение телесериалов на Ближнем Востоке, Балканах и в Центральной Азии является результатом культурной близости, а также целенаправленной культурной политики. Научная новизна статьи определяется тем, что телесериалы рассматриваются не только как культурный продукт, но и как активный элемент современного внешнеполитического дискурса. Выводы авторов позволяют объяснить особенности реализации культурной дипломатии через медиаформаты и систематизировать механизмы распространения неоосманской идеологии в современном информационном пространстве. Практическая значимость исследования отражена в анализе стратегий международного культурного влияния и оценке роли медиапродуктов во внешней политике.

Ключевые слова: культурная дипломатия, мягкая сила, неоосманизм,

XXI ҒАСЫРДАҒЫ ТҮРКИЯНЫҢ МӘДЕНИ ДИПЛОМАТИЯСЫ: ТЕЛЕСЕРИАЛДАР НЕООСМАНДЫҚ ИДЕОЛОГИЯНЫ ДАМУ ТЕТИГІ РЕТІНДЕ

Әділбек Ермекбаев¹, Жадыра Екібасова^{2*}, Айна Аскероглы Арслан³

¹Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің Халықаралық қатынастар және әлемдік экономика кафедрасының доценті, PhD

^{2*}Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институтының докторанты

³Стамбул университетінің түркітану институтының доценті, PhD

Аңдатпа. Мақала XXI ғасырдағы Түркияның мәдени дипломатиясы аясында түрік телесериалдарының неоосманшылдық идеологияны дамытудағы рөлін талдауға арналған. Зерттеудің эмпирикалық және теориялық негізі мәдени дипломатия, «жұмсақ күш», неоосманизм тұжырымдамаларын қарастыратын отандық және шетелдік ғылыми еңбектерге сүйенеді. Талдау нәтижесінде түрік телесериалдарының халықаралық аудиторияға ықпал ететін бірнеше негізгі тетігі айқындалады: тарихи жадты қайта құру, ортақ мәдени-өркениеттік кодтарды дәріптеу және Түркияның оң имиджін қалыптастыру. Зерттеу телесериалдардың Таяу Шығыс, Балқан және Орталық Азия кеңістігінде кеңінен таралуы мәдени жақындықпен қатар, мақсатты мәдени саясаттың нәтижесі екенін көрсетеді. Мақаланың ғылыми жаңалығы телесериалдарды тек мәдени өнім емес, заманауи сыртқы саяси дискурстың белсенді элементі ретінде қарастыруымен айқындалады. Авторлық тұжырымдар мәдени дипломатияның медиаформаттар арқылы жүзеге асу ерекшеліктерін түсіндіруге және неоосманшылдық идеологияның қазіргі ақпараттық кеңістікте таралу механизмдерін жүйелеуге мүмкіндік береді. Зерттеудің практикалық маңызы халықаралық мәдени ықпал ету стратегияларын талдау және медиа өнімдердің сыртқы саясаттағы орнын бағалау мәселелерінде көрініс табады.

Түйін сөздер: *мәдени дипломатия, жұмсақ күш, неоосманизм, түрік телехикаялары, тарихи жад, халықаралық имидж, сыртқы саяси дискурс.*

TURKISH CULTURAL DIPLOMACY IN THE 21ST CENTURY: TV SERIES AS A TOOL FOR PROMOTING NEO-OTTOMAN IDEOLOGY

Adilbek Yermekbayev¹, Zhadyra Yekibassova^{2*}, Ayna Askeroglu Arslan³

¹Associate Professor of the Department of International Relations and World Economy, Al-Farabi Kazakh National University, PhD

^{2*}Doctoral candidate, R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies

³Associate Professor of the Institute of Turkic Studies, Istanbul University, PhD

Abstract. The article analyzes the role of Turkish TV series in promoting neo-Ottoman ideology within the framework of Turkey's cultural diplomacy in the 21st

century. The empirical and theoretical basis of the study relies on domestic and foreign scientific works that examine the concepts of cultural diplomacy, «soft power» and neo-Ottomanism. The analysis identifies several key mechanisms through which Turkish TV series influence international audiences, including the reconstruction of historical memory, the promotion of shared cultural and civilizational codes, and the formation of a positive image of Turkey. The study demonstrates that the widespread distribution of Turkish TV series in the Middle East, Balkans and Central Asia is the result of not only cultural proximity, but also of a targeted cultural policy. The scientific novelty of the article lies in considering TV series not only as cultural products, but also as active elements of modern foreign policy discourse. The authors' conclusions allow us to explain the features of the implementation of cultural diplomacy through media formats and systematize the mechanisms of dissemination of neo-Ottoman ideology in the modern information space. The practical significance of the research is reflected in the analysis of strategies of international cultural influence and in assessing the role of media products in foreign policy.

Keywords: *cultural diplomacy, soft power, neo-Ottomanism, Turkish TV series, historical memory, international image, foreign policy discourse.*

Введение

В XXI веке культурная дипломатия заняла одно из ключевых мест в системе международных отношений, становясь важным инструментом формирования позитивного имиджа страны и расширения его политического влияния. Турция является показательным примером страны, которая смогла превратить телеиндустрию в стратегический ресурс своей внешней политики. По данным международных аналитических оценок, к концу 2010-х годов ежегодный экспорт турецких телесериалов достиг 350 млн долларов, при этом турецкая телевизионная продукция охватывала более 140 стран мира [1]. В 2024 году экспорт турецких сериалов превысил 500 млн долларов и распространяется уже почти на 200 стран [2]. Это делает Турцию вторым крупнейшим экспортером телевизионных драматических сериалов после США [3] и превращает теледрамы в важный канал распространения не только развлекательного контента, но и культурных и политических нарративов, связанных с национальной идентичностью, историческим наследием и внешнеполитическим дискурсом.

Несмотря на растущий интерес к феномену турецких телесериалов, в научной литературе до сих пор преобладает акцент на экономических и культурных аспектах их экспорта, тогда как политико-идеологическое измерение этого явления остается менее исследованным. Между тем значительная часть турецких телепродуктов носит не только развлекательный характер, но и выполняет функцию репрезентации истории, традиций и ценностей, тесно связанных с идеологией неоосманизма [4]. В исторических драмах, таких как «Великолепный век» (Muhteşem Yüzyıl), «Возрождение: Эртугрул» (Diriliş: Ertuğrul) и «Основание: Осман» (Kuruluş: Osman), акцентируется величие османского прошлого, героизация исламских ценностей и образ Турции как естественного лидера в тюркском и исламском мире. Эти нарративы коррелируют с внешнеполитической стратегией Анкары, стремящейся укрепить своё влияние в регионах исторического и культурного присутствия Османской империи.

Таким образом, актуальность выбранной темы определяется совокупно-

стью следующих факторов:

- Стремительным ростом влияния турецкой телевизионной продукции на международной арене;
- Возрастающим значением культурной дипломатии в современной внешней политике;
- Недостаточной изученностью роли телесериалов в формировании и трансляции неоосманского дискурса;
- Необходимостью анализа того, каким образом популярная культура превращается в инструмент «мягкой силы» и используется Турцией для укрепления своего внешнеполитического имиджа.

Учитывая данные обстоятельства, исследование турецких телесериалов в контексте культурной дипломатии и неоосманской идеологии представляется не только научно обоснованным, но и практически значимым для понимания современной стратегии Турции в международных отношениях.

Объектом исследования выступает культурная дипломатия Турции в XXI веке. Предметом исследования являются турецкие телесериалы как механизм продвижения неоосманской идеологии во внешнеполитическом контексте.

Цель исследования – выявить роль турецких телесериалов как инструмента мягкой силы и механизма трансляции неоосманского дискурса в международной политике.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- Рассмотреть теоретические подходы к изучению мягкой силы и культурной дипломатии.
- Проанализировать существующие исследования о влиянии турецких телесериалов на международную аудиторию.
- Выявить ключевые элементы неоосманской идеологии, транслируемой через телевизионную продукцию.
- Определить роль турецких телесериалов в укреплении внешнеполитического имиджа Турции.

Основной исследовательский вопрос настоящей работы заключается в следующем: каким образом турецкие телесериалы функционируют как инструмент мягкой силы и используются для продвижения неоосманской идеологии во внешней политике Турции?

Предполагается, что турецкие телесериалы являются не только культурным продуктом, но и важным элементом внешнеполитического инструментария Турции, транслирующим ценности и исторические нарративы неоосманства и тем самым усиливающим культурное и политическое влияние Анкары на международной арене.

Обзор литературы

Роль турецких телесериалов в международной политике в последние годы получила широкое внимание исследователей, которые связывают её с концепциями «мягкой силы», культурной дипломатии и неоосманства. Понятие «мягкой силы», введенное Нye [5], объясняется как способность государства влиять на других через привлечение, а не через давление. Позднее Melissen [6] и Cull [7] развили эту идею, подчеркнув значение культурной дипломатии для формирования позитивного имиджа государства за рубежом. Эти теоретические работы стали основой для понимания того, каким образом медиапродукты,

включая турецкие телесериалы, могут выступать в качестве инструментов политического воздействия.

В контексте Турции концепция «мягкой силы» приобрела особое значение. Altunışık [8] и Walker [9] показывают, что правящая Партия справедливости и развития активно использует культурные, религиозные и исторические ресурсы во внешней политике. Особое место здесь занимает доктрина «Стратегическая глубина» Давутоглу [10], в которой утверждается, что Турция должна опираться на своё османское наследие для усиления роли в регионах Ближнего Востока, Балкан и Центральной Азии. В этом же ключе Öniş и Kutlay [11], характеризуют Турцию как «среднюю державу», сочетающую экономические и культурные инструменты в дипломатии.

Особое внимание исследователей привлекает феномен турецких телесериалов как глобального медиапродукта. Экспорт турецких сериалов является одним из наиболее значимых инструментов культурной дипломатии и мягкой силы Анкары. Согласно данным Jabbour [12], турецкие телесериалы превращают их в мощный канал трансляции не только развлекательного контента, но и политически значимых смыслов, связанных с национальной идентичностью, историческим наследием и внешнеполитическим дискурсом. Kraidy и Al-Ghazzi [13], а также Arslan [14] отмечают, что значительная популярность турецких сериалов на Ближнем Востоке и Балканах объясняется культурным сходством и общими историческими элементами.

Некоторые авторы напрямую связывают телесериалы с распространением неоосманской идеологии. Kaş и Tecmen [15] указывают, что проекты вроде *Diriliş: Ertuğrul* и *Payitaht Abdülhamid* реконструируют историю Османской империи, способствуя укреплению политической идентичности современной Турции. Аналогичный вывод делает Çevik [16], подчёркивая, что исламские и османские символы в этих сериалах формируют чувство общей истории среди мусульманских обществ. Sertbulut [17] также отмечает, что телесериалы поддерживают имидж Турции как лидера исламского мира.

Реакция международной аудитории при этом неоднозначна. Так, Miriam [18] фиксирует высокую популярность турецких сериалов на Балканах, где их воспринимают через призму исторической и культурной близости. Gürkan [19] отмечает схожие процессы в Центральной Азии. Однако Öztürk [20] обращает внимание на то, что в некоторых арабских странах турецкая медиапродукция вызывает критику из-за опасений скрытого политического влияния.

Несмотря на активное изучение феномена турецких телесериалов, в литературе остаются пробелы. В большинстве работ основное внимание уделяется популярности драм или реакции зрителей, в то время как их роль в трансляции внешнеполитической идеологии рассматривается значительно реже. Недостаточно изученной остаётся и связь между телевизионными сюжетами и дискурсом неоосманства. Кроме того, сравнительно мало исследований посвящено восприятию турецких сериалов в таких регионах, как Центральная Азия и Латинская Америка, хотя именно там их аудитория в последние годы значительно выросла.

Настоящее исследование стремится восполнить эти пробелы. В центре анализа находятся наиболее влиятельные телесериалы - *Muhteşem Yüzyıl*, *Diriliş: Ertuğrul*, *Kuruluş Osman* и *Payitaht Abdülhamid*. Цель работы заключается в том, чтобы показать, каким образом эти медиапродукты транслируют неоосман-

ские идеи и одновременно способствуют реализации культурной дипломатии и стратегии «мягкой силы» Турции в XXI веке.

Методы исследования

В качестве исследовательского материала были выбраны наиболее популярные и репрезентативные турецкие телесериалы, транслируемые как на национальном, так и на международном уровне:

- Muhteşem Yüzyıl («Великолепный век»), 2011-2014 гг., более 70 стран трансляции;
- Diriliş: Ertuğrul («Возрождение: Эртугрул»), 2014-2019 гг., около 150 стран трансляции;
- Kuruluş Osman («Основание: Осман»), с 2019 г., активно продвигается на рынках Ближнего Востока и Центральной Азии;
- Payitaht Abdülhamid («Великолепный Абдулхамид»), 2017-2021 гг., акцентирует тему исламской солидарности и османского наследия.

Дополнительно учитывались данные о международном распространении турецкой телевизионной продукции (отчёты ассоциаций экспортёров, публикации TRT и независимых исследовательских центров).

Исследование включало несколько последовательных этапов. На первом этапе был проведен анализ теоретических подходов к концепциям мягкой силы, культурной дипломатии и неоосманства посредством обзора научной литературы. Второй этап заключался в отборе репрезентативного материала – турецких телесериалов, получивших международное признание и транслирующих историко-культурные нарративы. Далее был проведен дискурсивный анализ содержания этих сериалов с целью выявления элементов неоосманской идеологии. На следующем этапе выполнен сравнительный анализ восприятия турецких телесериалов в различных регионах, включая Ближний Восток, Балканы, Центральную Азию и Латинскую Америку. Финальным этапом стала интерпретация полученных результатов в контексте культурной дипломатии Турции и её стратегии мягкой силы.

Для достижения поставленных целей применялся комплекс методов исследования. Контент-анализ [21] использовался для систематизации основных тем, ценностей и образов, представленных в сериалах. Дополнительно были определены параметры контент-анализа. В качестве единиц анализа выступали ключевые сюжетные линии, образы персонажей и символические элементы, представленные в выбранных телесериалах. Анализ проводился по нескольким тематическим категориям: репрезентация османского исторического наследия, демонстрация религиозных и культурных ценностей, образ Турции как регионального лидера, а также нарративы единства тюркского и исламского мира. Для повышения репрезентативности исследования были проанализированы наиболее значимые эпизоды каждого сериала, отражающие основные сюжетные повороты и идеологические акценты. Полученные данные были систематизированы и сопоставлены с теоретическими концепциями «мягкой силы» и культурной дипломатии. Дискурсивный анализ [22] позволил выявить идеологические и политические смыслы, соотносящиеся с неоосманской идеологией. Сравнительный анализ обеспечил сопоставление восприятия турецких телесериалов в различных культурных и региональных контекстах. Дополнительно применялся качественный анализ вторичных данных, включающих исследовательские отчеты, медиа-публикации и статистику экспорта телевизион-

ной продукции.

Теоретическая значимость работы заключается в развитии научного дискурса о роли культурной дипломатии и мягкой силы в международных отношениях. Практическая значимость состоит в возможности использования выводов исследования для анализа инструментов внешней политики Турции и понимания особенностей её влияния на регионы стратегического интереса.

Результаты и обсуждение

Анализ турецких телесериалов показал, что они стали значимым инструментом культурной дипломатии и «мягкой силы», транслирующим элементы неоосманской идеологии в международном контексте. В качестве репрезентативного материала были рассмотрены сериалы *Muhteşem Yüzyıl*, *Diriliş: Ertuğrul*, *Kuruluş Osman* и *Payitaht Abdülhamid*, получившие широкое признание и популярность за пределами Турции.

Центральным элементом турецких исторических телесериалов является репрезентация османского наследия как источника легитимности и политической субъектности современной Турции. Наиболее ярко это проявляется в *Muhteşem Yüzyıl* (Великолепный век), где зрителю демонстрируется «Золотой век» Османской империи времен султана Сулеймана I. Визуальная эстетика дворцовой роскоши, сцены дипломатических переговоров с европейскими монархами и образы мощной армии создают не только привлекательный и зрелищный портрет прошлого, но и транслирует нарратив о культурном и политическом превосходстве Турции как наследницы исперии. К примеру, показ переговоров Сулеймана с Габсбургами и его военных походов в Венгрию формирует представление о геополитической мощи и лидерстве, что коррелирует с современными стремлениями Анкары укрепить свой статус регионального центра силы.

В сериалах *Diriliş: Ertuğrul* (Возрождение: Эртугрул) и его продолжении *Kuruluş Osman* (Основание: Осман) акцент переносится на начальный этап формирования Османского государства. Здесь доминируют мотивы борьбы за справедливость, верности исламским ценностям и объединения тюркских племен. Эртугрул и Осман изображаются как харизматичные лидеры, которые действуют не только ради политического могущества, но и ради защиты веры и справедливости. Такие сюжетные линии – например, противостояние Эртугрула с крестоносцами или борьбы Османа с Византией – актуализируется в контексте современных нарративов о «возрождении сильной Турции» и ее роли защитницы мусульманских сообществ от внешних угроз. Эти мотивы напрямую соотносятся с риторикой Партии справедливости и развития (ПСР), которая также строит образ Турции как центра исламского мира и альтернативного полюса в глобальной политике.

Особое значение имеет сериал *Payitaht Abdülhamid* («Великолепный Абдулхамид»), посвященный правлению Абдулхамид II. Здесь центральный мотив – противостояние султана западному давлению и «колониальному заговору». Сюжетные линии включают борьбу с британскими и французскими дипломатами, тайными миссиями европейских агентов и защиту интересов исламского мира. Абдулхамид представлен как мудрый и дальновидный лидер, стремящийся сохранить единство империи и противостоять экспансии Запада. Например, эпизоды, где султан выступает защитником палестинских земель от сионистских притязаний, напрямую апеллирует к современным дискуссиям о

ближневосточной политике Турции. Через эти образы транслируется идея особой миссии Турции – быть лидером и защитником мусульманских народов, что тесно связано с концептом неоосманизма.

Таким образом, турецкие телесериалы не просто реконструируют османское прошлое в историко-художественной форме, но и актуализируют его в контекст современной внешнеполитической идеологии. Визуальные образы и сюжетные линии служат инструментом легитимации политики «Стратегической глубины Ахмета Давутоглу», где история и география рассматриваются как ресурсы для формирования «нового турецкого века». Через художественные средства массовой культуры Турция стремится укрепить свою «мягкую силу», влияя на аудиторию в разных регионах – от Балкан и Ближнего Востока до Центральной Азии и Латинской Америки.

Таблица 1. Репрезентация османского наследия в популярных турецких сериалах

Сериал	Центральные мотивы	Примеры сюжетов	Элементы неоосманизма
Muhteşem Yüzyıl (Великолепный век)	Величие и могущество Османской империи	Походы Сулеймана на Венгрию; дипломатия с Габсбургами	Османское прошлое как символ национальной гордости и легитимации современной Турции
Diriliş: Ertuğrul (Возрождение: Эртугрул)	Основание государства, борьба за справедливость, исламские ценности	Борьба с крестоносцами и монголами	Идея защиты мусульман, объединение тюркских племён, миссия Турции как лидера исламского мира
Kuruluş Osman (Основание Османа)	Государственное строительство, лидерство, борьба за независимость	Конфликты с Византией, формирование первых институтов власти	Нарратив «возрождения Турции», параллели с современной политикой ПСР
Payitaht Abdülhamid (Великолепный Абдулхамид)	Противостояние Западу, защита исламского мира	Борьба с британскими и французскими агентами; защита Палестины	Турция как защитник мусульман, критика западного давления, антиколониальный дискурс

Таблица 1 демонстрирует, что репрезентация османского наследия в турецких исторических телесериалах строится вокруг устойчивых сюжетных и идеологических мотивов. В каждом из рассмотренных сериалов исторические события и персонажи используются для формирования определённого символического нарратива: от демонстрации могущества Османской империи до идеи защиты исламского мира и противостояния внешнему давлению. Подобная интерпретация прошлого позволяет не только популяризировать историческую тематику, но и актуализировать её в контексте современной политической и культурной идентичности Турции. Таким образом, телесериалы выступают медиапространством, через которое османское наследие переосмысливается и транслируется международной аудитории как элемент культурной дипломатии и «мягкой силы».

Значимым содержательным компонентом турецких исторических сериалов является исламская идентичность, которая выступает не только культурным фоном, но и ключевым идеологическим маркером. В *Diriliş: Ertuğrul*

ислам представлен как объединяющая сила, мобилизующая общество перед лицом внутренних и внешних угроз. Герой Эртугрул регулярно обращается к Корану и религиозным наставлениям шейха Эдебали, что символизирует важность духовного руководства для становления будущего государства. В сериале многократно подчеркивается, что истинная власть и справедливость возможны лишь при опоре на исламские ценности – честность, преданность обществу, жертвенность во имя Аллаха. Эти мотивы напрямую связаны с современными политическими нарративами о «возрождении Турции» как лидера мусульманского мира, где исламская солидарность становится основой национальной консолидации.

В *Kuruluş Osman* исламская идентичность приобретает еще более явный государствообразующий характер. Основатель Османской империи Осман Гази представлен как политический и военный лидер, чьи решения легитимируются исламской моралью и религиозным авторитетом. Его браки, дипломатические союзы и военные кампании освещаются в свете миссии по защите и распространению ислама. Особенно показательно, что все важные политические решения Османа сопровождаются религиозными обрядами или молитвами, что подчеркивает идею сакральности власти. Такая интерпретация совпадает с концепцией неоосманизма, в которой Турция рассматривает себя как наследницу духовной и культурной миссии Османской империи, обязанной вновь занять ведущую роль в мусульманском мире.

В *Payitaht Abdülhamid* исламская идентичность связывается прежде всего с сопротивлением колониализму и западному вмешательству. Сериал изображает султана Абдулхамида II как «защитника уммы», который противостоит не только военным угрозам, но и идеологическому и культурному давлению со стороны Европы. Его дипломатические шаги и реформы показаны как направленные на укрепление исламской солидарности и защиту мусульман от экспансии Запада. Важным символическим элементом здесь выступает образ мечети и намаза, неоднократно повторяющийся в ключевых эпизодах как выражение духовной стойкости и коллективной идентичности.

Подобные наблюдения нашли подтверждение в исследованиях [15], [16], [17], которые отмечают, что турецкие сериалы играют важную роль в укреплении исламской идентичности и формировании образа общей истории с другими мусульманскими обществами. Более того, через художественные образы создается иллюзия преемственности между эпохой Османской империи и современной Турцией. Это способствует усилению привлекательности Турции как культурного и политического лидера, особенно в странах Ближнего Востока, где зрители воспринимают такие сериалы как отражение собственной исторической памяти.

Таким образом, исламская идентичность в турецких сериалах предстает не просто религиозным компонентом сюжета, но и инструментом символической политики. Через сериалы транслируется идея о том, что ислам был и остается ключевым фактором, формирующим турецкую государственность и ее международную роль. В этом аспекте сериалы служат не только культурным продуктом, но и элементом внешнеполитического дискурса, укрепляющим позиции Турции в рамках стратегии «мягкой силы» и неоосманизма.

Особое значение турецкие сериалы приобретают на Балканах, где историческая память об Османской империи сохраняет двойственный характер. В таких странах, как Босния и Герцеговина, Албания, Косово, где мусульманское население является значительным, турецкие драмы (Muhteşem Yüzyıl, Ezel, Binbir Gece) воспринимаются как выражение культурной близости и общего исторического наследия [18]. Эти сериалы способствуют укреплению позитивного образа Турции как современного и сильного государства, что в свою очередь усиливает двусторонние связи в сферах туризма, образования и экономики. Не случайно, что после выхода Muhteşem Yüzyıl в регионе увеличился поток туристов в Стамбул, а изучение турецкого языка стало популярнее среди молодежи.

В Центральной Азии турецкие телепродукты выполняют роль посредника в формировании общей культурной идентичности, апеллируя как к исламскому, так и к тюркскому наследию. Özgün [19] указывает, что в Казахстане, Кыргызстане и Узбекистане особым успехом пользуются Diriliş: Ertuğrul и Kuruluş Osman, в которых идея единства тюркских народов и исламской солидарности напрямую перекликается с проектами Анкары, направленными на институционализацию тюркского сотрудничества (например, в рамках Организации тюркских государств). В восприятии центральноазиатской аудитории турецкие сериалы становятся не просто развлекательным продуктом, но и символом культурной общности и исторической преемственности.

В арабских странах влияние турецких сериалов носит более противоречивый характер. С одной стороны, в Сирии, Ливане и Ираке они чрезвычайно популярны: теледрамы Gümüş, Aşk-ı Memnu, Fatmagül'ün Suçu Ne? Собирали десятки миллионов зрителей и формировали привлекательный образ современной Турции как динамичного общества, сочетающего традиции и модернизацию. С другой стороны, в таких странах как Египет и Саудовская Аравия, турецкие телепродукты воспринимались как инструмент культурной экспансии. По данным Öztürk [20], власти Египта в 2013 году предприняли шаги по ограничению трансляции турецких сериалов после ухудшения политических отношений между Анкарой и Каиром, а Саудовская Аравия в 2018 году наложила негласный запрет на демонстрацию турецкой продукции на ведущих телеканалах. Эти меры отражают опасения арабских режимов относительно неоосманских претензий Турции на лидерство в мусульманском миреб транслируемых через культурные продукты.

Наконец, значительный интерес к турецким сериалам проявляется и в Латинской Америке. По данным Jabbour [12], в Чили, Аргентине и Мексике такие теледрамы как Fatmagül'ün Suçu Ne?, получили рекордные рейтинги и стали символом «экзотического Востока», сочетающего романтику, драму и исторический колорит. В восприятии латиноамериканской аудитории Турция предстает страной с богатым культурным наследием и современными ценностями, что усиливает ее привлекательность и способствует развитию культурных связей на новых рынках.

Таким образом экспорт турецких сериалов выполняет сразу несколько функций: он укрепляет позитивный имидж страны, транслирует неоосманские и исламские нарративы, способствует экономическим выгодам и формирует

символический капитал Турции на международной арене. Региональные различия в восприятии отражают сложность и многослойность этой стратегии: от позитивной рецепции в странах с культурной близостью до настороженности в государствах, конкурирующих с Турцией за лидерство в исламском мире.

Таблица 2. Восприятие турецких сериалов за рубежом

Регион	Восприятие	Политико-культурный эффект
Балканы	Высокая популярность, культурная близость	Укрепление позитивного образа Турции, мягкая интеграция
Центральная Азия	Принятие как часть общего тюркского наследия	Формирование единства «тюркского мира»
Ближний Восток	Амбивалентное восприятие: популярность или. подозрения	В одних странах усиливает привлекательность Турции, в других — вызывает сопротивление
Латинская Америка	Популярность как «экзотического» контента	Укрепление бренда Турции как альтернативного культурного центра
Запад (США, Европа)	Ограниченный интерес	Слабый политический эффект, но рост туристического имиджа

Анализ региональных различий восприятия турецких телесериалов показывает, что их влияние напрямую зависит от культурно-исторической близости аудитории к османскому и тюркскому наследию. В регионах, где существуют исторические, религиозные или культурные связи с Османской империей - на Балканах, в Центральной Азии и частично на Ближнем Востоке - турецкие сериалы способствуют формированию позитивного образа Турции и укреплению ее символического влияния. В то же время в странах, где подобная историческая связь выражена слабее, например в Западной Европе или США, их политико-культурный эффект остается ограниченным и проявляется преимущественно в сфере культурного интереса и туристической привлекательности. Таким образом, эффективность турецких телесериалов как инструмента «мягкой силы» варьируется в зависимости от регионального контекста и степени культурной близости аудитории.

Однако критический анализ выявляет и значительные противоречия в использовании турецких сериалов как инструмента мягкой силы. Прежде всего, они остаются продуктами медиарынка, ориентированными на зрительские рейтинги и прибыль, что означает преобладание коммерческих интересов над внешнеполитическими задачами. Например, продюсеры сериалов *Muhteşem Yüzyıl* или *Diriliş: Ertuğrul* принимали художественные решения прежде всего с расчётом на массовую аудиторию, а уже затем на политическую репрезентацию, что нередко вступало в противоречие с государственными ожиданиями. Внутри самой Турции телепроекты нередко становятся предметом ожесточённых споров. Наиболее ярким примером является *Muhteşem Yüzyıl*, вызвавший резкую критику со стороны консервативных кругов, включая тогдашнего премьер-министра Р.Т. Эрдогана, который обвинил создателей в искажении образа султана Сулеймана и излишнем акценте на дворцовых интригах и личной жизни монарха. Подобная критика отражает напряжение между официальным

дискурсом героизации османского наследия и коммерческой логикой телепроизводства, ориентированной на зрелищность.

Разногласия заметны и на международной арене. В странах Балкан, таких как Босния и Герцеговина или Северная Македония, турецкие сериалы воспринимаются как элемент культурного сближения и «возвращения к общим историческим корням» [18]. В Центральной Азии, например в Казахстане и Кыргызстане, сериалы *Diriliş: Ertuğrul* и *Kuruluş Osman* популярны благодаря акценту на тюркской солидарности и общей исламской идентичности, что способствует укреплению позитивного имиджа Турции [19]. Однако в арабском мире реакция неоднозначна. В Египте в период обострения отношений с Анкарой власти ограничивали трансляцию турецкой продукции, расценивая её как инструмент культурной экспансии и «скрытую пропаганду» неоосманских амбиций [20]. В Саудовской Аравии и Объединённых Арабских Эмиратах в 2018 году был введён запрет на показ некоторых популярных турецких сериалов на региональных телеканалах, включая *Diriliş: Ertuğrul*, что напрямую связано с геополитическим соперничеством с Турцией за лидерство в исламском мире. Следовательно, восприятие одного и того же медиапродукта может существенно различаться: в одних странах он рассматривается как фактор культурного сближения, тогда как в других – как потенциальная угроза национальному суверенитету. Сравнение с Голливудом также подчёркивает ограниченность турецкой медиапродукции. Если американские фильмы и сериалы обладают универсализмом и обращаются к глобальной аудитории независимо от её культурного кода, то турецкие теледрамы ориентируются прежде всего на зрителей, разделяющих с Турцией общую историческую память или религиозные ценности. Это снижает их потенциал глобального охвата, но усиливает эффективность в региональном измерении, особенно там, где сохраняется символическое наследие Османской империи.

Таким образом, турецкие сериалы выполняют двойную функцию: внутри страны они укрепляют национальную идентичность и популяризируют интерпретацию прошлого в духе неоосманизма, а во внешней политике транслируют образ Турции как преемницы Османской империи и защитницы мусульманских обществ. Их значение как инструмента культурной дипломатии остаётся неоднородным: в одних странах они формируют привлекательный имидж Турции и усиливают её «мягкую силу», в других вызывают критику, сопротивление или даже запреты. Полученные данные показывают, что неоосманизм как дискурсивная стратегия не обладает универсальной привлекательностью, а его эффективность напрямую зависит от конкретного культурного и политического контекста, в котором осуществляется медиапотребление.

Заключение

Результаты проведённого анализа свидетельствуют о том, что турецкие телесериалы выполняют множество взаимосвязанных функций в рамках внешнеполитического и культурного дискурса Турции.

Во-первых, они выступают важным инструментом культурной дипломатии, способствуя формированию привлекательного образа Турции за рубежом и демонстрируя её как современную, динамичную и в то же время глубоко укоренённую в истории страну [2]. В отличие от традиционных дипломатических каналов, телесериалы действуют на уровне массового восприятия, внедряя

символы и культурные коды в повседневное сознание зрителей.

Во-вторых, они выполняют идеологическую функцию, транслируя нарративы, связанные с османской историей, исламской идентичностью и концепцией «возрождения» Турции как регионального лидера [15], [16]. Сериалы *Diriliş: Ertuğrul* и *Kuruluş Osman* активно интегрируют мотивы героизации прошлого, что прямо коррелирует с внешнеполитическим курсом, ориентированным на неоосманские идеи.

В-третьих, турецкая медиапродукция формирует устойчивое региональное влияние, особенно в странах Ближнего Востока, Балкан и Центральной Азии, где историческая память и культурная близость облегчают восприятие этих продуктов [17], [18]. Примечательно, что на Балканах сериалы рассматриваются как символ культурного сближения, в то время как в Центральной Азии они становятся частью общей тюркской идентичности и усиливают интеграционные процессы.

Вместе с тем выявлены и ограничения данной стратегии. В ряде арабских стран турецкие теледрамы воспринимаются как форма «культурной экспансии» и вызывают подозрения в стремлении Анкары навязать своё влияние [19]. Египет и Саудовская Аравия в определённые периоды прямо ограничивали трансляцию турецких сериалов, что указывает на политическую чувствительность культурных инструментов мягкой силы.

На основании этих наблюдений можно сделать несколько выводов. Турецкие телесериалы стали важным компонентом стратегии «мягкой силы» Турции, органично дополняя официальные дипломатические инициативы [9]. Их нарративы нельзя рассматривать как политически нейтральные: напротив, они тесно согласуются с внешнеполитическим дискурсом Партии справедливости и развития, акцентирующей османское наследие, исламскую идентичность и лидерство Турции в мусульманском мире [10]. В отличие от универсалистской модели Голливуда, рассчитанной на глобальную аудиторию, турецкие драмы концентрируются на культурно близких регионах, что ограничивает их мировое влияние, но повышает эффективность в региональном масштабе.

Будущие исследования должны уделить больше внимания малоизученным регионам, таким как Латинская Америка и Африка, где турецкие сериалы уже набирают популярность, формируя неожиданные культурные мосты. Необходимы также лонгитюдные исследования, способные оценить долгосрочное воздействие этих драм на общественное мнение, культурную идентичность и двусторонние отношения.

Практическая значимость работы состоит в том, что она позволяет глубже понять механизмы включения массовой культуры во внешнеполитические стратегии и идеологические практики современных государств. В более широком контексте результаты исследования демонстрирует трансформацию взаимосвязей между СМИ, «мягкой силой» и международными отношениями в XXI веке. Это показывает, что медиапродукция становится не просто культурным товаром, а стратегическим инструментом политической коммуникации.

Источник финансирования исследований

Это исследование финансируется Министерством науки и высшего образования Республики Казахстан (Грант №AP23483774 «Углубление тюркской интеграции: перспективы, геополитические риски и угрозы для Казахстана»).

Список литературы / References:

1. Türkiye, ABD'den sonra en fazla dizi ihraç eden ülke // Anadolu Ajansı. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/kultur-sanat/abdden-sonra-en-fazla-dizi-ihrac-eden-ulke-turkiye/1641524> (дата обращения: 07.01.2026).
2. Turkish drama industry surpasses \$500 million export revenue in 2024. – Türkiye Today, 2025. URL: https://www.turkiyetoday.com/culture/turkish-drama-industry-surpasses-500-million-export-revenue-in-2024-107534?utm_source=chatgpt. (дата обращения: 11.03.2026).
3. Aydemir E. Assessment of the Civil Society Dialogue Program between European Union and Turkey as a Public Diplomacy Implementation // OPUS International Journal of Society Researches. — 2017. — 7(13). — P.912–927. — DOI: URL: <https://doi.org/10.26466/opus.348548>.
4. Aydın N. The Use of Turkish Television Series in the Hegemonic Construction of Neo-Ottomanism Ideology // Turkish Studies. - 2025. 20(2). P. 765–792. - DOI: URL: <https://dx.doi.org/10.7827/TurkishStudies.80617> (дата обращения: 16.01.2026).
5. Soft Power: The Means to Success in World Politics // PublicAffairs. URL: <http://www.publicaffairsbooks.com/publicaffairsbooks-cgi-bin/display?book=1586482254> (дата обращения: 16.01.2026).
6. The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations // Palgrave Macmillan. URL: https://culturaldiplomacy.org/academy/pdf/research/books/soft_power/The_New_Public_Diplomacy.pdf (дата обращения: 13.01.2026).
7. Nicholas J. Cull. Public diplomacy: Taxonomies and histories // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 2008. – 616(1). P.31–54. URL: <https://www.jstor.org/stable/25097993> (дата обращения: 13.01.2026).
8. Altunışık, M. B. The possibilities and limits of Turkey's soft power in the Middle East // Insight Turkey. – 2008. - 10(2). – P. 41–54. URL: <https://www.insightturkey.com/articles/the-possibilities-and-limits-of-turkeys-soft-power-in-the-middle-east> (дата обращения: 02.01.2026).
9. Walker, J. Turkey's Imperial Legacy: Understanding Contemporary Turkey through its Ottoman Past // Perspectives on Global Development and Technology. - 8(2-3). - P.494–508. — DOI: URL: <https://doi.org/10.1163/156914909x423999>.
10. Davutoğlu, A. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu // Küre Yayınları. – 2010.
11. Öniş, Z., & Kutlay, M. Rising Powers in a Changing Global Order: the political economy of Turkey in the age of BRICS. — Third World Quarterly. — 34(8). — P.1409–1426. — DOI: URL: <https://doi.org/10.1080/01436597.2013.831541>.
12. Jabbour, J. Turkey: An emerging power without the resources to match its ambitions // Politique étrangère. – 2020. – 4. P. 99-108. — DOI: URL: <https://doi.org/10.3917/pe.204.0099>.
13. Kraidy, M., Al-Ghazzi, O. Neo-Ottoman cool: Turkish popular culture in the Arab public sphere // Popular Communication. – 2013. - 11(1). P.17–29. — DOI: URL: <https://doi.org/10.1080/15405702.2013.747940>.
14. Arslan, S. Cinema in Turkey: A New Critical History // Oxford University Press. – 2011. - 4(3). – P.225–240. URL: <https://www.insightturkey.com/file/636/cinema-in-turkey-a-new-critical-history-summer-2011-vol13-no3> (дата обращения: 02.12.2025).
15. Kaya, A., Tecmen, A. The use of the past in populist political discourse // European Memory in Populism. – 2019.
16. Çevik, S. The empire strikes back: Propagating AKP's Ottoman Empire narrative on Turkish television // Middle East Critique. – 2020. - 29(2). P. 177-197. — DOI: URL: <https://doi.org/10.1080/19436149.2020.1732031>.
17. Sertbulut, Z. The dizi industry's geographic imaginaries and narratives of global success // International Communication Gazette. - 2023. – 85 (3-4). P. 286-309.— DOI: URL: <https://doi.org/10.1177/17480485231152870>.

18. Miriam B. Turkish drama serials as a tool for Soft Power // Participant Journal. 2017. – 14 (2). URL: https://www.researchgate.net/publication/350588642_
19. Özgün, K. Transnational Reception Research on Turkish Tv Dizis (Series): A Meta-Synthesis // İmgelem. - 2024. - 14. - P.475-494. — DOI: URL: <https://doi.org/10.53791/imgelem.1483459>
20. Öztürk, A. E. The Many Faces of Turkey's Religious Soft Power // Washington: Brookings Institution. URL: <https://berkeleycenter.georgetown.edu/publications/the-many-faces-of-turkey-s-religious-soft-power> (дата обращения: 15.12.2025).
21. Krippendorff, K. Content analysis: An introduction to its methodology (3rd ed.) // Sage Publications. – 2013. URL: <https://www.scirp.org/reference/referencespapers?referenceid=1976495> (дата обращения: 28.12.2025).
22. Fairclough, N. Critical discourse analysis : the critical study of language // Open Journal of Modern Linguistics. – 2013. – 3(2). URL: <https://www.scirp.org/reference/referencespapers?referenceid=821968> (дата обращения: 16.12.2025).

Материал поступил в редакцию 17.01.2026

Утвержден к публикации 19.03.2026

УСИЛЕНИЕ АКТИВНОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СРЕДНЕСРОЧНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Мурат Тулеев

¹ Академия Комитета национальной безопасности Республики Казахстан, PhD; Алматы, Казахстан, e-mail: muratkemer65@mail.ru

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2026.114.1.010>

Аннотация. Одним из основных целей исследования заключалась в выявлении степени террористической угрозы в Центральной Азии и проблемы региональной безопасности. Исследование базировалось на материалах The Jamestown Foundation Global Research & Analysis, Global Terrorism Database, Armed Conflict Location & Event Data Project и Университета Джорджа Вашингтона. Особое внимание уделялось на необходимость проведения мониторинга динамики изменений социальных процессов и факторов, обуславливающих проявления международного терроризма в странах Центральной Азии. Данное направление свидетельствует об актуальности подобного исследования. Отсутствие форматов взаимодействия общества и государственной власти центрально-азиатских стран по вопросу, как должна развиваться и какие формы принимать религиозная жизнь, создает определенные риски возможной дестабилизации в регионе. Поэтому в краткосрочном плане ситуации локальной дестабилизации всё же могут проявляться в виде различных экстремистских актов – от террористических атак до массовых беспорядков, организацию которых могут брать на себя радикальные религиозные и террористические группы, что, в свою очередь, перманентно и происходит уже на данный момент.

Ключевые слова: Центральная Азия, радикализация, международный терроризм, международное сотрудничество, бедность, религиозный экстремизм.

ОРТАЛЫҚ АЗИЯДАҒЫ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ТЕРРОРИСТІК
ҰЙЫМДАРДЫҢ ОРТА МЕРЗІМДІ ПЕРСПЕКТИВАДА
БЕЛСЕДІЛІГІНІҢ КҮШЕЮІ

Мұрат Тулеев

Қазақстан Республикасы Ұлттық қауіпсіздік комитетінің академиясы, PhD

Аңдатпа. Зерттеудің негізгі мақсаттарының бірі Орталық Азиядағы террористік қауіптің дәрежесін және аймақтық қауіпсіздік мәселелерін анықтау болды. Зерттеу The Jamestown Foundation Global Research & Analysis, Global Terrorism Database, Armed Conflict Location & Event Data Project және Джордж Вашингтон университетінің материалдарына негізделіп жүргізілді. Орталық Азия елдеріндегі халықаралық террористік әрекеттердің себеп-салдарын анықтап беретін әлеуметтік үдерістер мен факторлардың өзгеру динамикасын мониторингтеу қажеттілігі осындай зерттеудің өзектілігін көрсетіп, оған ерекше назар аударылды. Орталық Азия елдерінің қоғам мен мемлекеттік биліктің діни саланың қалай дамуы және қандай формаларды қабылдауы керек деген мәселе бойынша өзара әрекеттесу форматтарының болмауы, аймақтағы тұрақсыздандудың белгілі бір қауіп-қатерлері мен тәуекелдерін туындатады. Сондықтан қысқа мерзімде әртүрлі экстремистік әрекеттерден тұратын – террористік шабуылдардан бастап, жаппай тәртіпсіздіктерге апаратын шараларды радикал діни және террористік топтар ұйымдастыруды өз мойнына алуы мүмкін әрі мұндай жергілікті тұрақсыздық ахуалы әлі де болса, ішінара қазіргі уақытта да тіркеліп жатыр.

Түйін сөздер: *Орталық Азия, радикалдану, халықаралық терроризм, халықаралық ынтымақтастық, кедейлік, діни экстремизм.*

INCREASING ACTIVITY OF INTERNATIONAL TERRORIST ORGANIZATIONS IN CENTRAL ASIA IN THE MEDIUM TERM

Murat Tuleyev

¹Academy of the National Security Committee of the Republic of Kazakhstan, PhD

Abstract. One of the main goals of the study was to identify the extent of the terrorist threat in Central Asia and the problems of regional security. The study was based on the materials of The Jamestown Foundation Global Research & Analysis, Global Terrorism Database, Armed Conflict Location & Event Data Project and George Washington University. Special attention was paid to the need to monitor the dynamics of changes in social processes and factors contributing to the manifestations of international terrorism in Central Asian countries. This direction shows the relevance of such a study. The lack of formats for interaction between society and the state authorities of Central Asian countries on the issue of how religious life should develop and what forms it should take creates certain risks of possible destabilization in the region. Therefore, in the short term, local destabilization situations may still manifest themselves in the form of various extremist acts from terrorist attacks to mass riots, the organization of which can be taken over by radical religious and terrorist groups, which, in turn, is permanent and already happening at the moment.

Keywords: *Central Asia, radicalisation, international terrorism, international cooperation, poverty, religious extremism.*

Введение

На современном этапе проблема международного терроризма является глобальной угрозой и представляет собой одну из наиболее приоритетных задач для национальной и региональной безопасности в странах Центральной Азии. Формы террористической активности также трансформируются, как и в целом система глобальной безопасности. На это влияет стремительное развитие технологий, процессы глобализации и резкий рост межгосударственных взаимодействий, что может осложнять борьбу с терроризмом.

В контексте противодействия международному терроризму в целях обеспечения региональной безопасности стран Центральной Азии считаем целесообразным обозначить ряд проблемных вопросов, требующих дополнительного осмысления в экспертной среде. Во-первых, центрально-азиатский регион является конфликтогенной зоной и характеризуется наличием различных очагов скрытых конфликтных ситуаций. Для государств Центральной Азии необходима многосторонняя позитивная политика, ориентированная на уменьшение потенциальной базы, являющейся своеобразным «мотивационным центром» для роста террористической активности в регионе. Во-вторых, современная ситуация в области борьбы с международным терроризмом в Центральной Азии актуализировала проблему формирования единой системы региональной безопасности с учетом геополитических реалий в регионе.

По мнению М. Сарыбаева (2024), терроризм представляет серьёзную угрозу безопасности Центральной Азии, так как может привести к насилию, хаосу и нестабильности в регионе. Явлению международного терроризма способствует растущее число террористических атак, которые могут привести не только к жертвам среди мирного населения, но и к разрушению инфраструктуры. В исследовании в качестве основных действующих сил террористической активности в регионе были выделены «Исламское государство» и «Талибан». Несмотря на различия в идеологии, обе эти группы продвигают исламский экстремизм и используют насилие для достижения своих целей.

З. Ли и др. (2021) провели количественный анализ глобальных террористических атак. Авторы пришли к выводу, что тенденции террористических атак показывают их концентрацию в определённых регионах. Среди них – Ближний Восток, Юго-Восточная Азия, Центральная Азия и Африка. Однако, по мнению авторов, не Центральная Азия, а именно Юго-Восточная Азия и Африканский континент могут пострадать в наибольшей степени от террористических атак.

Работа исследователя М. Фахери (2021) отметила значимость региона для китайского правительства. Борясь с экстремизмом, сепаратизмом и терроризмом в Центральной Азии, китайские власти делают более безопасными и стабильными свои западные границы, а также контролируют этнические и религиозные волнения в Синьцзян-Уйгурском автономном районе.

В. Модебадзе (2022) подчеркнул, что после прихода к власти Талибана в Афганистане тысячи боевиков «Талибана», «Аль-Каиды» и «Исламского государства» были освобождены из тюрем. Впоследствии, согласно официальным данным, в Афганистане насчитывалось от 8 до 10 тысяч иностранных террористов, включая выходцев из Центральной Азии.

Ф. Раззак (2024) отметил, что после прихода Талибана к власти в Афганистане «Исламское государство» в провинции Хорасан стало вербо-

вать таджикских, узбекских и киргизских иностранных боевиков, что значительно увеличило риск терроризма и нестабильности.

Исходя из вышеизложенного, цель исследования заключалась в выявлении угроз международного терроризма в Центральноазиатском регионе. Задачами исследования стали определение субъектов террористических угроз, факторов, способствующих распространению терроризма, и механизмов борьбы с международным терроризмом.

Научная новизна исследования заключается в разработке двухуровневого подхода к анализу международного терроризма в Центральной Азии, основанного на разграничении фактических инцидентов (по данным Global Terrorism Database и ACLED) и латентной инфраструктурной угрозы. Нами предложена сравнительная модель, выявляющую различия ролей стран региона в транснациональных террористических сетях, включая влияние Исламское государство – Виляят Хорасан, и демонстрирует ограниченность интерпретации угрозы исключительно через показатели инцидентности.

Авторский вклад исследования заключается в следующем:

- систематизация разнородных источников (количественных баз и аналитических отчётов International Crisis Group, The Soufan Center и др.) в рамках единой аналитической модели;
- разработка сравнительной матрицы оценки угрозы, учитывающей одновременно уровень инцидентов и глубинные структурные факторы;
- выявление несоответствия между наблюдаемой инцидентностью и реальным уровнем риска в странах Центральной Азии;
- формулирование обобщающей интерпретации региона как дифференцированной системы, в которой государства выполняют различные функции в контексте международного терроризма.

Материалы и методы

Ключевой исследовательский вопрос формулировался по степени уровня фактических террористических инцидентов, что отражает реальную структуру и интенсивность террористической угрозы в странах Центральной Азии. Для операционализации данного вопроса в исследовании ставятся уточняющие подзадачи:

- выявить динамику террористических инцидентов по данным Global Terrorism Database и Armed Conflict Location & Event Data Project;
- определить степень вовлечённости стран региона в транснациональные сети, включая Исламское государство – Виляят Хорасан;
- сопоставить наблюдаемую инцидентность с латентными индикаторами угрозы.

Временные рамки исследования охватывают период 2015–2024 гг., что обусловлено следующими аналитическими соображениями:

- трансформацией глобального терроризма после ослабления Исламское государство на Ближнем Востоке;
- формированием и усилением регионального филиала Исламское государство – Виляят Хорасан;
- ростом значимости феноменов «возвращенцев» и дистанционной радикализации;
- изменением роли Афганистана как ключевого источника транснациональной угрозы после 2021 года.

Таким образом, выбранный период фиксирует переход от централизованных террористических структур к децентрализованным сетям.

Корпус источников исследования включает в себе 42 наименований, представленных научными публикациями (в том числе работы N.A. Akhmatovich, A. Basit, R. Pantucci), аналитическими и статистическими материалами международных организаций (Asian Development Bank, United Nations), глобальными индексами (Vision of Humanity), а также нормативно-правовыми актами и медийными источниками, отражающими эмпирические кейсы. Хронологические рамки исследования охватывают период 2011–2025 гг., что обусловлено принятием ООН Совместного плана действий по реализации Глобальной контртеррористической стратегии в Центральной Азии и необходимостью учёта современных тенденций, связанных с трансформацией угроз после событий в Афганистане и активизацией Исламского государства провинции Хорасан. Отбор источников осуществлялся на основе критериев тематической релевантности, научной достоверности, актуальности и географической репрезентативности (охват стран Центральной Азии – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан). Использован принцип методологического плюрализма, предполагающий сочетание количественных и качественных методов анализа. Логика сравнительного анализа строится по страновому, региональному и организационному уровням и включает сопоставление национальных стратегий противодействия терроризму, механизмов международного взаимодействия, особенностей деятельности террористических организаций, а также взаимосвязи социально-экономических факторов и террористической активности в динамике (до и после 2021 г.).

В ходе исследования были изучены материалы Университета Джорджа Вашингтона (2025) по проблеме международного терроризма в Центральной Азии. Также был проанализирован материал издания *Daegu*, освещающий геополитическую ситуацию в регионе и проблему транснационального терроризма (Sohail, 2024). Дополнительно рассматривалась публикация *Asia Times* о деятельности террористических групп (Xiaotong, 2024). Особое внимание было уделено исследованию Jamestown Foundation о росте активности «Исламского государства» в регионе (Webber, 2024), материалы Азиатского банка развития (Asian Development Bank, 2025a, 2025b, 2025c, 2025d, 2025e) по каждой из стран Центральной Азии.

Также была рассмотрена публикация Евразийского исследовательского института (Khitakhunov, 2020). Кроме того, был рассмотрен официальный доклад Организации Объединённых Наций (2024), содержащий аналитические материалы по ситуации в Центральной Азии. В дополнение к вышеуказанному, в исследовании были рассмотрены законодательные акты государств региона, в частности:

- Закон Республики Таджикистан № 1808 «О противодействии терроризму» (2021),
- Указ Президента Республики Узбекистан № 6255 «Об утверждении Национальной стратегии Республики Узбекистан по борьбе с экстремизмом и терроризмом на 2021–2026 годы» (2021). Также был проанализирован материал издания *Mail.kz* (2021) о противодействии терроризму в Казахстане. Дополнительно рассматривались публикации международных организаций, в частности:

- материалы Миссии Казахстана при международных организациях в Вене (Questionnaire on the Code..., 2023),
- и Организации Объединённых Наций (2022) о международной борьбе с терроризмом.

Кроме того, были рассмотрены аналитические данные организаций Vision of Humanity (2025) и Social Progress Imperative (2025). Также был проанализирован доклад о результатах Душанбинской конференции (United Nations, 2022).

В исследовании применялся метод контент-анализа, позволивший выявить ключевые тенденции, дискурсы, тематические акценты в материалах, посвящённых проблеме международного терроризма в Центральной Азии и систематизировать информации о влиянии терроризма на Центральноазиатский регион в целом. В качестве источников анализа использовались официальные документы государств региона, отчёты международных организаций, аналитические публикации и материалы средств массовой информации. Метод сравнительного анализа применялся для сопоставления подходов государств Центральной Азии к противодействию международному терроризму, проведен анализ законодательной базы, институциональных механизмов и стратегии национальной безопасности, а также для определения уровня террористической активности в регионе и его корреляции с уровнем благосостояния населения.

Использование контент-анализа в сочетании со сравнительным методом позволило не только выявить основные нарративы и тенденции в дискурсе о терроризме, но и провести подробный анализ стратегий государств Центральной Азии по противодействию данной угрозе. Такой подход обеспечил более комплексное понимание региональной динамики международного терроризма.

Результаты и обсуждение

Деятельность международных террористических организаций в Центральноазиатском регионе

Согласно данным Global Terrorism Database, в Узбекистане в последние годы наблюдается крайне низкий уровень фактических террористических инцидентов. Вместе с тем аналитические отчёты International Crisis Group и RAND Corporation указывают на сохранение латентной угрозы, связанной с историческим наследием радикальных организаций, включая Исламское движение Узбекистана, а также с транснациональными экстремистскими сетями». «По данным Armed Conflict Location & Event Data Project, Кыргызстан характеризуется низким уровнем фактических террористических инцидентов, хотя отдельные случаи насилия фиксировались. В то же время исследования OSCE и Eurasianet подчёркивают наличие латентной угрозы, обусловленной институциональными ограничениями, региональными диспропорциями и рисками радикализации». Согласно данным Global Terrorism Database, в Таджикистане фиксируются отдельные террористические инциденты, что отличает его от ряда других стран региона.

Аналитические материалы United Nations и International Crisis Group указывают на высокий уровень латентной угрозы, связанный с близостью к Афганистан, трансграничными сетями и деятельностью аффилированных

структур Исламское государство – Вилайат Хорасан». Согласно доступным данным Global Terrorism Database, в Туркменистане отсутствуют зафиксированные террористические инциденты в открытых источниках. Однако отчёты International Crisis Group и Radio Free Europe/Radio Liberty подчёркивают ограниченность информации и указывают на потенциальное наличие латентной угрозы, связанной с региональными факторами безопасности, включая соседство с Афганистаном». Согласно данным Global Terrorism Database, уровень фактических террористических инцидентов в Казахстане остаётся низким. В то же время аналитические отчёты International Crisis Group и The Soufan Center указывают на сохраняющуюся латентную угрозу, связанную с радикализацией и транснациональными сетями, включая влияние Исламское государство — Вилайат Хорасан». Таким образом, несмотря на в целом низкий уровень фактических террористических инцидентов в странах Центральной Азии (Таблица 1.) по данным Global Terrorism Database и ACLED, аналитические источники сходятся в оценке сохранения латентной угрозы, обусловленной как внутренними факторами радикализации, так и внешним влиянием транснациональных экстремистских структур.

Таблица 1. Страновой анализ степени фактических инцидентов и латентных угроз в Центральной Азии

Страна	Фактические инциденты	Латентная угроза	Ключевой драйвер
Казахстан	Низкие	Средние	Саморадикализация + влияние Исламское государство — Вилайат Хорасан
Узбекистан	Очень низкие	Низкие–средние	Исторические сети (Исламское движение Узбекистана)
Кыргызстан	Низкие	Средние–повышенные	Институциональная уязвимость
Таджикистан	Средние	Высокие	Граница с Афганистан + трансграничные сети
Туркменистан	Неясно	Неясно/потенциально средние	Закрытость + дефицит данных

Источник: составлено автором по данным Global Terrorism Database и ACLED

Деятельность террористических и иных экстремистских организаций в центральноазиатском регионе носит трансграничный характер, охватывая территории практически всех входящих в него государств. Особую активность проявляют международные террористические организации, основной целью которых является дестабилизация общей ситуации в регионе для создания условий захвата власти в его государствах и введения в них шариатских форм правления с последующим возможным слиянием их в единый исламский халифат. В этой связи, необходимо оценить характер и операционализировать степень (Таблица 2.) самой террористической угрозы в странах Центральной Азии.

Таблица 2. Сравнительная матрица террористических рисков в государствах Центральной Азии

Страны: Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан

Шкала оценки:

- 1 — низкий риск
- 2 — умеренный риск
- 3 — повышенный риск
- 4 — высокий риск

Переменная (операционализация)	KKAZ	UUZB	KKGZ	TTJK	TTKM	Источники данных
Геополитическая экспозиция (протяженность границы с Афганистаном)	11	22	22	44	33	Геоданные, UNODC
История террористических инцидентов (1999–2024)	22	22	22	44	11	GTD
Участие граждан в зарубежных конфликтах (Сирия/Ирак)	12	12	12	44	11	судебная статистика
Социально-экономическая уязвимость (молодежная безработица, ВВП на душу)	22	32	33	44	22	World Bank
Политическая нестабильность (индексы governance)	22	22	33	33	32	WGI
Цифровая радикализация (активность экстремистских сетей онлайн)	33	22	22	22	11	OSINT
Контроль границ и силовой потенциал	22	22	22	22	22	экспертная оценка

Источник: Источник: составлено автором на основе данных Global Terrorism Database (University of Maryland), World Bank (WDI, WGI), UNODC и национальных статистических материалов.

Страны Центральной Азии заслуживают особого внимания, так как их географическое положение может служить как базой для международных террористических организаций, так и площадкой для правительств, стремящихся обеспечить региональную стабильность и устойчивость. С приходом к политической власти Талибан, непосредственно снизились угрозы террористического характера в странах Центральной Азии. Динамика (Таблица 3.) террористических угроз в настоящее время перемещена в сторону Афганистана.

Таблица 3. Динамика террористических угроз в Центральной Азии

Уровень террористической активности (1999-2025)			
Высокий	▲ 1999-2001 (ИДУ)		
Средний		▲ 2014-2018 (ИГ, Сирия)	
Низкий			▲ 2021-2024 (ISKP)
	1999	2010	2020
			2025

Пояснение:

-1999-2001 г.г. – вторжение ИДУ в Ферганскую долину
-2014-2018 г.г. – массовый выезд граждан ЦА в Сирию
-2021-2024 г.г. – усиление ISKP (Islamic State Khorasan Province) после прихода власти Талибан в Афганистане

Источник: составлено автором на основе данных International Centre Endowment for the Study of Radicalisation, Global Terrorism Database (University of Maryland).

Как отмечено в аналитическом исследовании The Jamestown Foundation's Global Research & Analysis, после вывода войск США из Афганистана «Исламское государство» в провинции Хорасан пересмотрело свою военную доктрину и разработало новую стратегию регионализации и интернационализации (Webber, 2024). В неё входило наращивание многоязычного пропагандистского потенциала для усиления влияния в Центральной Азии. Пропагандистский аспект также подчеркнул А. Басит (2023), отмечая региональные и глобальные амбиции «Исламского государства» в Хорасане по охвату широкой аудитории. Это привело к вовлечению боевиков из Центральной Азии в атаки как внутри, так и за пределами Афганистана. Организация также расширила сферу своей деятельности, затронув Северную Америку и Европу наряду с Центральной Азией. Е. Лемон (2023) отметил, что хотя угроза терроризма напрямую не дестабилизировала регион, 5–8 тысяч граждан Центральной Азии отправились в Сирию и Ирак для присоединения к террористическим группировкам.

Центральная Азия дала наибольшее число иностранных боевиков в Ирак и Сирию во время существования халифата (Webber, 2024). В 2020-е годы регион также стал основным источником иностранных боевиков для «Исламского государства» в провинции Хорасан. В 2020-е годы организация особенно активизировалась в Центральной Азии. В декабре 2023 года сообщалось о предотвращении теракта в Кыргызстане с участием членов «Исламского государства» в провинции Хорасан. Задержанные были завербованы через интернет. В феврале 2024 года министр внутренних дел Таджикистана Р. Рахимзода отметил, что взрыв правительственного автомобиля был связан с «террористическим актом» (Радио Озоди, 2024). Хотя конкретные террористические организации названы не были, источники «Радио Озоди» указали на причастность террористов «Исламского государства» в провинции Хорасан.

Исходя из вышеизложенного, «Исламское государство» в провинции Хорасан наиболее активно как в вербовке, так и в попытках совершения терактов в Таджикистане. К. Страхта (2024) отметил особенность быстрого роста участия граждан Центральной Азии в террористической деятельности, главным образом из Таджикистана. Немного позже, в июне 2024 года, в Кыргызстане были задержаны подозреваемые в вербовке людей для «Исламского государства Ирака и Леванта», а именно 15 человек в Бишкеке и регионах страны. Один из лидеров этих людей в Кыргызстане также был завербован через социальные сети. В июне 2024 года одно СМИ сообщило о возможной атаке на международную организацию в Казахстане со стороны «Исламского государства» в провинции Хорасан (Kazakh Telegraph Agency,

2024). Хотя эта информация не была подтверждена, она явно свидетельствует о росте террористической активности в Центральной Азии. Публикация The Jamestown Foundation's Global Research & Analysis также добавила, что успех «Исламского государства» в провинции Хорасан по вербовке выходцев из Центральной Азии представляет серьёзную угрозу для региона (Webber, 2024). Действия террористической группы были отражены в докладе Совета Безопасности ООН (2024). В нём говорится, что, несмотря на достигнутый прогресс в борьбе с «Исламским государством» в провинции Хорасан, группа по-прежнему представляет серьёзные вызовы в сфере безопасности. Эта угроза особенно актуальна для Афганистана и его соседних стран. Многие государства — члены ООН выразили обеспокоенность тем, что модель управления в Афганистане во время прихода к власти талибов останется источником угроз для Центральной Азии в большинстве сценариев. Об этом также писал С. Шай (2024), отмечая реакцию правительства Таджикистана на приход талибов к власти в Афганистане, а именно наличие тысяч боевиков-экстремистов в северных провинциях Афганистана как источника террористической активности.

В докладе также указывается схожая причина отсутствия безопасности в вышеупомянутых аспектах. В частности, речь идёт о том, что многие другие террористические организации базируются в Афганистане, что, в свою очередь, создаёт условия для распространения терроризма в соседние государства, особенно в Центрально-Азиатский регион. В документе также отмечается, что, хотя степень проникновения «Исламского государства» в провинции Хорасан в Центральную Азию требует уточнения, перемещение террористов уже оказало негативное влияние на безопасность в регионе. Кроме того, как сказано в отчёте, концентрация террористических организаций в северных провинциях Афганистана была направлена на установление территориального контроля над этими провинциями, а также на дальнейшее проникновение в страны Центральной Азии.

Исследование С. Тивари и др. (2023) также добавляет, что в северных провинциях Афганистана, по данным таджикских спецслужб, существует более 40 тренировочных площадок для более чем 6 000 боевиков, готовящихся к возможным атакам на границе с Таджикистаном. Соответственно, усиление активности международных террористических организаций в Центральной Азии, особенно в Афганистане, представляет наибольшую угрозу для правительств Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана, которые имеют общую границу с Афганистаном.

Таким образом, деятельность международных террористических структур в Центральной Азии указывает на интенсификацию и наращивание сил, а значит — на угрозу региональной безопасности. Значительное число этих террористических групп использует Афганистан для подготовки, вербовки и атак на Центральную Азию, и после прихода талибов к власти такая активность ещё более усилилась. Это является свидетельством внутренних проблем в системе управления Афганистана, которые могут оказать негативное влияние на безопасность региона в среднесрочной перспективе. Кроме того, идеологический компонент террористических групп и вербовка распространяются через интернет, что делает их присутствие менее заметным и предсказуемым. Наиболее активными террористическими организациями в

регионе являются «Исламское государство провинции Хорасан», «Хизб ут-Тахрир», «Исламское движение Узбекистана» и «Исламское движение Восточного Туркестана». Согласно данным Организации Объединённых Наций, террористические группировки, базирующиеся на севере Афганистана, создают условия для распространения терроризма в страны Центральной Азии.

Противодействие международному терроризму в странах Центральной Азии

Учитывая острую необходимость борьбы с терроризмом, национальные правительства разрабатывают соответствующие стратегии и планы действий для противодействия международной террористической угрозе. В Таджикистане был принят Закон Республики Таджикистан № 1808 «О противодействии терроризму» (2021). Основными принципами противодействия терроризму, согласно закону, являются обеспечение прав и свобод человека, защита жизни и здоровья жертв терроризма, обеспечение неотвратимости наказания, системное и комплексное использование политических, информационных, пропагандистских и иных мер для противодействия терроризму, а также сотрудничество государства с международными и другими организациями.

В 2023 году Миссия Казахстана при международных организациях в Вене опубликовала Анкету по Кодексу поведения по политико-военным аспектам безопасности (2023), в которой были описаны действия правительства по противодействию террористической деятельности. В рамках данного отчёта было указано, что в июне 2021 года Казахстан утвердил Стратегию национальной безопасности на 2021–2025 годы (Mail.kz, 2021). Одновременно было отмечено, что государственная программа по противодействию религиозному экстремизму и терроризму на 2018–2022 годы завершила своё действие. Однако сотрудничество в рамках региональных организаций было утверждено на новый период – 2023–2025 годы. Кроме того, на государственном уровне в Казахстане запрещена деятельность 24 террористических и экстремистских организаций, из которых 16 – террористические.

В Узбекистане был принят Указ Президента Республики Узбекистан № 6255 «Об утверждении Национальной стратегии Республики Узбекистан по борьбе с экстремизмом и терроризмом на 2021–2026 годы» (2021). Целями этой стратегии являются определение приоритетных направлений в противодействии терроризму и экстремизму, дальнейшее совершенствование правовой базы, объединение национального и международного сообщества, а также внедрение механизмов борьбы с терроризмом и экстремизмом.

Н.А. Махмудов (2024) отметил в связи с этой стратегией, что её принятие можно интерпретировать как историческое событие для Узбекистана. Согласно исследованию, каждая из целей и направлений стратегии отражает приверженность защите населения и будущих поколений от радикализации. Кроме того, по данным сайта Посольства Республики Узбекистан в Украине (2025), в мире существует 13 документов ООН, направленных на борьбу с терроризмом. Среди них – 11 конвенций и 2 протокола, и правительство Узбекистана является стороной всех этих документов. Приверженность правительства Узбекистана сотрудничеству с международным сообществом также была отмечена Д.А. Эгамбердиевым (2024). В исследовании указывалось,

что, будучи частью международного сообщества, Узбекистан присоединяется к различным международным договорам и конвенциям и выполняет свои обязательства.

Одним из главных шагов по укреплению государств региона в борьбе с международным терроризмом стало принятие Совместного плана действий по реализации Глобальной контртеррористической стратегии ООН в Центральной Азии (United Nations, 2011). По данным Регионального центра ООН по превентивной дипломатии для Центральной Азии (2025), этот документ стал первым региональным актом, направленным на организацию борьбы с террористической угрозой посредством единого подхода, основанного на стратегиях ООН. В рамках документа страны-участницы обязались принимать меры по устранению условий, способствующих распространению терроризма; меры по наращиванию потенциала для борьбы с терроризмом; а также меры по соблюдению прав человека как важного элемента противодействия вспышкам терроризма.

Исследователь А. Рузметов (2023) также придерживается мнения, что принятие в 2011 году Совместного плана действий по реализации Глобальной контртеррористической стратегии ООН в Центральной Азии стало одним из самых значимых событий в усилиях государств по противодействию угрозе международного терроризма. Несмотря на сохраняющееся напряжение в Центральной Азии в связи с данной угрозой, террористические акты встречаются редко (Таблица 4).

Таблица 4. Влияние терроризма на регион Центральной Азии

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Инциденты	0	0	0	0	0	0	0	3	0
Погибшие	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Раненые	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Заложники	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Источник: составлено автором на основе Vision of Humanity (2025).

Приведённые данные показывают, что международный терроризм оказал низкое воздействие на общественную жизнь в регионе, так как число инцидентов в 2015–2023 годах было практически нулевым. Однако основная угроза заключается в том, что террористические группы стремятся к свержению светских правительств в регионе, что требует постоянной бдительности, соответствующей нормативной базы и готовности правоохранительных органов реагировать на террористические инциденты. Кроме того, как отмечалось ранее, террористические группы вербуют граждан Центральной Азии даже через Интернет и не всегда используют насилие для демонстрации своего присутствия и активности в регионе. Террористические угрозы трансформируются (Таблица 5.), появляются новые виды, такие как: сетевая модель, онлайн радикализация, индивидуальный террор.

Таблица 5. Модель трансформации террористических угроз в Центральной Азии

1 этап (1990-2005)	2 этап (2005- 2018)	3 этап (2019-2025)
Локальные вооруженные группы	Транснационализация	Сетевая модель
Ферганская долина	Сирийский конфликт	Онлайн радикализация
Прямые вооруженные нападения	Массовая вербовка	Индивидуальный террор (lone actor)

Источник: составлено автором на материалах *International Centre Endowment for the Study of Radicalisation, Global Terrorism Database (University of Maryland)*.

Отсутствие террористических актов в Центральной Азии также было отмечено Н. Солиевым и Р. Пантуччи (2021), однако авторы добавили, что сохраняется риск потенциального возвращения боевиков-выходцев из Центральной Азии в регион, а также радикализации членов диаспорных сообществ.

Другим способом борьбы с международным терроризмом в регионе является информирование международного сообщества об этой проблеме. Наиболее активным в этом направлении является правительство Узбекистана. Одна из конференций состоялась в марте 2022 года (United Nations, 2022b). Организаторами, наряду со специализированными органами Узбекистана, выступили Управление ООН по борьбе с терроризмом, Региональный центр ООН по превентивной дипломатии для Центральной Азии и Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). В конференции приняли участие более 600 участников, включая официальных лиц из Азии, Европы и Ближнего Востока, постоянных членов Совета Безопасности ООН, а также представителей международных, аналитических и других организаций. Основными темами панельных дискуссий стали предотвращение условий, способствующих развитию терроризма, укрепление сотрудничества между государствами Центральной Азии и финансовая поддержка в борьбе с терроризмом.

Итогом конференции стало принятие нового Совместного плана действий в Центральной Азии по реализации Глобальной контртеррористической стратегии ООН (United Nations, 2022a). Это имело важное значение, так как с момента принятия первого Плана действий в 2011 году в регионе появились новые вызовы и угрозы, связанные с международным терроризмом. Принципиальным изменением в новом Плане стало то, что Афганистан был включён как субъект международных отношений, с которым необходимо вести активный диалог. Это должно помочь предотвратить перемещение и потоки террористов, преступных сетей и других преступников через границы Центральной Азии за счёт обмена информацией с афганской стороной, наращивания потенциала и регулярных контактов. Ситуацию можно стабилизировать только через переговоры и миростроительство.

Трансформация угрозы во всех странах наблюдается сдвиг: от иерархических групп к сетям и «одиноким акторам». Ключевой драйвер – Исламское государство – Вилаят Хорасан. Это снижает предсказуемость и делает сравнение по инцидентам менее информативным. Сравнительный анализ стран Центральной Азии показывает, что уровень фактических террористических инци-

дентов, зафиксированных в базах Global Terrorism Database и Armed Conflict Location & Event Data Project, не отражает в полной мере реальное распределение угрозы в регионе. При сходно низких показателях инцидентности Казахстан и Узбекистан демонстрируют различные модели риска – от “импортируемой” угрозы до подавленной внутренней активности. В то же время Таджикистан, обладая более высокой степенью вовлечённости в транснациональные сети, включая Исламское государство – Вилайат Хорасан, выступает как ключевая зона трансграничной нестабильности. Таким образом, различия между странами определяются не столько уровнем насилия, сколько их положением в региональной системе международного терроризма (Таблица 6.) и степенью институциональной устойчивости».

Таблица 6. Сравнительная анализ данных по уровню инцидентов и вовлеченности стран Центральной Азии в региональной системе международного терроризма

Страна	Инциденты	Вовлечённость в международные сети	Внутренняя уязвимость	Тип угрозы
Казахстан	Низкие	Средняя (через рекрутинг в Исламское государство — Вилайат Хорасан)	Низкая–средняя	«Импортируемая»+ одиночные акторы
Узбекистан	Очень низкие	Исторически высокая (через Исламское движение Узбекистана)	Низкая	Подавленная, латентная
Кыргызстан	Низкие	Средняя	Средняя–высокая	Гибридная (внутренняя + внешняя)
Таджикистан	Средние	Высокая (прямая связь с афганским направлением)	Высокая	Трансграничная
Туркменистан	Неясно	Потенциальная	Неясная	Скрытая / трудно оценимая

Источник: составлено автором на базе данных Global Terrorism Database и Armed Conflict Location & Event Data Project.

Кроме того, правительства Центральной Азии согласились, что стабильность в регионе возможна через продолжение политических и экономических инициатив, способствующих мирному процессу, включая увеличение инвестиций в различные инфраструктурные проекты в Афганистане – от транспорта и торговли до газопроводов, линий электропередачи и железных дорог.

В этой связи значимыми являются результаты исследования М.Д. Каюми (2023). В работе отмечается, что решение афганского кризиса невозможно без формирования регионального консенсуса. Однако, поскольку новый План действий был принят уже в 2022 году, регион уже обладает видением сосуществования в новых геополитических условиях.

В результате Центрально-Азиатский регион действительно подвержен угрозе международного терроризма. Однако это зачастую выражается не в открытых актах агрессии со стороны террористов, а в их видении развития региона. Террористические группы стремятся свергнуть светские правительства в регионе, а наращивание их сил в северных провинциях Афганистана вызывает

дополнительное напряжение среди правительств региона. В этой связи правительства стран принимают соответствующие нормативные акты, проводят конференции для привлечения внимания международного сообщества и развивают сотрудничество как на региональном, так и на международном уровнях.

Проявления международного терроризма в странах Центральной Азии обусловлены рядом причин. Факторами внутреннего характера являются социальный, экономический и идеологический кризис, в котором общество находится довольно длительный период. Существование социально-экономических и социально-политических проблем, несостоятельность религиозной политики, наличие межгосударственных геополитических противоречий – всё это объективно выступает основанием для возникновения и распространения в центрально-азиатском регионе радикальных исламистских партий и движений, использующих терроризм в качестве средства достижения своих целей.

Помимо этого, распространение международного терроризма обусловлено и факторами внешнего характера. В первую очередь, близкое соседство центрально-азиатского региона с Афганистаном, территория которого вот уже несколько десятилетий представляет собой поле военных действий. В Афганистане и Пакистане размещаются базы международных террористов, в основном на их территории проводится военная подготовка боевиков для осуществления террористических атак в различных частях мира.

Заключение

В ходе исследования установлено, что основными факторами проявления международного терроризма в странах Центральной Азии являются, прежде всего, низкий уровень жизни и образования основной массы населения, рост имущественного расслоения в обществе, а также слабость государственных институтов и усиление репрессивного аппарата власти, которые способствовали еще большему росту популярности радикальных исламистских идей. Кроме этого, социально-экономическая нестабильность, политические кризисы, региональные и пограничные конфликты, социальные волнения остаются актуальными проблемами для региона. Влияние оказывает и уровень бедности, который достиг пика в 33,2% от общего населения в Кыргызстане. Кроме того, проявления авторитаризма могут способствовать радикализации населения. Конфликты между центральными и региональными властями, например, в Таджикистане и Узбекистане, также создают условия для активизации террористических групп. Таким образом, сложные внутренние проблемы в регионе и отсутствие эффективного управления в отдалённых районах способствуют медленному, но устойчивому росту угрозы терроризма.

Исследование также показало, что наиболее активная организация «Исламское государство» в провинции Хорасан, которое использовало многоязычную пропаганду для вербовки граждан стран Центральной Азии. Помимо этой террористической организации, серьёзную угрозу региону представляют Исламское движение Узбекистана, Союз исламского джихада и Исламское движение Восточного Туркестана. Радикализации населения также способствует активная пропагандистская деятельность террористической организации «Хизб ут-Тахрир». Всё вышеизложенное указывает на то, что слабое государственное управление и контроль в Афганистане способствуют развитию сетей международных террористических групп, представляющих угрозу Центрально-Ази-

атскому региону, а также другим странам, граничащим с Афганистаном и выходящим за его пределы.

В ходе исследования получены выводы о том, что национальные правительства принимают соответствующие меры на национальном уровне для противодействия международному терроризму. В Таджикистане был принят Закон Республики Таджикистан №1808 «О противодействии терроризму»; в Казахстане – Национальная стратегия безопасности Казахстана на 2021–2025 годы; в Узбекистане – Указ Президента Республики Узбекистан №6255 «Об утверждении Национальной стратегии Республики Узбекистан по борьбе с экстремизмом и терроризмом на 2021–2026 годы». Помимо национальных усилий, страны региона активно сотрудничают с международным сообществом в рамках таких инициатив, как Глобальная контртеррористическая стратегия ООН. Регулярно проводятся конференции с участием ключевых международных акторов, что способствует обсуждению вопросов региональной безопасности в контексте террористических угроз. Региональное сотрудничество привело к принятию двух Совместных планов действий по реализации Глобальной контртеррористической стратегии ООН в Центральной Азии – в 2011 и 2022 годах. Однако, несмотря на практически полное отсутствие террористических актов, а именно трёх инцидентов по данным Vision of Humanity, радикализация населения остаётся угрозой из-за активной пропагандистской деятельности террористических групп.

Сохранение в долгосрочной перспективе вышеуказанных внутренних и внешних причин служит основанием для угроз и вызовов международного терроризма в странах Центральной Азии. Особенность современного международного терроризма связана с расширением географических рамок террористической деятельности до глобальных масштабов. Глобальность проявляется также в трансграничности террористических организаций. Так, подготовка боевиков и терактов осуществляется в одной стране, проводятся теракты в другой, в третьей исполнители укрываются, четвертой весь это процесс финансируется. Это есть основной признак и характеристика современного международного терроризма.

Противодействие международному терроризму в странах Центральной Азии представляет собой стратегическую, долговременную и сложную задачу, решение которой требует многосторонних усилий, концентрации финансовых, материальных и людских ресурсов. Следовательно, с учетом различия моделей политических систем, разных темпов социально-экономического развития, странам центрально-азиатского региона следует активизировать уровень взаимодействия как в рамках региональных структур безопасности (ОДКБ, ШОС, АТЦ СНГ и др.), так и других международных организаций.

Список литературы / References

1. Akhmatovich, N.A. 2024. Scientific study and mathematical statistical analysis of processes of radicalization of military personnel. Development of Pedagogical Technologies in Modern Sciences, 3(11), 45-55. <https://doi.org/10.5281/zenodo.12798391>

2. Armed Conflict Location & Event Data Project;
3. Asian Development Bank. 2025a. Poverty data: Kazakhstan. <https://www.adb.org/where-we-work/kazakhstan/poverty>
4. Asian Development Bank. 2025b. Poverty data: Kyrgyz Republic. <https://www.adb.org/where-we-work/kyrgyz-republic/poverty>
5. Asian Development Bank. 2025c. Poverty data: Tajikistan. <https://www.adb.org/where-we-work/tajikistan/poverty>
6. Asian Development Bank. 2025d. Poverty data: Turkmenistan. <https://www.adb.org/where-we-work/turkmenistan/poverty>
7. Asian Development Bank. 2025e. Poverty data: Uzbekistan. <https://www.adb.org/where-we-work/uzbekistan/poverty>
8. Basit, A. 2023. Afghanistan-Pakistan's radical social media ecosystem: Actors, propaganda comparison and implications. *Counter Terrorist Trends and Analyses*, 15(4), 9-16. <https://www.jstor.org/stable/48743373?seq=4>
9. BBC. 2021. Kyrgyzstan-Tajikistan: Images of destruction after border clashes. <https://www.bbc.com/news/world-asia-56963998>
10. Decree of the President of the Republic of Uzbekistan No. 6255 "On Approval of the National Strategy of the Republic of Uzbekistan to Combat Extremism and Terrorism for 2021-2026". 2021. <https://lex.uz/uz/docs/5491628>
11. Egamberdiev, D.A. 2024. Organizational and legal aspects of the implementation of international law norms into national legislation regulating the activities of joint investigation teams. *International Journal of Law and Criminology*, 4(1), 77-85. <https://doi.org/10.37547/ijlc/Volume04Issue01-14>
12. Embassy of the Republic of Uzbekistan in Ukraine. 2025. Uzbekistan's activities in the field of combating international terrorism. <https://www.uzbekistan.org.ua/ru/vneshnyaya-politika/uzbekistan-i-mezhdunarodnye-organizatsii/153-vneshnyaya-politika/uzbekistan-i-voprosy-mezhdunarodnoj-bezopasnosti/1731-deyatelnost-uzbekistana-v-oblasti-borby-s-mezhdunarodnym-terrorizmom.html>
13. Fakheri, M. 2021. The effects of regional arrangements on China's foreign policy in Central Asia. *Central Eurasia Studies*, 14(1), 251-274. <https://doi.org/10.22059/JCEP.2021.310112.449952>
14. George Washington University. 2025. International terrorism: Middle East, Eurasia, and beyond: Central Asia. https://libguides.gwu.edu/international_terrorism/Central-Asia
15. Global Terrorism Database
16. International Crisis Group
17. Kazakh Telegraph Agency. 2024. Information about the alleged threat of a terrorist attack against a "Western target" in Kazakhstan has not been confirmed. <https://kaztag.kz/ru/news/informatsiya-o-yakoby-ugroze-terakta-v-otnoshenii-zapadnoy-tseli-v-kazakhstane-ne-podtverdilias>
18. Law of the Republic of Tajikistan No. 1808 "On Counteracting Terrorism". 2021. <https://ncz.tj/content>
19. Lemon, E. 2024. Foreign fighters and international peace: Joining global jihad and marching back home. *Central Asian Survey*, 43(3), 437-438. <https://doi.org/10.1080/02634937.2024.2354452>
20. Li, Z., Li, X., Dong, C., Guo, F., Zhang, F., Zhang, Q. 2021. Quantitative analysis of global terrorist attacks based on the global terrorism database. *Sustainability*, 13(14), 7598. <https://doi.org/10.3390/su13147598>
21. Mail.kz. 2021. The National Security Strategy of Kazakhstan for 2021-2025 has been approved. <https://mail.kz/ru/news/kz-news/utverzhdena-strategiya-nacionalnoi-bezopasnosti-kazahstana-na-gody>
22. Modebadze, V. 2022. Afghanistan under Taliban: A new regime poses

- a threat to international stability. *Journal of Liberty and International Affairs*, 8(1), 277-291. <https://www.doi.org/10.47305/JLIA2281277m>
23. Pantucci, R. 2024. Central Asia: Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan. *Counter Terrorist Trends and Analyses*, 16(1), 79-86. <https://www.jstor.org/stable/48756307?seq=5>
 24. Qayomi, M.D. 2023. The peace negotiations and the prospects for political stability in Afghanistan. *International Journal of Peace and Conflict Studies*, 8(2), 1-4. <https://journals.rcmss.com/index.php/ijpcs/article/view/844>
 25. Questionnaire on the Code of Conduct on Politico-Military Aspects of Security. 2023. Astana: Center for Arms Control and Inspection Support of the Ministry of Defense of the Republic of Kazakhstan. <https://www.osce.org/files/f/documents/1/4/567094.pdf>
 26. Radio Ozodi. 2024. Trace of "ISIS-Khorasan"? Interior Minister calls Kulyab blast a terrorist attack. <https://rus.ozodi.org/a/32820677.html>
 27. Razzaq, F. 2024. Socio-economic cooperation between Pakistan and Central Asia: A potential for regional prosperity. *Lahore Institute for Research and Analysis Journal*, 2, 12-23. <https://doi.org/10.51846/fwtr8h67>
 28. Ruzmetov, A. 2023. Modern international terrorism – A threat to peace and security. *International Journal of Law and Criminology*, 3(11), 72-77. <https://doi.org/10.37547/ijlc/Volume03Issue11-12>
 29. Sarybayev, M.S. 2024. China's role in eliminating conflicts between Central Asian countries to ensure regional security. *Bulletin of Abai KazNPU. Series of Historical and Social-Political Sciences*, 82(2), 2. <https://www.doi.org/10.51889/2959-6017.2024.83.4.030>
 30. Shay, S. 2024. Afghanistan and the terror threat in Central Asia. *Security Science Journal*, 5(1), 134-154. <http://doi.org/10.37458/ssj.5.1.9>
 31. Social Progress Imperative. 2025. AITi Global Social Progress Index. <https://www.socialprogress.org/social-progress-index>
 32. Soliev, N., Pantucci, R. 2021. Central Asia: Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan. *Counter Terrorist Trends and Analyses*, 13(1), 86-94. <https://www.jstor.org/stable/26979987?seq=1>
 33. Strachota, K. 2024. Islamic State-Khorasan: Global jihad's new front. <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/osw-commentary/2024-03-29/islamic-state-khorasan-global-jihads-new-front>
 34. The Soufan Center.
 35. Tiwari, S., Tripathi, A., Gaur, P. 2023. Navigating the shifting security landscape: India and Central Asia's crucial alliance in the face of Taliban resurgence. *Journal of Namibian Studies: History Politics Culture*, 38(S1), 1494-1510. <https://doi.org/10.59670/zs1y7e37>
 36. United Nations. 2011. Joint Plan of Action for the implementation of the UN Global Counter-Terrorism Strategy in Central Asia. https://unrcca.unmissions.org/sites/default/files/final_joint_action_plan_rus.pdf
 37. United Nations. 2022a. Joint Plan of Action in Central Asia for the Implementation of the United Nations Global Counter-Terrorism Strategy. https://www.un.org/counterterrorism/sites/www.un.org/counterterrorism/files/tashkent_2022_conference_report_fin.pdf
 38. United Nations. 2022b. Regional cooperation of Central Asian countries within the framework of the Joint Action Plan for the Implementation of the UN Global Counter-Terrorism Strategy. <https://www.un.org/counterterrorism/ru/node/19147>
 39. United Nations. 2024. Fifteenth report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team submitted pursuant to resolution 2716 (2023) concerning the Taliban and associated individuals and entities constituting a threat to the peace, stability and security of Afghanistan.

- <https://docs.un.org/ru/S/2024/499>
40. United Nations. 2025. Joint Action Plan for Central Asia. <https://unrcca.unmissions.org/ru>
 41. Vision of Humanity. 2025. Global Terrorism Index. <https://www.visionof-humanity.org/maps/global-terrorism-index/#/>
 42. Webber, L. 2024. Islamic state in Khorasan province's increased activity threatens Central Asia. <https://jamestown.org/program/islamic-state-in-khorasan-provinces-increased-activity-threatens-central-asia/>

Материал поступил в редакцию 08.01.2026

Утвержден к публикации 19.03.2026

**МОДЕЛЬ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ
(HRM) ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ОРГАНОВ НА ОСНОВЕ
МЕЖДУНАРОДНОГО ОПЫТА
ЭКОСИСТЕМНОГО ПОДХОДА**

Алия Дауешова¹
Сауле Искендинова^{2*}

¹Заместитель директора Национальной школы государственной политики Академии государственного управления при Президенте РК, PhD; Астана, Казахстан, e-mail Aliya.Daueshova@apa.kz, ORCID: 0000-0002-9872-6111

^{2*}Профессор Филиала Академии государственного управления при Президенте РК по Акмолинской области, кандидат экономических наук; Кокшетау, Казахстан, e-mail s.iskendirowa@apa.kz, ORCID: 0000-0003-3596-8831

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2026.114.1.011>

Аннотация. В статье рассматривается модель системы управления человеческими ресурсами (HRM) государственных органов, основанная на международном опыте применения экосистемного подхода. Обосновывается необходимость перехода от фрагментарного и административного понимания кадровой работы к целостной, человекоцентричной и стратегически ориентированной модели управления человеческим капиталом. Экосистемный подход трактуется как формирование гибкой и открытой HRM-системы, интегрирующей государственные институты, образовательные и научные организации, цифровые платформы, профессиональные сообщества и гражданское общество. Центральным элементом модели выступает управленческий цикл HRM, включающий планирование, организацию, мотивацию, контроль и оценку, в центре которого находится государственный служащий. Раскрывается структура модели, состоящая из взаимосвязанных подсистем привлечения, развития, оценки, мотивации и удержания персонала. Особое внимание уделяется институциональному, технологическому и социальному контурам взаимодей-

ствия, а также механизмам обратной связи. Делается вывод о том, что внедрение экосистемной HRM-модели способствует повышению эффективности государственного управления, развитию кадрового потенциала и укреплению доверия общества к государственной службе.

Ключевые слова: управление человеческими ресурсами (HRM), модель, экосистемный подход, государственная служба, человеческий капитал, цифровые HRM-платформы.

ЭКОЖҮЙЕ ТӘСІЛНІҢ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ТӘЖІРИБЕСІНЕ НЕГІЗДЕЛГЕН МЕМЛЕКЕТТІК ОРГАНДАРҒА АРНАЛҒАН АДАМ РЕСУРСТАРЫН БАСҚАРУ (АДР) ЖҮЙЕСІНІҢ МОДЕЛІ

Әлия Дауешова¹, Сәуле Искендинова^{2*}

¹Қазақстан Республикасы Президенті жанындағы мемлекеттік басқару академиясының Мемлекеттік саясаттың ұлттық мектебі директорының орынбасары, PhD

^{2*}Қазақстан Республикасы Президенті жанындағы Мемлекеттік басқару академиясы Ақмола облысы филиалының профессоры, экономика ғылымдарының кандидаты

Андатпа. Бұл мақалада экожүйелік тәсілдің халықаралық тәжірибесіне негізделген мемлекеттік органдардағы адами ресурстарды басқару (АДБ) моделі қарастырылады. Онда адами ресурстарды басқару жұмысын фрагменттелген және әкімшілік түсінуден тұтас, адамға бағытталған және стратегиялық бағытталған адами капиталды басқару моделіне көшу қажеттілігі негізделді. Экожүйелік тәсіл мемлекеттік мекемелерді, білім беру және ғылыми ұйымдарды, цифрлық платформаларды, кәсіби қауымдастықтарды және азаматтық қоғамды біріктіретін икемді және ашық АДБ жүйесін әзірлеу ретінде түсіндіріледі. Модельдің орталық элементі - жоспарлау, ұйымдастыру, мотивация, бақылау және бағалауды қамтитын АДБ басқару циклі, оның орталығында мемлекеттік қызметші бар. Модельдің құрылымы сипатталған, ол персоналды тарту, дамыту, бағалау, мотивациялау және ұстап тұру үшін өзара байланысты кіші жүйелерден тұрады. Институционалдық, технологиялық және әлеуметтік өзара әрекеттесуге, сондай-ақ кері байланыс механизмдеріне ерекше назар аударылады. Экожүйелік АДБ моделін енгізу мемлекеттік басқару тиімділігін арттыруға, адами ресурстар әлеуетін дамытуға және мемлекеттік қызметке деген қоғамдық сенімді нығайтуға ықпал етеді деген қорытындыға келуге болады.

Түйін сөздер: адами ресурстарды басқару (АДБ), модель, экожүйелік тәсіл, мемлекеттік қызмет, адами капитал, цифрлық АДБ платформалары.

A MODEL OF HUMAN RESOURCES MANAGEMENT (HRM) SYSTEM FOR GOVERNMENT BODIES BASED ON INTERNATIONAL EXPERIENCE OF THE ECOSYSTEM APPROACH

Aliya Dauyeshova¹, Saule Iskendirova^{2*}

¹Deputy Director of the National School of Public Policy of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, PhD

^{2*}Professor of the Akmola Region Branch of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, PhD in Economics

Abstract. This article examines a model for human resource management (HRM) in government agencies, based on international experience with the ecosystem approach. It substantiates the need to move from a fragmented and administrative understanding of HR work to a holistic, people-centered, and strategically oriented model of human capital management. The ecosystem approach is interpreted as the development of a flexible and open HRM system integrating government institutions, educational and scientific organizations, digital platforms, professional communities, and civil society. The central element of the model is the HRM management cycle, including planning, organization, motivation, control, and evaluation, with the civil servant at its center. The model's structure is described, consisting of interconnected subsystems for attracting, developing, evaluating, motivating, and retaining personnel. Particular attention is paid to the institutional, technological, and social interactions, as well as feedback mechanisms. It is concluded that the implementation of an ecosystem HRM model contributes to improved public administration efficiency, the development of human resource potential, and strengthening public trust in the civil service.

Keywords: *Human Resource Management (HRM), model, ecosystem approach, public service, human capital, digital HRM platforms.*

Введение

Современная система государственного управления требует перехода от фрагментарного и административного понимания кадровой работы к целостной модели управления человеческими ресурсами, основанной на принципах экосистемного взаимодействия. В такой модели человеческий капитал рассматривается не как подчинённый элемент организационной структуры, а как ключевой ресурс и драйвер устойчивого развития государственной службы.

Экосистемный подход в управлении человеческими ресурсами государственных органов предполагает формирование гибкой, саморегулирующейся и открытой системы, интегрирующей различные уровни и акторов управления: государственные институты, образовательные и научные организации, цифровые платформы, профессиональные сообщества и гражданское общество. Взаимодействие этих элементов формирует устойчивую кадровую экосистему, способную адаптироваться к внешним изменениям и обеспечивать воспроизводство профессионального потенциала государственного аппарата.

Центральным ядром модели выступает управленческий цикл HRM, включающий взаимосвязанные функции планирования, организации, мотивации и контроля, в центре которого находится человек, а именно государственный служащий.

- Планирование ориентировано на стратегический анализ кадровых потребностей, формирование кадрового резерва и прогнозирование раз-

вития компетенций с учётом приоритетов государственной политики.

- Организация направлена на распределение функций и ответственности между различными институтами, выстраивание горизонтальных связей и внедрение цифровых инструментов управления человеческими ресурсами.
- Мотивация охватывает систему материальных и нематериальных стимулов, карьерное развитие, признание заслуг и поддержание профессионального благополучия государственных служащих.
- Контроль и оценка обеспечивают мониторинг эффективности кадровых решений, обратную связь и корректировку стратегий управления персоналом.

Структура модели включает несколько взаимодополняющих подсистем HRM, каждая из которых отвечает за определённый аспект развития человеческого капитала: привлечение и отбор, адаптацию и развитие, оценку деятельности, мотивацию и удержание, а также поддержку психологического и организационного благополучия. Совокупное функционирование этих подсистем обеспечивает согласованность кадровых решений и устойчивость всей системы управления.

Экосистемный характер модели проявляется в интеграции трёх контуров взаимодействия:

- институционального, объединяющего государственные органы, организации образования в сфере подготовки и переподготовки государственных служащих, исследовательские центры и профессиональные ассоциации;
- технологического, включающего цифровые HRM-платформы, аналитические инструменты и базы данных, обеспечивающие объективность и прозрачность кадровых процессов;
- социального, представляющего ожидания граждан, общественные инициативы и систему общественной обратной связи, формирующую доверие к кадровой политике государства.

Модель предполагает наличие устойчивых механизмов обратной связи, реализуемых через HR-аналитику, общественные консультации, цифровой мониторинг и оценку вовлечённости сотрудников. Эти механизмы обеспечивают постоянную адаптацию системы и её способность к саморефлексии, что является необходимым условием современной управленческой практики.

Реализация модели способствует переходу от административного кадрового учёта к стратегическому управлению человеческим капиталом. Она создаёт условия для повышения эффективности государственного аппарата, формирования новых управленческих лидеров, развития компетенций и укрепления доверия между государством, служащими и обществом.

Таким образом, экосистемная HRM-модель государственных органов представляет собой многоуровневую систему, в которой объединяются принципы стратегического управления, человекоцентричности и межинституционального взаимодействия. Её внедрение обеспечивает переход от статичной кадровой политики к динамичной системе развития человеческих ресурсов, способной не только воспроизводить, но и приумножать человеческий потенциал государственной службы в интересах устойчивого развития страны.

Методы исследования

В ходе работы использовались различные научные методы, чтобы собрать, изучить, обработать и проанализировать информацию. Применялись такие подходы, как:

- причинно-следственный анализ для выявления взаимосвязей и причин изменения показателей;
- абстрактно-логический анализ для обобщения информации и построения выводов;
- сравнительный метод для сопоставления данных и выявления различий;
- системный анализ для комплексного исследования.

Данные методы применялись для анализа и изучения тенденций в сфере управления человеческими ресурсами. Абстрактно-логический метод использовался для выявления существующих проблем и факторов, влияющих на качество человеческих ресурсов в госуправлении. Сравнительный и системный методы помогли в разработке общих подходов к формированию модели системы управления человеческими ресурсами (HRM) государственных органов на основе международного опыта экосистемного подхода.

Информационную базу составили опубликованные труды ученых-экономистов, законодательные и программные документы, результаты зарубежных встреч с представителями госорганов по вопросам управления человеческими ресурсами в Южной Корее и Бельгии.

Результаты исследования

Теоретической базой модели выступает общая теория систем, разработанная Л. фон Берталанфи, согласно которой любая социальная организация представляет собой открытую, самоорганизующуюся систему, функционирование которой зависит от взаимодействия элементов и внешней среды [1]. В применении к управлению человеческими ресурсами это означает, что кадровая политика не может быть изолированной административной функцией - она должна быть встроена в общую систему государственного управления и взаимодействовать с множеством внешних акторов.

Развитие системного подхода в гуманитарных науках привело к формированию экосистемной парадигмы, восходящей к работам Ю. Бронфенбреннера и его экологической теории человеческого развития [2]. В соответствии с этой концепцией развитие человека и его деятельность обусловлены влиянием взаимосвязанных уровней среды - микро-, мезо-, экзо- и макросистемы. В контексте управления человеческими ресурсами данная логика интерпретируется как необходимость учитывать многоуровневое влияние факторов на профессиональное развитие служащего - от организационной культуры до образовательной и социальной среды.

Экосистемный подход предполагает, что любая организация существует не в изоляции, а в динамической сети взаимозависимых отношений (Iansiti & Levien, 2004) [3]. Для HRM это означает, что эффективное управление персоналом возможно лишь при учёте взаимодействия государства, образовательных учреждений, исследовательских институтов, гражданского общества,

бизнеса и цифровых платформ. Такое взаимодействие формирует самоподдерживающуюся кадровую экосистему, где развитие человека и развитие института власти становятся взаимосвязанными процессами.

Современная модель HRM формировалась на основе перехода от бюрократической к гуманистической и затем к интегративной модели управления.

- В рамках бюрократического подхода (М. Вебер, 1922) персонал рассматривался как административный ресурс, а главной задачей HRM была регламентация поведения служащих.
- Гуманистические теории (А. Маслоу, Д. МакГрегор, Ф. Херцберг) заложили идею о том, что человек - не только исполнитель, но и субъект управления, мотивируемый потребностями, ценностями и признанием.
- Интегративная, или стратегическая модель HRM, сформировавшаяся в 1980–1990-х годах (Д. Ульрих, М. Армстронг), акцентировала связь управления персоналом со стратегическими целями организации.

На современном этапе в управлении государственными кадрами всё большее распространение получает экосистемная модель HRM, в которой человек рассматривается не только как объект управления, но и как активный участник развития системы. Эта модель соединяет стратегическую, социальную и технологическую составляющие кадровой политики.

Экосистемная модель HRM опирается на ряд взаимосвязанных теоретических оснований:

1. Теория открытых систем (L. von Bertalanffy, 1950; Katz & Kahn, 1978) - государственная HR-система взаимодействует с внешней средой и адаптируется под её изменения через механизмы обратной связи. [5]

2. Институциональная теория (P. DiMaggio, W. Powell, 1983) - кадровая политика государственных органов формируется под влиянием формальных норм и неформальных ожиданий общества, что требует гибкости и адаптивности. [7]

3. Теория человеческого капитала (G. Becker, 1964) - инвестиции в профессиональное развитие служащих повышают эффективность государственных институтов. [4]

4. Концепция организационного обучения (P. Senge, 1990) - госслужба рассматривается как «обучающаяся организация», где развитие компетенций персонала является постоянным процессом. [6]

5. Парадигма человекоцентричного управления (D. Goleman, A. Hargreaves, 2003) - эффективность государственных структур зависит от уровня эмоционального интеллекта, лидерства и культуры доверия. [8]

Исходя из теоретических основ, экосистемная HRM-модель государственных органов строится на следующих принципах:

- Целостность - HRM неразрывно связана с миссией, стратегией и культурой государственного управления.
- Сетевое взаимодействие - управление кадрами осуществляется через партнёрства с внешними институтами (образовательными, научными, общественными).
- Адаптивность - система гибко реагирует на изменения внешней среды.
- Самообучение и рефлексия - управление строится на анализе данных и постоянной корректировке решений.

- Человекоцентричность - приоритетом является развитие потенциала служащего, а не только выполнение функций.

Эта модель соединяет теорию управления и системную философию: государственная HR-система становится не только механизмом обеспечения кадров, но и живой экосистемой, способной к развитию, инновациям и воспроизводству

Экосистемный подход позволяет объединить кадровое управление с цифровой трансформацией, образовательной политикой и социальным развитием. Он создаёт основу для формирования устойчивого человеческого капитала, где ключевую роль играет не контроль, а развитие, не вертикальная подчинённость, а горизонтальные связи и обмен знаниями.

Таким образом, теоретическая основа модели сочетает системное мышление, принципы адаптивности и человекоцентричную парадигму, что соответствует современным международным стандартам государственного управления и стратегическим приоритетам Республики Казахстан.

Обсуждение результатов

Современные концепции государственного управления опираются на переход от классической модели «государства–регулятора» к модели государства - сервиса, ориентированной на потребности и ценности граждан. В этой парадигме человек перестаёт быть объектом управления, а становится центральным субъектом и партнёром государства в достижении общественно значимых целей. Человекоцентричный подход предполагает, что эффективность власти измеряется не количеством реализованных процедур, а качеством воздействия на благополучие и развитие граждан, а также уровнем доверия к институтам.

Теоретические основания человекоцентричного управления восходят к гуманистическим и организационно-психологическим концепциям XX века. В частности, идеи А. Маслоу о самоактуализации, теории Х и Y Д. МакГрегора и модели «двух факторов» Ф. Херцберга положили начало пониманию того, что мотивация и вовлечённость личности являются ключевыми источниками организационной эффективности [9; 10; 11]. Эти принципы, интегрированные в управленческие теории П. Друкера и М. Армстронга, сформировали основу стратегического управления человеческим капиталом, где приоритет отдаётся развитию потенциала человека и его профессиональной автономии [12].

Экосистемный подход дополняет человекоцентричную парадигму, обеспечивая системную и средовую основу её реализации. Он позволяет рассматривать развитие человека не изолированно, а во взаимосвязи с многоуровневой средой - организационной, институциональной, технологической и социальной. Такая интерпретация перекликается с экологической моделью развития человека Ю. Бронфенбреннера, где эффективность любого воздействия зависит от согласованности факторов на разных уровнях среды [2].

В контексте государственного управления экосистемная модель создаёт платформу для распределённого лидерства и сетевого взаимодействия, в которой центры принятия решений и развития кадрового потенциала находятся не только в рамках конкретного органа, но и за его пределами - в образовательных учреждениях, исследовательских центрах, гражданских институтах

и международных партнёрствах. Такой подход формирует открытую кадровую среду, способную к саморегуляции и обмену знаниями, что является необходимым условием для человекоцентричной государственной службы.

Важным компонентом этой взаимосвязи является институциональное доверие. Теоретические исследования Дж. Коулмана и Ф. Фукуямы подчёркивают, что доверие выступает ключевым социальным капиталом, обеспечивающим устойчивость и адаптивность сложных систем управления [13; 14]. В человекоцентричной экосистеме HRM доверие выражается в прозрачных процедурах, справедливой оценке, равных возможностях и взаимной ответственности государства и служащего.

Экосистемный подход также способствует реализации принципа ценностного управления (values-based management), который усиливает роль морально-этических норм, эмпатии и социальной ответственности в работе государственных институтов. Согласно исследованиям М. Морана и Дж. Барретта, ценностно-ориентированное управление обеспечивает внутреннюю согласованность между личными и институциональными мотивами, повышая устойчивость и мотивацию сотрудников [15].

Таким образом, человекоцентричная модель государственного управления получает в экосистемном подходе структурную, технологическую и институциональную основу. Экосистема создаёт условия, при которых развитие человека становится не частным направлением кадровой политики, а системным результатом взаимодействия множества факторов и сред. В этом контексте модель HRM, основанная на экосистемных принципах, выступает инструментом реализации человекоцентричной философии государственного управления - соединяя развитие человеческого потенциала, эффективность институтов и доверие граждан.

Современные концепции государственного управления в ведущих странах мира последовательно отходят от традиционной административной парадигмы, основанной на принципах иерархии и регламентации, в сторону человекоцентричных и сетевых моделей управления. Человеческие ресурсы рассматриваются не как подчинённая функция бюрократического механизма, а как стратегический капитал, формирующий качество государственного управления и уровень доверия граждан к институтам власти.

В докладах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) отмечается, что кадровая политика современного государства должна строиться на принципах целостности, интеграции и сетевого взаимодействия. Концепция Whole-of-Government HRM предполагает формирование единого кадрового пространства, в котором объединяются институты развития, образовательные организации, экспертные сообщества и технологические платформы. Такая модель обеспечивает согласованность управленческих решений, горизонтальное взаимодействие ведомств и возможность оперативного реагирования на социально-экономические вызовы [16].

Опыт Сингапура является показательным примером экосистемного подхода к управлению человеческими ресурсами. Государственная кадровая система этой страны строится вокруг программы Human Capital Partnership, в рамках которой государственные структуры, частный сектор и университеты объединены в устойчивое кадровое сообщество, ориентированное на разви-

тие потенциала каждого специалиста. Ключевой задачей выступает поддержание непрерывного профессионального роста, формирование лидерского корпуса и создание гибких условий для обмена опытом между секторами [17].

В Канаде и Новой Зеландии реализованы человекоцентричные модели HRM, фокусирующиеся на сочетании эффективности и благополучия сотрудников. В рамках программ Public Service Renewal и Wellbeing Budget кадровая политика направлена на развитие компетенций, сохранение мотивации и создание условий для участия служащих в принятии управленческих решений. Такая интеграция социального и управленческого аспектов рассматривается как фактор устойчивости государственного управления и формирования культуры ответственности [18].

В государствах Европейского союза развитие HRM осуществляется в тесной связи с образовательной, инновационной и цифровой политикой. Европейская комиссия в своих рекомендациях подчёркивает необходимость перехода от административного учёта персонала к управлению человеческим капиталом на основе данных, аналитики и прогнозирования. Центральное место занимает цифровизация кадровых процессов, использование HR-аналитики и формирование индивидуализированных траекторий профессионального развития государственных служащих [19].

Организация Объединённых Наций в своих концептуальных документах по вопросам эффективного государственного управления отмечает, что устойчивые и инклюзивные государственные институты невозможны без построения человекоцентричных кадровых систем. В рамках инициативы United Nations Development Programme (UNDP) подчёркивается необходимость перехода к адаптивным экосистемам управления человеческими ресурсами, способным быстро реагировать на изменения и учитывать разнообразие потенциалов сотрудников. Экосистемный подход при этом рассматривается как инструмент достижения целей устойчивого развития (ЦУР) [20].

Всемирный банк в ежегодных обзорах государственного сектора (Public Sector Performance Reviews) обращает внимание на то, что эффективность управления напрямую зависит от способности государства интегрировать кадровую политику с задачами национального развития. Подчёркивается значение механизмов обратной связи, цифровой трансформации кадровых систем и создания сред, в которых мотивация и профессиональное развитие государственных служащих выступают ключевыми драйверами реформ [21].

Таким образом, международная практика подтверждает целесообразность перехода к экосистемной модели HRM. Её ключевое преимущество заключается в создании самоподдерживающейся системы, где государственные органы, образовательные учреждения, технологические платформы и общественные институты образуют взаимосвязанную среду развития человеческого капитала. Для Казахстана такая модель особенно актуальна в условиях модернизации государственного управления, цифровой трансформации и усиления ориентации на сервисное и человекоцентричное государство.

В Республике Корея кадровая политика государственного сектора координируется Министерством управления персоналом (Ministry of Personnel Management — MPM), которое является центральным органом по вопросам подбора, развития и оценки государственных служащих [22]. Ключевыми

принципами системы служат меритократия, профессионализм и прозрачность процедур [23].

Система управления персоналом имеет чётко выраженную институциональную структуру. Центральное министерство обеспечивает стандартизацию кадровых процессов, в то время как отдельные государственные органы отвечают за реализацию кадровых решений в рамках единой методологии. Особое внимание уделяется профессионализации и развитию управленческих компетенций. Для этого действует Национальный институт развития человеческих ресурсов (National Human Resources Development Institute — NHI), выполняющий функции образовательного и исследовательского центра для государственных служащих [24].

Начиная с 2010-х годов, Корея активно развивает цифровую экосистему HRM. На национальном уровне внедряются интегрированные кадровые платформы, объединяющие электронные системы управления персоналом, обучения и карьерного развития [25]. Министерство управления персоналом реализует стратегию «Intelligent Open Platform for HRD», ориентированную на применение технологий искусственного интеллекта и больших данных в кадровой аналитике и обучении [26].

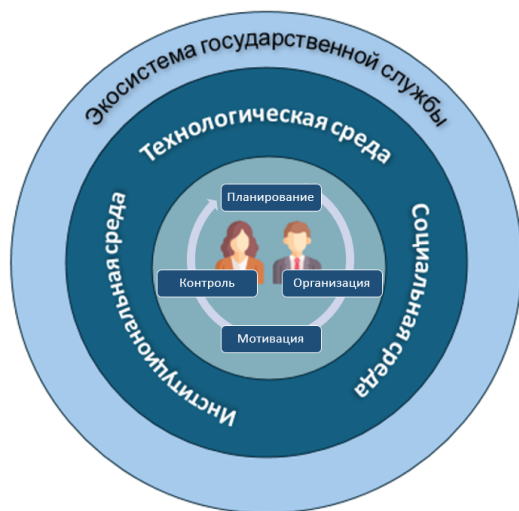
Таким образом, корейская модель сочетает жёсткую институциональную координацию с гибкой цифровой адаптивностью. Она демонстрирует, как можно соединить стандартизированные кадровые процессы с возможностями персонализированного развития, что полностью соответствует логике экосистемного подхода, где нормы, данные и компетенции образуют единую самообновляющуюся структуру.

Бельгия представляет пример многоуровневой кадровой системы, сочетающей централизованную стратегию и децентрализованную реализацию кадровой политики. Центральным органом в этой сфере является Федеральная служба по кадровой и организационной политике (FPS BOSA), которая координирует кадровую деятельность между различными федеральными ведомствами [27].

Ключевым направлением реформы государственной службы в Бельгии стало внедрение компетенционного управления и разработка многолетних стратегий развития кадрового потенциала. Уже с конца 1990-х годов в рамках программы «Sorernicus Plan» был осуществлён переход от административных кадровых процедур к системам, ориентированным на компетенции, мотивацию и лидерство [28].

Современная стратегия HR Vision 2024–2029 для федеральной государственной службы акцентирует внимание на принципах evidence-based HRM — управлении, основанном на данных, исследованиях и аналитике [29]. Бельгийская модель демонстрирует, что децентрализация кадровых решений может быть эффективной при наличии единой методологической и аналитической платформы, обеспечивающей согласованность действий между федерацией, регионами и муниципальными структурами [30].

Рисунок 1. Экосистема государственной службы

Экосистемная модель управления человеческими ресурсами строится на предположении, что устойчивость и эффективность кадровой системы зависят не только от наличия управленческих механизмов, но и от способности системы воспроизводить и закреплять собственные нормы, стандарты и формы профессионального поведения. Любая экосистема предполагает наличие институциональной среды - структур, правил и процедур, которые обеспечивают её нормативную целостность, согласованность действий участников и преемственность управленческих практик.

В контексте государственного управления институциональная среда выполняет двойную функцию: она одновременно создаёт нормативные рамки взаимодействия и служит каналом воспроизводства управленческих знаний и компетенций. Через институты - профессиональные, образовательные, нормативно-правовые - экосистема кадрового управления поддерживает баланс между стабильностью и развитием, обеспечивая обновление человеческого капитала без разрушения системы его регуляции.

В этой логике ключевое значение приобретает разработка и внедрение механизмов, которые формализуют и закрепляют управленческие стандарты, обеспечивают их воспроизводимость и согласование с международными принципами качества. Именно эти задачи реализуются через два взаимосвязанных направления: программу HR-сертификации по международным стандартам ISO и образовательные программы нового поколения - Minor Program по государственному и местному управлению и программы магистратуры по Стратегическому HR. Эти направления представляют собой институциональные проявления системных принципов модели, где нормативность, профессионализация и обучение выступают взаимосвязанными элементами устойчивой кадровой экосистемы.

В экосистемной модели управления человеческими ресурсами устойчивость системы обеспечивается не только нормативными и технологически-

ми механизмами, но и способностью к воспроизводству - к постоянному обновлению компетенций, норм и знаний, лежащих в основе государственного управления. Без этого механизма экосистема теряет внутреннюю согласованность: она становится неспособной поддерживать соответствие между целями государственной политики и реальными возможностями кадрового корпуса. Именно поэтому в институциональном контуре модели особое место занимает образование - как форма нормативного воспроизводства и интеллектуального обновления управленческой среды.

С позиции системной теории образование выполняет функцию когнитивного и ценностного самообновления института государственной службы. Оно обеспечивает циркуляцию управленческих знаний, формирует профессиональные сообщества, разделяющие общие принципы взаимодействия, и закрепляет культуру стратегического мышления и ответственности. В рамках экосистемного подхода образовательная среда становится не внешним источником кадров, а внутренним механизмом самоподдержания системы, где воспроизводятся и обновляются основания её функционирования - от компетенций до управленческих смыслов.

В этой логике разработка и реализация Minor Program по программе Государственное и местное управление и программы магистратуры по Стратегическому HR представляют собой институционально организованные механизмы поддержания целостности экосистемы HRM. Эти программы создают пространство, где профессиональная подготовка, исследовательская деятельность и нормативное мышление объединяются в единую систему, обеспечивающую согласованность управленческих практик и стратегических целей государственного развития.

Minor Program по программе Государственное и местное управление направлена на формирование у обучающихся системного понимания государства как сложной управленческой структуры, внутри которой кадровая политика является не вспомогательной, а интегрирующей функцией. Программа акцентирует внимание на институциональных механизмах государственной службы, организационной архитектуре публичного управления и взаимосвязи кадровых решений с целями государственной политики. Таким образом, она формирует когнитивную основу для экосистемного типа мышления - способность видеть взаимозависимость между структурами, процессами и человеческим фактором как системообразующим элементом управления.

Программа магистратуры по Стратегическому HR ориентирована на развитие практических компетенций в области стратегического HR-менеджмента, оценки эффективности и цифровой трансформации кадровых процессов. В содержании программы акцент сделан на современном понимании человеческого капитала как ключевого ресурса государственной устойчивости, на использовании данных и аналитических инструментов для принятия решений, на внедрении этических и человекоцентричных принципов управления. Через освоение этих подходов формируется управленец нового типа - не администратор, а архитектор кадровой системы, способный работать с её институциональными и технологическими взаимосвязями.

Образовательные программы выполняют в модели функцию институционального воспроизводства управленческой культуры. Через них происходит

кодификация управленческих знаний, закрепление нормативных стандартов и формирование профессиональных идентичностей, ориентированных на стратегическое развитие государства. Они обеспечивают преемственность кадровой политики, согласовывая образовательное пространство с нормативными и технологическими рамками экосистемы HRM.

В экосистемной модели управления человеческими ресурсами устойчивость системы определяется не только полнотой её структурных элементов, но прежде всего степенью их нормативной согласованности. Для того чтобы взаимодействие между участниками кадровой системы - государственными органами, институтами развития, образовательными организациями и экспертными сообществами - не носило фрагментарного характера, необходим механизм, задающий единое поле понятий, принципов и процедур. Именно нормативное единство превращает совокупность институтов в экосистему, способную к самоорганизации и развитию без директивного управления.

В этой логике стандартизация выступает не как инструмент бюрократического контроля, а как форма институционального упорядочения, обеспечивающая воспроизводимость и предсказуемость кадровых процессов. Она фиксирует устойчивые взаимосвязи между ценностями, функциями и управленческими практиками, превращая их в нормативную инфраструктуру экосистемы. В экосистемном подходе стандарты не сдерживают инновации, а создают условия для их интеграции, так как задают правила прозрачного взаимодействия и универсальные критерии оценки качества человеческого капитала.

Именно из этих теоретических предпосылок вытекает необходимость внедрения сертификации по международным стандартам ISO в области HR как ключевого институционального механизма модели. Применение стандартов ISO в системе государственного управления позволяет сформировать единое нормативное пространство, где принципы экосистемности обретают формализованную форму. Сертификация становится способом перевода философии человекоцентричного и результативного управления в измеримую практику - в систему критериев, показателей и управленческих процедур.

Серия международных стандартов ISO в области HR охватывает базовые аспекты управления человеческим капиталом. СТ РК ISO 30400-2018 задаёт терминологическую и концептуальную согласованность системы, обеспечивая единообразие понимания ключевых понятий и процессов. СТ РК ISO 30408-2018 формулирует руководящие принципы построения эффективной системы управления персоналом - распределение ролей, механизмы подотчётности и связи HR-политики с целями организации. СТ РК ISO 30405-2018 раскрывает подходы к подбору кадров и развитию кадрового потенциала, а СТ РК ISO/TS 30407-2018 вводит аналитические инструменты измерения эффективности HR-деятельности и оценки затрат на подбор.

Таким образом, стандарты образуют многоуровневую нормативную архитектуру, обеспечивающую согласование стратегических, организационных и операционных аспектов кадрового управления. Сертификация по этим стандартам встраивается в институциональную логику модели как механизм внутренней верификации, посредством которого экосистема подтверждает соот-

ветствие своих принципов международным нормам качества и устойчивости.

Сертификация, будучи формой институционального рефлексирования, выполняет сразу несколько функций. Она задаёт единые критерии оценки профессиональной компетентности, переводя абстрактные принципы меритократии и профессионализма в операциональные показатели. Она повышает прозрачность кадровых процессов, создавая систему, в которой принятие решений становится прослеживаемым и обоснованным. И, наконец, она обеспечивает сопоставимость практик - как между различными государственными органами, так и в международном измерении, что укрепляет доверие к национальной системе государственной службы.

В теоретическом смысле сертификация выступает как механизм институциональной самоорганизации, посредством которого кадровая экосистема обретает способность к самопроверке, корректировке и развитию. В отличие от внешнего контроля, она основана на внутренней нормативной дисциплине, формирующей культуру ответственности и подотчётности. Через стандартизацию и сертификацию система осваивает управленческое знание, превращая его в часть собственной архитектуры.

Эффективность экосистемной модели управления человеческими ресурсами во многом определяется наличием технологического слоя, обеспечивающего взаимосвязанность всех её элементов и устойчивость обмена данными, знаниями и управленческими сигналами. Без развитой цифровой инфраструктуры экосистема утрачивает способность к самонаблюдению, что делает невозможными обратную связь, прогнозирование и адаптацию - ключевые признаки саморазвивающихся систем. Технологический контур в этом смысле является не просто техническим инструментом, а функциональной основой экосистемного равновесия, поддерживающей баланс между нормативным порядком и динамикой изменений.

В экосистемном подходе технология рассматривается не как внешнее дополнение к кадровой системе, а как внутренний механизм циркуляции управленческой информации. Именно через технологическую инфраструктуру реализуется связь между институциональными нормами, человеческим поведением и управленческими решениями. Данные о кадровых процессах, их аналитическая интерпретация и обратное влияние на принятие решений создают замкнутый контур управления, в котором экосистема проявляет свойства саморефлексии и самообновления.

Цифровая платформа E-Kuzmet в этой модели выступает технологическим ядром экосистемы HRM, обеспечивающим непрерывную информационную и аналитическую связь между различными уровнями государственного управления. Она интегрирует кадровые процессы, стандарты и практики в единую цифровую архитектуру, где каждый элемент системы отражает и усиливает другой. Через платформу осуществляется сбор, систематизация и анализ данных, что позволяет не только фиксировать текущее состояние кадровой системы, но и выявлять закономерности, прогнозировать риски и моделировать последствия управленческих решений.

Модернизация E-Kuzmet в русле экосистемного подхода направлена на развитие её интеллектуальных и регулятивных функций. В рамках проекта

реализуется методология оптимизации, автоматизации и цифровизации кадровых процессов, которая служит не просто техническим усовершенствованием, а выражением принципа адаптивности системы. Оптимизация процедур позволяет устранить дублирование и повысить согласованность действий разных ведомств, автоматизация - сократить транзакционные издержки и минимизировать субъективные ошибки, а цифровизация - обеспечить прозрачность, оперативность и управляемость кадровых данных.

Особое значение имеет формирование аналитического уровня платформы, основанного на сборе, очистке и кластеризации данных с использованием методов машинного обучения. Этот уровень превращает E-Kuzmet из инструмента фиксации кадровой информации в систему аналитического прогнозирования, способную выявлять структурные риски, кадровые разрывы и закономерности развития человеческого капитала. В результате система приобретает свойства «цифрового интеллекта» экосистемы - она не только отражает происходящее, но и обучается на основе накопленного опыта.

Цифровизация кадровых процессов в рамках E-Kuzmet выполняет и интегративную функцию: объединяя нормативные стандарты, образовательные траектории и аналитические инструменты, платформа формирует единую информационную среду кадровой экосистемы. В этой среде реализуются ключевые принципы экосистемного подхода - взаимосвязанность, прозрачность, воспроизводимость и человекоцентричность. Институциональные нормы находят своё воплощение в алгоритмах и цифровых процедурах, а данные становятся основой для обратной связи и стратегического прогнозирования.

Таким образом, E-Kuzmet можно рассматривать как технологическую форму выражения управленческого сознания системы. Она обеспечивает экосистеме возможность видеть, анализировать и регулировать собственное состояние, а также вырабатывать решения, основанные на объективных данных, а не на субъективных интерпретациях. Цифровая среда перестаёт быть инструментом администрирования и превращается в когнитивный компонент государственного управления - среду осмысления и рационализации кадровых процессов.

В более широком смысле технологический контур модели представляет собой материальное воплощение принципов человекоцентричности, заложенных в экосистемном подходе. Прозрачные цифровые процедуры, открытые данные и аналитическая обратная связь создают условия для справедливого и предсказуемого взаимодействия между государством и его служащими. В этом смысле цифровизация не противопоставляется гуманистическим ценностям, а служит их институциональному укреплению, превращая управление человеческими ресурсами в систему, способную сочетать эффективность и доверие.

Следовательно, платформа E-Kuzmet выступает не просто инструментом цифровой трансформации, а технологическим основанием экосистемы HRM, обеспечивающим её информационную связанность, адаптивность и устойчивое развитие. Она создаёт условия для того, чтобы кадровая система государства могла не только функционировать, но и учиться, корректировать себя и воспроизводить лучшие управленческие практики в соответствии с принципами открытости, профессионализма и ответственности.

Выводы

Экосистемная модель управления человеческими ресурсами государственных органов представляет собой целостную иерархически и функционально организованную систему, в которой институциональные, образовательные и технологические элементы образуют взаимозависимую структуру. Каждое из этих измерений выполняет собственную функцию - нормативную, воспроизводящую и инфраструктурную, - но их согласованность определяет устойчивость всей системы. Именно во взаимодействии этих трёх уровней раскрывается сущность экосистемного подхода: управление человеческими ресурсами перестаёт быть набором процедур и превращается в саморазвивающуюся среду, где знания, нормы и технологии образуют единую архитектуру управления.

Таблица 1. Экосистема государственной службы с учетом человекоцентричности

Институциональный контур	Технологический контур	Социальный контур
Стандартизация HRM подходов и практик через сертификационные программы	Накопление и обработка данных на цифровой платформе E-Kyzmet	Взаимосвязь с обществом и его институтами
Согласованность системы государственной службы через единые образовательные программы	Принятие управленческих HR решений на основе данных	

Институциональный контур обеспечивает нормативное основание модели. Через стандартизацию и сертификацию по международным стандартам ISO формируется пространство нормативной согласованности, где закрепляются принципы человекоцентричности, профессионализма и подотчётности. Этот контур создаёт «скелет» системы - её регулятивную структуру, задающую прозрачные и воспроизводимые правила взаимодействия между субъектами кадровой политики.

Образовательное измерение, представленное Minor Program по программе Государственное и местное управление и программы магистратуры Стратегический HR, выполняет функцию интеллектуального и ценностного воспроизводства. Оно обеспечивает циркуляцию управленческих знаний и формирование компетенций, поддерживающих внутреннюю согласованность системы. Образовательные программы трансформируют институциональные принципы в управленческую культуру, воспроизводя профессиональные сообщества, ориентированные на устойчивое развитие и человекоцентричные подходы к управлению.

Технологический контур, воплощённый в цифровой платформе E-Kyzmet, связывает институциональные и образовательные элементы в единую информационную и аналитическую систему. Через цифровые механизмы осуществляется обратная связь, накопление и обработка данных, формируется основа для управленческих решений, основанных на доказательности и анализе. В технологической среде принципы

модели обретают операциональную форму: стандартизация воплощается в алгоритмах, образование - в цифровых траекториях развития, а институциональные нормы - в прозрачных процедурах принятия решений.

Взаимосвязанность этих контуров формирует устойчивую экосистему, способную к саморегуляции и саморазвитию. Институциональные стандарты задают нормативные ориентиры; образовательная среда обеспечивает воспроизводство и интериоризацию этих норм; технологическая инфраструктура превращает их в действующие механизмы управления. Вместе они создают структуру, в которой человек становится не объектом административного регулирования, а активным элементом развития системы - носителем знания, компетенции и управленческой инициативы.

Таким образом, экосистемная модель HRM формирует новую парадигму государственного кадрового управления, основанную на принципах целостности, прозрачности и человекоцентричности. Её развитие отражает переход от статичных институтов к адаптивным системам, способным не только обеспечивать стабильность, но и продуцировать изменения. В этом смысле модель выступает не просто как организационная схема, а как концепция эволюционного государственного управления, в котором человеческий капитал становится основным источником инноваций, устойчивости и доверия к институтам власти.

Источник финансирования исследований

Статья подготовлена в рамках научного проекта ИРН BR24993258 «Экосистемный подход к управлению человеческими ресурсами на государственной службе на основе принципа человекоцентричности с применением цифровых инструментов» программно-целевого финансирования на 2024-2026 годы, финансируемого Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан

Список литературы / References

1. von Bertalanffy L. General System Theory: Foundations, Development, Applications. New York: George Braziller, 1968. - 289 p.
2. Bronfenbrenner U. The Ecology of Human Development. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1979. - 330 p.
3. Iansiti M., Levien R. The Keystone Advantage: What the New Dynamics of Business Ecosystems Mean for Strategy, Innovation, and Sustainability. Boston: Harvard Business School Press, 2004. - 264 p.
4. Becker G. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. Chicago: University of Chicago Press, 1964. - 412 p.
5. Katz D., Kahn R. The Social Psychology of Organizations. 2nd ed. New York: Wiley, 1978. - 500 p.
6. Senge P. The Fifth Discipline: The Art and Practice of the Learning Organization. New York: Doubleday, 1990. - 424 p.
7. DiMaggio P., Powell W. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields. American Sociological Review, 1983, Vol. 48, No. 2, pp. 147–160.
8. Goleman D., Boyatzis R., McKee A. Primal Leadership: Learning to Lead with Emotional Intelligence. Boston: Harvard Business School Press, 2003. - 336 p.

9. Maslow A. *Motivation and Personality*. New York: Harper & Row, 1954. - 369 p.
10. McGregor D. *The Human Side of Enterprise*. New York: McGraw-Hill, 1960. - 276 p.
11. Herzberg F. *Work and the Nature of Man*. Cleveland: World Publishing Company, 1966. - 212 p.
12. Drucker P. *Management: Tasks, Responsibilities, Practices*. New York: Harper & Row, 1974. - 553 p.; Armstrong M. *A Handbook of Human Resource Management Practice*. 14th ed. London: Kogan Page, 2020. - 740 p.
13. Coleman J. *Foundations of Social Theory*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990. - 993 p.
14. Fukuyama F. *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity*. New York: Free Press, 1995. - 457 p.
15. Moran M., Barrett J. *Values-Based Leadership: The Foundation for Effective Leadership*. *Journal of Business Ethics*, 2019, Vol. 158, No. 4, pp. 997–1015.
16. OECD. *Public Employment and Management 2021: The Future of the Public Service*. Paris: OECD Publishing, 2021. - 132 p.
17. Ministry of Manpower Singapore. *Human Capital Partnership Programme*. Singapore, 2022. URL: <https://www.mom.gov.sg/hcp> (дата обращения: 05.10.2025).
18. Government of Canada. *Public Service Renewal Annual Report 2022–2023*. Ottawa, 2023. - 78 p.; The Treasury of New Zealand. *The Wellbeing Budget 2021*. Wellington, 2021. - 152 p.
19. European Commission. *European Framework for Public Administration Competence and Skills (EUPA-CS)*. Brussels, 2022. - 94 p.
20. United Nations Development Programme (UNDP). *Human Development Report 2023/24: Breaking the Gridlock – Reimagining Cooperation in a Polarized World*. New York: UNDP, 2024. - 214 p.
21. The World Bank. *Public Sector Performance: Institutional and Human Resource Drivers*. Washington, D.C.: The World Bank, 2023. - 186 p.
22. Ministry of Personnel Management (MPM). *Fundamental Principles and Classification of Public Officials*. Seoul: MPM, 2018. URL: <https://www.mpm.go.kr/english/system/publicOfficials/>
23. Kim P.-S. *The Civil Service System in the Republic of Korea*. In: *Public Administration in East Asia*. London: Routledge, 2010.
24. National Human Resources Development Institute (NHI). *About NHI*. URL: <https://www.mpm.go.kr/english/system/humanResource/>
25. MPM. *Human Resource Information Systems in Korea*. Seoul: MPM, 2020.
26. MPM. *Intelligent Open Platform for HRD*. Seoul: Ministry of Personnel Management, 2022.
27. Federal Public Service Policy and Support (FPS BOSA). *About BOSA*. Brussels: FPS BOSA, 2024. URL: <https://bosa.belgium.be/en>
28. K.U. Leuven / Public Management Institute. *HRM in the Belgian Federal Government*. Leuven: KU Leuven, 2010.
29. FPS BOSA. *HR Vision 2024–2029 for the Belgian Federal Civil Service*. Brussels: FPS BOSA, 2024.
30. *The Brussels Times*. *Government Eases Federal Recruitment Measures*. Brussels, 2021.

Материал поступил в редакцию 19.01.2026

Утвержден к публикации 19.03.2026

